Петровский А.В., Ярошевский М.Г.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Том 2

Издательство «Феникс»
Ростов-на-Дону
1996

ББК 65.5
И 84

Художник О.Бабкин

Петровский А.В., Ярошевский М.Г.
И 84 История и теория психологии. – Ростов-на-Дону:
Издательство «Феникс», 1996. Том 2. – 416 с.

И 4704010000 _ без объявления ББК 65.5
4МО (03)-96

ISBN 5-85880-159-5

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМЫ

Глава 10

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Монизм, дуализм и плюрализм

В бесчисленных попытках определить природу психических явлений всегда – в явной или неявной форме – предполагалось понимание ее взаимоотношений с другими явлениями бытия.

Вопрос о месте психического в материальном мире различно решался приверженцами философии монизма (единства мироустройства), дуализма (исходящего из двух различных по своей сущности начал) и плюрализма (считающего, что имеется множество таких первоначал).

Соответственно, мы уже знакомы с первыми естественнонаучными воззрениями на душу (психику) как одну из частных трансформаций единой природной стихии. Таковы были первые воззрения древнегреческих философов, представлявших эту стихию в образе воздуха, огня, потока атомов.

Также возникли попытки считать единицами мира не вещественные, чувственно зримые элементы, а числа, отношения которых образуют гармонию космоса. Таковым являлось учение Пифагора (VI век до н. э.). При этом следует учесть, что единое вещество, служащее основой всего сущего (в том числе души), мыслилось как живое, одушевленное (см. выше – гилозоизм), а для Пифагора и его школы число вовсе не было внечувственной абстракцией. Космос, им образованный, виделся как геометро-акустическое единство. Гармония сфер для пифагорейцев означала их звучание.

Все это свидетельствует, что монизм древних имел чувственную окраску и

чувственную тональность. Именно в чувственном, а не абстрактном образе утверждалась идея нераздельности психического и физического.

Что касается дуализма, то наиболее резкое, классическое выражение он получил у Платона. В своих полемических диалогах он раздвинул все, что только возможно: идеальное и материальное, ощущаемое и мыслимое, тело и душу. Но не в противопоставлении чувственного мира зримому, чувств разуму состоит исторический смысл платоновского учения, его влияния на философско-психологическую науку Запада, вплоть до современной эпохи. Платоном была открыта проблема идеального. Доказывалось, что у разума имеются совершенно особые, специфические объекты. В приобщении к ним и заключается умственная деятельность.

В силу этого психическое, обретя признак идеальности, оказалось резко обособленным от материального. Возникли предпосылки для противопоставления идеальных образов вещей самим вещам, духа – материи. Платон преувеличил одну из особенностей человеческого сознания. Но только тогда она стала заметной.

Наконец, следует сказать о плюрализме.

Так же, как уже в древности сложились монистические и дуалистические способы понимания отношений психики к внешнему материальному миру, зародилась идея плюрализма. Сам же термин появился значительно позже. Его предложил в XVIII веке философ Х. Вольф (учитель М. В. Ломоносова), чтобы противопоставить монизму. Но уже древние греки искали взамен одного «корня» бытия несколько. В частности, выделялись четыре стихии: земля, воздух, огонь, вода.

В новое время в учениях персонализма, принимающего каждую личность за единственную во Вселенной (В. Джемс и другие), доминирующими стали идеи плюрализма. Они раскалывают бытие на множества миров и, по существу, снимают с повестки дня вопрос о взаимосвязи психических и внепсихических (материальных) явлений. Сознание тем самым превращается в изолированный «остров духа».

Реальная ценность психики в единой цепи бытия – это не только предмет философских дискуссий. Отношение между тем, что дано сознанию в форме образов (или переживаний), и тем, что происходит во внешнем физическом мире, неотвратимо представлено в практике научных исследований.

Душа как способ усвоения

Первый опыт монистического понимания отношений душевных явлений к внешнему миру принадлежит Аристотелю. Для предшествующих учений здесь психофизической проблемы вообще не существовало (поскольку душа представлялась либо состоящей из тех же физических компонентов, что и

окружающий мир, либо она, как это было в школе Платона, противопоставлялась ему в качестве гетерогенного начала).

Аристотель, утверждая нераздельность души и тела, понимал под последним биологическое тело, от которого качественно отличны все остальные природные тела. Тем не менее оно зависит от них и взаимодействует с ними как на онтологическом уровне (поскольку жизнедеятельность невозможна без усвоения вещества), так и на гносеологическом (поскольку душа несет знание об окружающих ее внешних объектах).

Выход, найденный Аристотелем в его стремлении покончить с дуализмом Платона, был воистину новаторским. Его подоплекой служил биологический подход. Напомним, что душа мыслилась Аристотелем не как единое, а как образуемое иерархией функций: растительной, животной (говоря нынешним языком — сенсомоторной) и разумной. Основанием для объяснения более высоких функций служила самая элементарная, а именно – растительная. Ее он рассматривал в достаточно очевидном контексте взаимодействия организма со средой.

Без физической среды и ее веществ работа «растительной души» невозможна. Она поглощает внешние элементы в процессе питания (обмена веществ). Однако внешний физический процесс сам по себе причиной деятельности этой растительной (вегетативной) души быть не может, если бы к этому не было расположено устройство организма, воспринимающее физическое воздействие. Прежние исследователи считали причиной жизнедеятельности огонь. Но ведь он способен возрастать и разрастаться. Что же касается организованных тел, то для их величины и роста «имеются граница и закон». Питание происходит за счет внешнего вещества, однако оно поглощается живым телом иначе, чем неорганическим, а именно благодаря «механике» целесообразного распределения.

Иначе говоря, душа есть специфический для живой организации способ усвоения внешнего, приобщения к нему.

Эту же модель решения вопроса о соотношении физической среды и обладающего душой организма Аристотель применил к объяснению способности ощущать. Здесь также внешний физический предмет ассимилируется организмом соответственно организации живого тела. Физический предмет находится вне его, но благодаря деятельности души он входит в организм, особым образом запечатлевая не свое вещество, а свою форму. Каковой и является ощущение.

Главные трудности, с которыми столкнулся, следуя этой стратегии, Аристотель, возникли при переходе от сенсомоторной (животной) души к разумной. Ее работа должна была быть объяснена теми же факторами, которые позволили бы применить приемы, новаторски справиться с загадками питания и ощущения.

Подразумевалось два фактора — внешний по отношению к душе объект и адекватная ему телесная организация. Однако объектам, «ассимилируемым» разумной частью души, свойственна особая природа. В отличие от предметов,

действующих на органы чувств, они лишены вещественности. Это общие понятия, категории, умственные конструкты. Если телесность органа чувств самоочевидна, то о телесном органе познания внечувственных идей ничего неведомо.

Аристотель стремился понять активность разумной души не как уникальное, ни с чем не сопоставимое явление, а как родственное общей активности живого, ее частный случай. Он полагал, что принцип перехода возможности в действительность, то есть активации внутренних потенций души, имеет одинаковую силу как для разума, постигающего общие формы вещей, так и для обмена веществ в растениях или ощущения физических свойств предмета органом чувств.

Но отсутствие вещественных предметов, адекватных деятельности ума, побудило его допустить существование идей (общих понятий), подобных тем, о которых говорил его учитель Платон. Тем самым он, переходя вслед за Платоном на позицию дуализма, обрывал детерминистское решение психофизической проблемы на уровне животной души с ее способностью обладать чувственными образами.

За пределами этой способности внутренние связи психических функций с физическим миром обрывались.

Трансформация учения Аристотеля в томизм

Учение Аристотеля о душе решало биологические, естественнонаучные задачи. В эпоху средневековья оно было переписано на другой, отвечающий интересам католичества язык, созвучный этой религии.

Самым популярным переписчиком стал Фома Аквинский, книги которого под именем томизма были канонизированы церковью. Типичной особенностью средневековой идеологии, отражавшей социальное устройство феодального общества, являлся иерархизм: младший существует ради блага старшего, низшие — ради высших, и только в этом смысле мир целесообразен. Иерархический шаблон Фома распространил на описание душевной жизни, различные формы которой размещались в ступенчатом ряду – он низшего к высшему. Каждое явление имеет свое место.

В ступенчатом ряду расположены души – растительная, животная, разумная (человеческая). Внутри самой души иерархически располагаются способности и их продукты (ощущение, представление, понятие).

Идея «ступенчатости» форм означала у Аристотеля принцип развития и своеобразия структуры живых тел, которые отличаются уровнями организации. В томизме части души выступали как ее имманентные силы, порядок расположения которых определяется не естественными законами, а степенью близости к Всевышнему. Низшая часть души обращена к бренному миру и дает несовершенное познание, высшая обеспечивает общение с Господом и по его

милости позволяет постигать порядок явлений.

У Аристотеля, как мы отмечали, актуализация способности (деятельность) предполагает соответствующий ей объект. В случае растительной души этим объектом является усваиваемое вещество, в случае животной души – ощущение (как форма объекта, воздействующего на орган чувств), разумной – понятие (как интеллектуальная форма).

Это аристотелевское положение и преобразуется Фомой в учение об интенциональных актах души. В интенции как внутреннем, умственном действии всегда «сосуществует» содержание – предмет, на который она направлена. (Под предметом понимался чувственный или умственный образ.)

В понятии об интенции имелся рациональный момент. Сознание — не «сцена» или «пространство», наполняемое «элементами». Оно активно и изначально предметно. Поэтому понятие об интенции не исчезло вместе с томизмом, но перешло в новую эмпирическую психологию, когда функциональное направление выступило против школы Вундта.

Важную роль в укреплении понятия об интенции сыграл австрийский философ Ф. Брентано, выступивший в конце XIX века со своим, отличным от вундтовского, планом преобразования психологии в самостоятельную науку, предмет которой никакой другой наукой не изучается (см. выше).

Будучи католическим священником, Брентано изучил психологические сочинения Аристотеля и Фомы. Однако Аристотель считал душу формой тела – и применительно к ее растительным и сенсорным функциям – сопряженной с физическим миром (телами внешней природы). Интенция сознания и предмет, который с ней сосуществует, обрели характер духовных сущностей. Тем самым психофизическая проблема была «закрыта».

Обращение к оптике

Новое содержание психофизическая проблема приобрела в контексте успехов естественнонаучной мысли в области оптики, соединившей эксперимент с математикой. Этот раздел физики успешно разрабатывался в эпоху средневековья как арабоязычными, так и латиноязычными исследователями. В границах религиозного мировоззрения они, поставив душевное явление (зрительный образ) в зависимость от законов, объективно действующих во внешнем мире, возвращались к психофизической проблеме, снятой с повестки дня томизмом.

Наряду с трудами Ибн аль-Хайсама важную роль в укреплении этого направления сыграло учение о «перспективе» Роджера Бэкона (ок. 1214 – 1294).

Оптика переключала мысль с биологической ориентации на физико-математическую. Использование схем и понятий оптики для объяснения того, как строится изображение в глазу (то есть психический феномен, возникающий в телесном органе), ставило физиологические и психические факты в зависимость

от общих законов физического мира. Эти законы — в отличие от неоплатонической спекуляции по поводу небесного света, излучением (эманацией) которого считалась человеческая душа, – проходили эмпирическую проверку (в частности путем использования различных линз) и получали математическое выражение.

Трактовка живого тела (по крайней мере одного из его органов) как среды, где действуют физико-математические законы, была принципиально новым ходом мысли, которого не знала античная наука. Независимо от степени и характера осознания его новизны и важности самими средневековыми естествоиспытателями в структуре научно-психологического мышления произошло необратимое изменение, исходной точкой которого являлось понимание сенсорного акта (зрительного ощущения) как физического эффекта, строящегося по законам оптики. Хотя имелся в виду лишь определенный круг феноменов, связанных с функцией одного из органов, объективно начиналась интеллектуальная революция, захватившая в дальнейшем всю сферу психической деятельности, до самых высших ее проявлений включительно.

Конечно, выяснить пути движения световых лучей в глазу, особенности бинокулярного зрения и т. д. очень важно, чтобы объяснить механизм возникновения визуального образа. Но какие основания видеть в этом нечто большее, чем выяснение физических предпосылок одной из разновидностей рецепции?

Независимо от того, претендовали ли Ибн аль-Хайсам, Роджер Бэкон и другие на это большее, входила ли в их замыслы общая реконструкция исходных принципов для объяснения психических процессов, они положили начало такой реконструкции. Опираясь на оптику, они преодолевали телеологический способ объяснения. Движение светового луча в физической среде зависит от свойств этой среды, а не направляется заранее данной целью, как это предполагалось в отношении движений, совершающихся в организме.

Работа глаза считалась образцом целесообразности. Вспомним, что Аристотель видел в этой работе типичное выражение сущности живого тела как материи, организуемой и управляемой душой: *«Если бы глаз был лживым существом, душою его было бы зрение»*. Зрение, которое ставилось в зависимость от законов оптики, переставало быть «душой глаза» (в аристотелевской трактовке). Оно включалось в новый причинный ряд, подчинялось физической, а не имманентно-биологической необходимости.

В качестве выражения принципа необходимости издавна выступали математические структуры и алгоритмы[1].

Но сами по себе они недостаточны для детерминистского объяснения

---

[1] *Наши термины «алгебра» и «алгоритм» (как и ряд других), пришедшие из арабоязычной науки, сохраняют память о непреходящем вкладе последней.*

природы, о чем свидетельствует история пифагорейцев и неопифагорейцев, платоников и неоплатоников, школ, в которых обожествление числа и геометрической формы уживалось с откровенной мистикой. Картина радикально изменялась, когда математическая необходимость становилась выражением закономерного хода вещей в физическом мире, доступном наблюдению, измерению, эмпирическому изучению, как непосредственному, так и использующему дополнительные средства (которые приобретали смысл орудий эксперимента – например, оптические стекла).

Оптика и явилась той областью, где соединились математика и опыт. Сочетание математики с экспериментом, ведя к крупным достижениям в познании физического мира, вместе с тем преобразовывало и структуру мышления. Новый способ мышления в естествознании изменял характер трактовки психических явлений. Он утверждался первоначально на небольшом «пятачке», каковым являлась область зрительных ощущений.

Но, однажды утвердившись, этот способ, как более совершенный, более адекватный природе явлений, уже не мог исчезнуть.

Механика и изменение понятий о душе и теле

Возникший в эпоху научной революции XVII века образ природы как грандиозного механизма и преобразование понятия о душе (которая считалась движущим началом жизнедеятельности) в понятие о сознании как прямом знании субъекта о своих мыслях, желаниях и т.д. решительно изменили общую трактовку психофизической проблемы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что мыслителями этого периода проблема, о которой идет речь, действительно рассматривалась как отношение между психическими и физическими процессами с тем, чтобы объяснить место психического (сознания, мышления) в мироздании, в природе в целом. Лишь один мыслитель, а именно – Декарт не ограничился анализом соотношений между сознанием и физической природой, но попытался сочетать психофизическую проблему с психофизиологической, с объяснением тех изменений, которые претерпевают в организме физические процессы, подчиненные законам механики, порождая «страсти души».

Впрочем, для этого Декарту пришлось покинуть область чисто физических явлений и спроектировать образ машины (т.е. устройства, где законы механики действуют соответственно конструкции, созданной человеком).

Другие крупные мыслители эпохи представляли соотношение телесного и духовного (психического) в «космических масштабах», не предлагая продуктивных идей о своеобразных характеристиках живого тела (как продуцирующего психику устройства) в отличие от неорганического. Поэтому в их учениях психофизическая проблема не отграничивалась от

психофизиологической.

Гипотеза психофизического взаимодействия

Отнеся душу и тело к принципиально различным областям бытия, Декарт попытался объяснить их эмпирически очевидную связь посредством гипотезы взаимодействия. Чтобы объяснить возможность взаимодействия этих двух субстанций, Декарт предположил, что в организме имеется орган, обеспечивающий это взаимодействие, а именно так называемая шишковидная железа (эпифиз), которая служит посредником между телом и сознанием (см. выше). Эта железа, по Декарту, воспринимая движение «животных духов», в свою очередь способна благодаря колебанию (вызванному акцией души) воздействовать на их чисто механическое течение. Декарт допускал, что, не создавая новых движений, душа может изменять их направление, подобно тому как всадник способен изменить поведение коня, которым он управляет. После того как Лейбниц установил, что во всех находящихся динамическом взаимодействии телах остается неизменным не только количество (сила), но и направление движения, аргумент Декарта о способности души спонтанно изменять направление движения оказался несовместимым с физическим знанием.

Реальность взаимодействия между душой и телом была отвергнута воспитанными на картезианском учении Спинозой, окказионалистами, Лейбницем. Спиноза приходит к материалистическому монизму. Лейбниц – к идеалистическому плюрализму.

Новаторская версия Спинозы

Признав атрибутивное (а не субстанциональное) различие между мышлением и протяжением и вместе с тем их нераздельность, Спиноза постулировал: *«Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому (если только есть что-нибудь другое?)»*[2].

Убеждение в том, что тело движется или покоится под воздействием души, сложилось, согласно Спинозе, из-за незнания, к чему оно способно как таковое, в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной. Тем самым вскрывался один из гносеологических истоков веры в способность души произвольно управлять поведением тела, а именно – незнание истинных возможностей телесного устройства самого по себе.

«Когда люди говорят, – продолжает Спиноза, – *что то или другое действие тела берет свое начало от души, имеющей власть над телом, они не знают, что*

[2] *Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1. М,, 1957, с. 457.*

говорят, и лишь в красивых словах сознаются, что истинная причина этого действия им неизвестна и они нисколько этому не удивляются»[3].

Эта атака на «красивые слова», подменяющие исследование реальных причин, имела историческое значение. Она направляла на поиск действительных детерминант человеческого поведения, место которых в традиционных объяснениях занимала душа (сознание, мысль) как первоисточник.

Акцентируя роль причинных факторов, присущих деятельности тела самого по себе, Спиноза вместе с тем отвергал тот взгляд на детерминацию психических процессов, который в дальнейшем получил имя эпифеноменализма, учения о том, что психические явления – это призрачные отблески телесных. Ведь психическое в качестве мышления является, согласно Спинозе, таким же атрибутом материальной субстанции, как и ее протяженность. Потому, считая, что душа не определяет тело к мышлению, Спиноза утверждал также, что и тело не может определять душу к мышлению.

Чем был мотивирован этот вывод? Согласно Спинозе, он вытекает из теоремы: *«Всякий атрибут одной субстанции должен быть представлен сам через себя»*[4].

А то, что справедливо в отношении атрибутов, то справедливо и в отношении модусов, т.е. всего многообразия единичного, которое соответствует тому или иному атрибуту: модусы одного не заключают в себе модусов другого.

Душа как вещь мыслящая и тело как та же самая вещь, но рассматриваемая в атрибуте протяженности, не могут определять друг друга (взаимодействовать) не в силу своего раздельного бытия, а в силу включенности в один и тот же порядок природы.

И душа и тело определяются одними и теми же причинами. Как же они могут оказывать причинное влияние друг на друга?

Вопрос о спинозистской трактовке психофизической проблемы нуждается в специальном анализе. Ошибочным, по нашему мнению, является взгляд тех историков, которые, справедливо отклоняя версию о Спинозе как стороннике (и даже родоначальнике) психофизического параллелизма, представляют его в качестве сторонника психофизического взаимодействия.

В действительности Спиноза выдвинул чрезвычайно глубокую, оставшуюся во многом непонятой не только его, но и нашими современниками идею о том, что имеется лишь одна «причинная цепь», одна закономерность и необходимость, один и тот же «порядок» и для вещей (включая такую вещь, как тело), и для идей. Затруднения возникают тогда, когда спинозистская трактовка психофизической проблемы (вопроса о соотношении психического с природой, физическим миром в целом) переводится на язык психофизиологической проблемы (вопроса о

---

[3] *Там же. с. 458 – 459.*

[4] *Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1, с. 367.*

соотношении психических процессов с физиологическими, нервными). Тогда-то и начинаются поиски корреляций между индивидуальной душой и индивидуальным телом вне всеобщей, универсальной закономерности, которой неотвратимо подчинены и одно и другое, включенные в одну и ту же причинную цепь.

Знаменитая 7-я теорема 2-й части «Этики» «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей» означала, что связи в мышлении и пространстве по своему объективному причинному основанию тождественны. Соответственно в схолии к этой теореме Спиноза указывает: *«Будем ли мы представлять природу под атрибутом пространства, или под атрибутом мышления, или под каким-либо иным атрибутом, мы во всех случаях найдем один и тот же порядок, иными словами, одну и ту же связь причин, т. е. что те же самые вещи следуют друг за другом»*[5].

Психофизический параллелизм

Философской ориентации, противоположной спинозистской, придерживался последователь Декарта окказионалист Мельбранш (1638 – 1715). Он учил, что удостоверяемое опытом соответствие физического и психического создается божественной силой. Душа и тело – абсолютно независимые друг от друга сущности, поэтому их взаимодействие невозможно. Когда возникает известное состояние в одной из них, божество производит соответствующее состояние в другой.

Окказионализм (а не Спиноза) и был истинным родоначальником психофизического параллелизма. Именно эту концепцию принимает и далее развивает Лейбниц, отклонивший, однако, предположение о непрерывном участии божества в каждом психофизическом акте. Мудрость божественная проявилась, по его мнению, в предустановленной гармонии. Обе сущности – душа и тело – совершают свои операции независимо и автоматически в силу своего внутреннего устройства, но так как они запущены в ход с величайшей точностью, то складывается впечатление зависимости одного от другого. Учение о предустановленной гармонии делало бессмысленным изучение телесной детерминации психического. Оно ее просто отрицало. *«Нет никакой пропорциональности,* – категорически заявлял Лейбниц, – *между бестелесной субстанцией и той или иной модификацией материи»*[6].

Нигилистическое отношение к взгляду на тело как на субстрат душевных проявлений тяжело сказалось на концепциях немецких психологов, ведущих свою родословную от Лейбница (Гербарт, Вундт и другие).

---

[5] *Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1, с. 367.*

[6] *Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М.Л., 1936, с. 106*

Гартли: единое начало физического, физиологического и психического

Психофизическая проблема стала психофизиологической в XVIII веке у Гартли (в материалистическом варианте) и у Х. Вольфа (в идеалистическом варианте). На место зависимости психики от всеобщих сил и законов природы была поставлена ее зависимость от процессов в организме, в нервном субстрате.

Оба философа утвердили так называемый психофизиологический параллелизм. Но различие в их подходах касалось не только общей философской ориентации.

Гартли при всей фантастичности его воззрений на субстрат психических явлений (как говорилось выше, нервные процессы он описывал в терминах вибраций) пытался подвести физическое, физиологическое и психическое под общий знаменатель. Он подчеркивал, что пришел к своему пониманию человека под воздействием трудов Ньютона «Оптика» и «Начала» («Математические начала натуральной философии»).

Уже отмечалась важная роль изучения световых лучей в неоднократных попытках объяснить физическими законами их распространения и преломления различные субъективные феномены. Преимущество Гартли по сравнению с его предшественниками в том, что он избрал единое начало, почерпнутое в точной науке, для объяснения процессов в физическом мире (колебания эфира) как источника процессов в нервной системе, параллельно которым идут изменения в психической сфере (в виде ассоциаций по смежности).

Если физика Ньютона оставалась незыблемой до конца XIX столетия, то «вибраторная физиология» Гартли, на которую он опирался в своем учении об ассоциациях, являлась фантастической, не имевшей никаких оснований в реальных знаниях о нервной системе. Поэтому один из его верных последователей – Д. Пристли предложил принять и дальше разрабатывать учение Гартли об ассоциациях, отбросив гипотезу о нервных вибрациях. Тем самым это учение лишалось телесных корреляций, как физиологических, так и психических.

Сторонники ассоциативной психологии (Дж. Милль и другие) стали трактовать сознание как «машину», работающую по своим собственным автономным законам.

Успехи физики и доктрина параллелизма

Первая половина XIX века ознаменовалась крупными успехами физики, среди которых выделяется открытие закона сохранения энергии и ее превращения из одной формы в другую. Новая, «энергетическая» картина мира позволила нанести сокрушительный удар по витализму, который наделял живое тело особой витальной силой.

В физиологии возникает физико-химическая школа, обусловившая быстрый прогресс этой науки. Организм (в том числе человеческий) трактовался как физико-химическая, энергетическая машина. Он естественно вписывался в новую картину мироздания. Однако вопрос о месте в этой картине психики, сознания оставался открытым.

Для большинства исследователей психических явлений приемлемой версией выглядел психофизический параллелизм.

Круговорот различных форм энергий в природе и организме оставался «по ту сторону» сознания, явления которого рассматривались как несводимые к физико-химическим молекулярным процессам и невыводимые из них. Имеется два ряда, между которыми существует отношение параллельности. Признать, что психические процессы способны влиять на физические, – значит отступить от одного из фундаментальных законов природы.

В этой научно-идейной атмосфере появились сторонники подведения психических процессов под законы движения молекул, химических реакций и т. д. Такой подход (его сторонников назвали вульгарными материалистами) лишал исследования психики притязаний на изучение реальности, имеющей значение для жизнедеятельности. Его стали называть эпифеноменализмом – концепцией, согласно которой психика – это «избыточный продукт» работы «машины» головного мозга (см. выше).

Между тем в естествознании происходили события, которые доказывали бессмысленность такого взгляда (несовместимого и с обыденным сознанием, свидетельствующим о реальном воздействии психических явлений на поведение человека).

Биология восприняла дарвиновское учение о происхождении видов, из которого явствовало, что естественный отбор безжалостно истребляет «избыточные продукты». Вместе с тем это же учение побуждало трактовать окружающую организм среду (природу) в совершенно новых терминах – не физико-химических, а биологических, согласно которым среда выступает не в образе молекул, а как сила, которая регулирует ход жизненных процессов, в том числе и психических.

Вопрос о психофизических корреляциях оборачивался вопросом о психобиологических.

Психофизика

В то же время в физиологических лабораториях, где объектом служили функции органов чувств, логика самих исследований побуждала признать за этими функциями самостоятельное значение, увидеть в них действие особых закономерностей, не совпадающих с физико-химическими или биологическими.

Переход к экспериментальному изучению органов чувств был обусловлен

открытием различий между сенсорными и двигательными нервами. Это открытие придало естественнонаучную прочность представлению о том, что субъективный чувственный образ возникает как продукт раздражения определенного нервного субстрата. Сам субстрат мыслился – соответственно достигнутому уровню сведений о нервной системе – в морфологических терминах, и это, как мы видели, способствовало зарождению физиологического идеализма, отрицавшего возможность какого-либо иного реального, материального основания для ощущений, кроме свойств нервной ткани. Зависимость же ощущений от внешних раздражителей и их соотношений утратила в этой концепции определяющее значение. Поскольку, однако, эта зависимость существует реально, она неизбежно должна была с прогрессом опытного исследования выступить на передний план.

Ее закономерный характер одним из первых обнаружил немецкий физиолог и анатом Вебер (см. выше), установивший, что и в этой области явлений достижимо точное знание – не только выводимое из опыта и проверяемое им, но и допускающее математическое выражение.

Как уже говорилось, в свое время потерпела неудачу попытка Гербарта подвести под математические формулы закономерный ход психической жизни. Эта попытка не удалась из-за фиктивности самого материала вычислений, а не из-за слабости математического аппарата. Веберу же, экспериментально изучавшему кожную и мышечную чувствительность, удалось обнаружить определенное, математически формулируемое соотношение между физическими стимулами и сенсорными реакциями.

Заметим, что принцип «специфической энергии» лишал смысла любое высказывание о закономерных отношениях ощущений к внешним раздражителям (поскольку, согласно указанному принципу, эти раздражители не выполняют никакой функции, кроме актуализации заложенного в нерве сенсорного качества).

Вебер – в отличие от И. Мюллера и других физиологов, придававших главное значение зависимости ощущений от нейроанатомических элементов и их структурных отношений, – сделал объектом исследований зависимость тактильных и мышечных ощущений от внешних раздражителей.

Проверяя, как варьируют ощущения давления при изменении интенсивности раздражителей, он установил капитальный факт: дифференцировка зависит не от абсолютной разницы между величинами, а от отношения данного веса к первоначальному.

Сходную методику Вебер применил к ощущениям других модальностей – мышечным (при взвешивании предметов рукой), зрительным (при определении длины линий) и др. И всюду получался сходный результат, приведший к понятию об «едва заметном различии» (между предыдущим и последующим сенсорным эффектом) как величине, постоянной для каждой модальности. «Едва заметное различие» при возрастании (или уменьшении) каждого рода ощущений является чем-то постоянным. Но для того чтобы это различие ощущалось, прирост

раздражения должен, в свою очередь, достигнуть известной величины, тем большей, чем сильнее наличное раздражение, к которому оно прибавляется.

Значение установленного правила, которое в дальнейшем Фехнер назвал законом Вебера (добавочный раздражитель должен находиться в постоянном для каждой модальности отношении к данному, чтобы возникло едва заметное различие в ощущениях), было огромно. Оно не только показало упорядоченный характер зависимости ощущений от внешних воздействий, но и содержало (имплицитно) методологически важный для будущего психологии вывод о подчиненности числу и мере всей области психических явлений в их обусловленности физическими.

Первая работа Вебера о закономерном соотношении между интенсивностью раздражении и динамикой ощущений увидала свет в 1834 году. Но тогда она не привлекла внимания. И, конечно, не потому, что была написана на латинском языке. Ведь и последующие публикации Вебера, в частности его прекрасная (уже на немецком языке) обзорная статья для четырехтомного «Физиологического словаря» Руд. Вагнера, где воспроизводились прежние опыты по определению порогов, также не привлекли внимания к идее математической зависимости между ощущениями и раздражителями.

В то время эксперименты Вебера ставились физиологами высоко не из-за открытия указанной зависимости, а в силу утверждения опытного подхода к кожной чувствительности, в частности, изучения ее порогов, варьирующих по величине на различных участках поверхности тела. Это различие Вебер объясняя степенью насыщенности соответствующего участка иннервируемыми волокнами.

Веберова гипотеза о «кругах ощущений» (поверхность тела представлялась разбитой на участки-круги, каждый из которых снабжен одним нервным волокном; причем предполагалось, что системе периферических кругов соответствует их мозговая проекция)[7] приобрела в те годы исключительную популярность. Не потому ли, что она была созвучна доминировавшему тогда «анатомическому подходу»?

Между тем намеченная Вебером новая линия в исследовании психического: исчисление количественной зависимости между сенсорными и физическими явлениями – оставалась неприметной, пока ее не выделил и не превратил в исходный пункт психофизики Фехнер.

Мотивы, которые привели Фехнера в новую область, были существенно

---

[7] *Из этого следует ошибочность мнения, будто физиология органов чувств, от которой ответвилась экспериментальная психология, являлась «рецепторной» в силу того, что признавала лишь зависимость ощущений от деятельности рецептора, и стала «рефлекторной» после того, как была признана также роль мозга. Считать мозг непременным звеном сенсорного механизма недостаточно. чтобы перейти к рефлекторному пониманию ощущений и восприятии. Такое понимание предполагает обращение к двигательной (мышечной) активности как детерминанте чувственного образа.*

иными, чем у естественнонаучного материалиста Вебера. Фехнер вспоминал, что сентябрьским утром 1850 года, размышляя о том, как опровергнуть господствовавшее среди физиологов материалистическое мировоззрение, он пришел к выводу, что если у Вселенной – от планет до молекул – есть две стороны – «светлая», или духовная, и «теневая», или материальная, то должно существовать функциональное отношение между ними, выразимое в математических уравнениях. Если бы Фехнер был только религиозным человеком и мечтателем-метафизиком, его замысел остался бы в коллекции философских курьезов. Но он в свое время занимал кафедру физики и изучал психофизиологию зрения. Для обоснования же своей мистико-философской конструкции он избрал экспериментальные и количественные методы. Формулы Фехнера не могли не произвести на современников глубокого впечатления.

Фехнера вдохновляли философские мотивы: доказать в противовес материалистам, что душевные явления реальны и их реальные величины могут быть определены с такой же точностью, как и величины физических явлений.

Разработанные Фехнером методы едва заметных различий, средних ошибок, постоянных раздражении вошли в экспериментальную психологию и определили на первых порах одно из главных ее направлений. «Элементы психофизики» Фехнера, вышедшие в 1860 году, оказали глубокое воздействие на все последующие труды в области измерения и вычисления психических явлений – вплоть до наших дней. После Фехнера стала очевидной правомерность и плодотворность использования в психологии математических приемов обработки опытных данных. Психология заговорила математическим языком – сперва об ощущениях, затем о времени реакции, об ассоциациях и о других факторах душевной деятельности.

Выведенная Фехнером всеобщая формула, согласно которой интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражителя, стала образцом введения в психологию строгих математических мер. В дальнейшем обнаружилось, что указанная формула не может претендовать на универсальность. Опыт показал границы ее приложимости. Выяснилось, в частности, что ее применение ограничено раздражителями средней интенсивности и к тому же она действительна не для всех модальностей ощущений.

Разгорелись дискуссии о смысле этой формулы, об ее реальных основаниях. Вундт придал ей чисто психологическое, а Эббингауз – чисто физиологическое значение. Но безотносительно к возможным интерпретациям Фехнерова формула (и предполагаемый ею опытно-математический подход к явлениям душевной жизни) стала одним из краеугольных камней новой психологии.

Направление, зачинателем которого являлся Вебер, а теоретиком и прославленным лидером – Фехнер, развивалось вне общего русла физиологии органов чувств, хотя на первый взгляд оно как будто относилось именно к этому ответвлению физиологической науки. Объясняется это тем, что закономерности,

открытые Вебером и Фехнером, реально охватывали соотношение психических и физических (а не физиологических) явлений. Хотя и предпринималась попытка вывести эти закономерности из свойств нервно-мозгового аппарата, но она носила сугубо гипотетический, умозрительный характер и свидетельствовала не столько о действительном, содержательном знании, сколько о потребности в нем.

Сам Фехнер делил психофизику на внешнюю и внутреннюю, понимая под первой закономерные соответствия между физическим и психическим, под второй – между психическим и физиологическим. Однако зависимость второго плана (внутренняя психофизика) осталась в контексте трактовки установленного им закона за пределами опытного и математического обоснования.

Мы видим, таким образом, что своеобразное направление в изучении деятельности органов чувств, известное под именем психофизики и ставшее одной из основ и составных частей нарождавшейся в качестве самостоятельной науки психологии, представляло область, отличную от физиологии. Объектом изучения психофизики являлась система отношений между психологическими фактами и доступными экспериментальному контролю, варьированию, измерению и вычислению внешними раздражителями. Этим психофизика принципиально отличалась от психофизиологии органов чувств, хотя исходную психофизическую формулу Вебер и получил, экспериментируя над кожной и мышечной рецепцией. В психофизике деятельность нервной системы подразумевалась, но не изучалась. Знание об этой деятельности не входило в состав исходных понятий. Корреляции психических явлений с внешними, физическими, а не с внутренними, физиологическими агентами оказались при существовавшем тогда уровне знаний о телесном субстрате наиболее доступной сферой экспериментальной разработки фактов и их математического обобщения.

Психофизический монизм

Трудности в осмыслении отношений между физической природой и сознанием, реально назревшая потребность в преодолении дуализма в трактовке этих отношений привели на рубеже XIX – XX веков к концепциям, девизом которых стал психофизический монизм.

Основная идея заключалась в том, чтобы представить вещи природы и явления сознания «сотканными» из одного и того же материала. Эту идею в различных вариантах излагали З. Мах, Р. Авенариус, В. Джемс.

«Нейтральным» к различению физического и психического материалом является, согласно Маху, сенсорный опыт, т. е. ощущения. Рассматривая их под одним углом зрения, мы создаем понятие о физическом мире (природе, веществе), под другим же углом зрения они «оборачиваются» явлениями сознания. Все зависит от контекста, в который включают одни и те же компоненты опыта.

Согласно Авенариусу, в едином опыте имеются различные ряды. Один ряд

мы принимаем за независимый (например, явления природы), другой считаем зависимым от первого (явления сознания).

Приписывая мозгу психику, мы совершаем недопустимую «интроекцию», а именно – вкладываем в нервные клетки то, чего там нет. Образы и мысли нелепо искать в черепной коробке. Они находятся вне ее.

Предпосылкой такого взгляда являлось отождествление образа вещи с нею самою. Если их не различать, то, действительно, становится загадочным, каким образом все богатство познаваемого мира может разместиться в полутора килограммах мозговой массы.

В этой концепции психическое было отъединено от двух важнейших реалий, без соотнесенности с которыми оно становится миражем, – и от внешнего мира, и от своего телесного субстрата. Бесперспективность такого решения психофизической (и психофизиологической) проблемы доказана последующим развитием научной мысли.

Сеченов и Павлов: физический раздражитель как сигнал

Переход от физической трактовки отношений между организмом и средой к биологической породил новую картину не только организма, жизнь которого (включая ее психические формы) отныне мыслилась в ее нераздельных и избирательных связях со средой, но и самой среды. Воздействие среды на живое тело мыслилось не по типу механических толчков и не по типу перехода одного вида энергии – в другой. Внешний раздражитель приобретал новые сущностные характеристики, обусловленные потребностью организма в адаптации к нему.

Наиболее типичное выражение это получило в появлении понятия о раздражителе-сигнале. Тем самым место прежних физических и энергетических детерминант заняли сигнальные. Пионером включения в общую схему поведения категории сигнала как его регулятора был И.М. Сеченов (см. выше).

Физический раздражитель, воздействуя на организм, сохраняет свои внешние физические характеристики, но при его рецепции специальным телесным органом приобретает особую форму. Говоря сеченовским языком — форму чувствования. Это позволяло интерпретировать сигнал в роли посредника между средой и ориентирующимся в ней организмом.

Трактовка внешнего раздражителя как сигнала получила дальнейшее развитие в работах И.П. Павлова по высшей нервной деятельности. Он ввел понятие о сигнальной системе, которая позволяет организму различать раздражители внешней среды и, реагируя на них, приобретать новые формы поведения.

Сигнальная система не является чисто физической (энергетической) величиной, но она не может быть отнесена и к чисто психической сфере, если понимать под ней явления сознания. Вместе с тем сигнальная система имеет

психический коррелят в виде ощущений и восприятии.

Вернадский: ноосфера как особая оболочка планеты

Новое направление в понимании отношений между психикой и внешним миром наметил В.И. Вернадский.

Важнейшим вкладом Вернадского в мировую науку явилось его учение о биосфере как особой оболочке Земли, в которой активность включенного в эту оболочку живого вещества является геохимическим фактором планетарного масштаба. Отметим, что Вернадский, отказавшись от термина «жизнь», говорил именно о живом веществе. Под веществом было принято понимать атомы, молекулы и то, что из них построено. Но вещество мыслилось до Вернадского как абиотическое или, если принять его излюбленный термин, как косное, лишенное признаков, отличающих живые существа.

Отвергая прежние воззрения на отношения между организмом и средой, Вернадский писал: *«Нет той инертной безразличной, с ним не связанной среды для живого вещества, которое логически принималось во внимание при всех наших представлениях об организме и среде: организм – среда; и нет того противопоставления: организм – природа, при котором то, что происходит в природе, может не отражаться в организме, есть неразрывное целое: живое вещество = биосфера»*[8].

Этот знак равенства имел принципиальное значение. В свое время И.М. Сеченов, восприняв кредо передовой биологии середины XIX века, отверг ложную концепцию организма, обособляющую его от среды, тогда как в понятие об организме должна входить и среда, его составляющая. Отстаивая в 1860 году принцип единства живого тела и среды, Сеченов следовал программе физико-химической школы, которая, сокрушив витализм, учила, что в живом теле действуют силы, которых нет в неорганической природе.

«Мы все – дети Солнца», – сказал Гельмгольц, подчеркивая зависимость любых форм жизнедеятельности от источника ее энергии. Иной смысл придавал принципу единства организма и среды Вернадский, учение которого представляло новый виток развития научной мысли. Вернадский говорил не о ложном понимании организма (как Гельмгольц, Сеченов и другие), а о ложном понимании среды, доказывая тем самым, что в понятие среды (биосферы) должны входить и организмы, ее составляющие. Он писал: *«В биогенном токе атомов и связанной с ним энергии проявляется резко планетное, космическое значение живого вещества, ибо биосфера является той единственной земной оболочкой, в которую непрерывно проникают космическая энергия, космические излучения и*

---

[8] *Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977, кн. 2. с. 147.*

прежде всего лучеиспускание Солнца»[9].

Биогенный ток атомов в значительной степени и создает биосферу, в которой происходит непрерывный материальный и энергетический обмен между образующими ее косными природными телами и заселяющим ее живым веществом. Порождаемая мозгом как трансформированным живым веществом деятельность человека резко увеличивает геологическую силу биосферы. Так как эта деятельность регулируется мыслью, то личностную мысль Вернадский рассматривал не только в ее отношении к нервному субстрату или окружающей организм ближайшей внешней среде (как натуралисты всех предшествующих веков), но и как планетное явление. Палеонтологически с появлением человека начинается новая геологическая эра. Вернадский согласен (вслед за некоторыми учеными) называть ее психозойской.

Это был принципиально новый, глобальный подход к человеческой психике, включающий ее в качестве особой силы в историю земного шара, придающий истории нашей планеты совершенно новую, особую направленность и стремительные темпы. В развитии психики усматривался фактор, ограничивающий чуждую живому веществу косную среду, оказывающий давление на нее, изменяющий распределение в ней химических элементов и т. д. Как размножение организмов проявляется в давлении живого вещества в биосфере, так и ход геологического проявления научной мысли давит создаваемыми им орудиями на косную, сдерживающую его среду биосферы, создавая ноосферу, царство разума. Очевидно, что для Вернадского воздействие мысли, сознания на природную среду (вне которой сама эта мысль не существует, ибо она в качестве функции нервной ткани является компонентом биосферы) не может быть иным, как опосредованным орудиями, созданными культурой, включая средства коммуникаций.

Термин «ноосфера» (от греч. «нус» – разум и «сфера» – шар) был введен в научный язык французским математиком и философом Э. Леруа, который совместно с другим мыслителем Тейяр де Шарденом различал три ступени эволюции: литосферу, биосферу и ноосферу. Вернадский (называвший себя реалистом) придал этому понятию материалистический смысл. Не ограничившись высказанным задолго до него и Тейяр де Шардена положением об особой геологической «эре человека», он наполнил понятие «ноосфера» новым содержанием, которое черпал из двух источников: естественных наук (геология, палеонтология и т.д.) и истории научной мысли.

Сопоставляя последовательность геологических наслоений с археозоя и морфологических структур отвечающих им форм жизни, Вернадский указывает на процесс усовершенствования нервной ткани, в частности мозга. *«Без образования мозга человека не было бы его научной мысли в биосфере, а без научной мысли не*

---

[9] *Вернадский В.И. Размышления натуралиста, с. 15.*

было бы геологического эффекта – перестройки биосферы – человечеством»[10].

Размышляя по поводу выводов анатомов об отсутствии существенной разницы между мозгом человека и обезьяны, Вернадский замечал: *«Едва ли это можно иначе толковать, как нечувствительностью и неполнотой методики. Ибо не может быть никакого сомнения в существовании резкого различия в тесно связанных с геологическим эффектом и структурой мозга проявлениях в биосфере ума человека и ума обезьян. По-видимому, в развитии ума человека мы видим проявления не грубо анатомического, выявляющегося в геологической длительности изменением черепа, а более тонкого изменения мозга... которое связано с социальной жизнью в ее исторической длительности»*[11].

Переход биосферы в ноосферу, оставаясь природным процессом, приобретал вместе с тем, согласно Вернадскому, особый исторический характер, отличный от геологической истории планеты.

К началу XX века стало очевидно, что научная работа способна изменить лик Земли в масштабах, подобных великим тектоническим сдвигам. Пережив небывалый взрыв творчества, научная мысль проявила себя как сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет истории жизни в биосфере. Приобретая форму, говоря словами Вернадского, «вселенскости», охватывая всю биосферу, научная мысль создает новую стадию организованности биосферы.

Научная мысль изначально исторична. И ее история, согласно Вернадскому, – не внешнее и рядоположенное по отношению к истории планеты. Это меняющая ее в самом строгом смысле геологическая сила. Как писал Вернадский, созданная в течение геологического времени, установившаяся в своих равновесиях биосфера начинает все сильнее и глубже меняться под влиянием научной мысли человечества. Вновь создавшийся геологический фактор – научная мысль – меняет явления жизни, геологические процессы, энергетику планеты.

В истории же научного познания особый интерес вызывал у Вернадского вопрос о субъекте как движущей силе научного творчества, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о самих способах открытия научных истин (особенно любопытно, считал он, изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания наукой). *«Мне кажется,* – писал Вернадский, – *изучая открытия для области науки, делаемые независимо разными людьми, при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире»*[12]. Понятие о личности и ее сознании осмысливалось ученым сквозь призму его общего подхода к

[10] *Вернадский В.И. Размышления натуралиста, с. 43.*

[11] *Там же, с. 44.*

[12] *Вернадский В.И. Избр. труды по истории науки. М., 1981, с. 9.*

мирозданию и месту, которое занимает в нем человек. Размышляя о развитии сознания и мире, в космосе, во Вселенной, Вернадский относил это понятие к категории тех же естественных сил, как жизнь и все другие силы, действующие на планете. Он рассчитывал, что путем обращения к историческим реликтам в виде тех научных открытий, которые были сделаны независимо разными людьми в различных исторических условиях, удастся проверить, действительно ли интимная и личная работа мысли конкретных индивидов совершается по независимым от этой индивидуальной мысли объективным законам, которые, как и любые законы науки, отличают повторяемость, регулярность.

Движение научной мысли, по Вернадскому, подчинено столь же строгим естественноисторическим законам, как смена геологических эпох и эволюция животного мира. Законы развития мысли не определяют автоматически работу мозга как живого вещества биосферы.

Недостаточно и организованной корпорации ученых. Необходима специальная активность личности в процессах преобразования биосферы в ноосферу. Именно эту активность, энергию личности Вернадский считал важнейшим фактором происходящей в мироздании преобразовательной работы. Он различал бессознательные формы этой работы в деятельности сменявших друг друга поколений и формы сознательные, когда из векового бессознательного, коллективного и безличного труда поколений, приноровленного к среднему уровню и пониманию, выделяются «способы открытия новых научных истин».

С энергией и активностью личностей, владеющих этими способами, Вернадский связывал ускорение прогресса. При его «космическом» способе понимания мироздания под прогрессом подразумевалось не развитие знаний само по себе, но развитие ноосферы как измененной биосферы и тем самым всей планеты как системного целого. Психология личности оказывалась своего рода энергетическим началом, благодаря которому происходит эволюция Земли как космического целого.

Термин «ноосфера» означал такое состояние биосферы — одной из оболочек нашей планеты, — при котором она приобретает новое качество благодаря научной работе и организуемому посредством нее труду. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что эта сфера, по представлениям Вернадского, изначально пронизана личностно-мотивационной активностью человека.

Глава 11

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Отношение психики (души) к организму, к своему телесному субстрату с древних времен являлось объектом обсуждения при объяснении природы человека. Притом на уровне не только теоретических представлений, но и практики, прежде всего – медицинской. Главным фактором жизни, как телесной, так и психической, было признано кровообращение. Это учение разрабатывалось в Вавилоне, Египте, Китае, Индии.

Понятие о пневме

Очень древним является также понятие о пневме — особом, подобном разогретому воздуху тончайшем веществе, проносящемся по кровеносным сосудам, но отличном от крови и выполняющем функции носителя психических актов.

Вспомним, что понятие о пневме играло огромную роль в воззрениях людей не только древнего мира, но и средневекового общества. На нем зиждились философские системы. Оно широко использовалось как древневосточными религиями, так и христианским богословием. Сугубо гипотетический характер понятия о пневме, его непроверяемость эмпирическими средствами создавали предпосылки для фантастических взглядов и суеверий. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что в античном обществе научный опыт коснулся (притом весьма поверхностно) лишь морфологического субстрата нервно-психических явлений. Понятие о пневме удовлетворяло в течение многих веков потребность естественнонаучной мысли в том, чтобы уяснить природу материального носителя душевных процессов. В медицинских кругах пневма мыслилась как факт, а не как теория.

Представление о пневме у древних было чем-то напоминающим современные представления о паре в локомотиве: законами ее расширения и сжатия объяснялась жизнь как механическая система работы. При этом, однако, необходима существенная оговорка, пневма мыслилась как носитель души в различных ее разновидностях, как органических (если пользоваться современным термином), так и психических. Поэтому термин «механизм» применительно к древнему способу объяснения нельзя употреблять без оговорки, без учета того, что истинно механическое объяснение стало возможно лишь в эпоху, когда развитие производства обусловило принципиально новое, строго механическое понимание причинности, до которого мысль древних подняться не смогла.

Тем не менее понятие о пневме, для которого «моделью» служило движение

теплого воздуха, вносило «физическую» струю (в соответствии с особенностями античной физики) – в отличие от «организменного» подхода, более телеологического, чем физический (над которым, однако, также довлел телеологизм). Мнение о том, что психическое есть пневма, поддерживалось безотносительно к философским соображениям о функциях, выполняемых ею в мироздании. Как только были открыты нервы (это произошло в эллинистический период), их немедленно начали считать каналами для пневмы. Представления о пневме стали прообразом будущего нервного процесса.

Учение о темпераментах

В медицинских кругах зародилось также учение о темпераментах. Вспомним, что различными пропорциями в смеси основных жидкостей объяснялись индивидуально-психологические различия между людьми. Область индивидуальных различий изучалась в связи с потребностями медицины, в схемах которой большую роль играло определение зависимости заболеваний от строения тела.

Люди разделялись, исходя из идеи о преобладании одной из жидкостей в общей их смеси, на несколько типов. Китайские медики выделяли три главных типа, греческие – четыре.

По дошедшим до нас сведениям, первым из греческих философов, развивших учение о четырех темпераментах, был Эмпедокл (предложивший схему построения мира из четырех элементов, или «корней). Равномерностью смеси четырех элементов или преобладанием в ней одних элементов над другими, величиной, связью и подвижностью этих элементов он объяснял уровень умственных способностей и характерологические особенности личности. Так, считалось, что люди, элементы которых слишком малы и слишком тесно примыкают друг к другу, обладают порывистостью и берутся за многое, но вследствие быстроты движений крови делают мало. Сообразительность или тупость сходным образом ставилась в зависимость от смешения и движения основных частиц.

Эмпедокл был непосредственно связан с одной из греческих медицинских школ. Формулы, касающиеся всего космоса, врачам приходилось переводить на свой язык, чтобы использовать их соответственно тому, что говорило эмпирическое наблюдение.

Школа Гиппократа (ок. 460 – 377 годов до н.э.), известная нам по так называемому «Гиппократову сборнику», рассматривала жизнь как изменяющийся процесс. Среди ее объяснительных принципов мы встречаем воздух в роли силы, которая поддерживает неразрывную связь организма с миром, приносит извне разум, а в мозгу выполняет психические функции. Но единое материальное начало в качестве основы органической жизни отвергалось. Если бы человек был единое,

то он никогда не болел бы. А если даже и будет болеть, то необходимо, чтобы и исцеляющее средство было единым.

Учение о единой стихии, лежащей в основе многообразия вещей, заменялось учением о четырех жидкостях (кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная).

С именем Гиппократа соединяют учение о четырех темпераментах, которое, однако, в «Гиппократовом сборнике» не изложено. Лишь в книге «О священной болезни» различаются в зависимости от «порчи» мозга желчные люди и флегматики. И все же традиция относить понятие о темпераменте к Гиппократу имеет основания, ибо сам принцип объяснения соответствовал Гиппократову учению.

То, что школа Гиппократа сделала объектом естественнонаучного анализа проблему индивидуальных различий, было обусловлено не чисто медицинскими, но более глубокими причинами, от которых сами медицинские интересы являлись производными. Частично мы затронули эти причины в связи с анализом деятельности софистов.

Поворот греческой мысли ко всему, что касается человека, отразил глубокие изменения в общественной жизни греков периода расцвета рабовладельческой демократии, когда повысилась ценность человеческой личности, ее жизни и свободы (конечно, речь идет о свободных гражданах полисов). На проблеме индивидуальности сосредоточивается и врачебное мышление, выработавшее новые нормы и принципы подхода к больному.

Реальная активизация личности побуждала исследовать характер ее связей с природным и социальным мирами. Соотношение этих двух миров становится одним из главных теоретических «сюжетов» эпохи. Он встречается и у Гиппократа. Приводя в качестве примера образ жизни некоторых азиатских народов в книге «О воздухах, водах и местностях», он доказывал, что обычай может изменить природу организма. Это были первые попытки обсудить вопрос о соотношении социального и биологического в человеке.

Мозг или сердце — орган души?

Гуморальная направленность мышления древнегреческих медиков вовсе не означала, что они игнорировали строение органов, специально предназначенных для выполнения психических функций.

Издавна как на Востоке, так и в Греции конкурировали между собой две теории – «сердцецентрическая» и «мозгоцентрическая».

Мысль о том, что мозг есть орган души, принадлежит древнегреческому врачу Алкмеону из Кротоны (VI век до н.э.), который пришел к этому выводу в результате наблюдений и хирургических операций. В частности, он установил, что из мозговых полушарий «идут к глазным впадинам две узкие дорожки». Полагая,

что ощущение возникает благодаря особому строению периферических чувствующих аппаратов, Алкмеон вместе с тем утверждал, что имеется прямая связь между органами чувств и мозгом.

Таким образом, учение о психике как продукте мозга зародилось благодаря тому, что была открыта зависимость ощущений от строения мозга, а это, в свою очередь, стало возможным благодаря накоплению эмпирических фактов. Но ощущения, по Алкмеону, исходный пункт всей познавательной работы. *«Мозг доставляет (нам) ощущение слуха, зрения и обоняния, из последних же возникают память и представление (мнение), а из памяти и представления, достигших непоколебимой прочности, рождается знание, являющееся таковым в силу этой (прочности)»*[13].

Тем самым и другие психические процессы, возникающие из ощущений, связывались с мозгом, хотя знание об этих процессах в отличие от знания об ощущениях не могло опереться на анатомо-физиологический опыт.

Вслед за Алкмеоном Гиппократ также трактовал мозг как орган психики, полагая, что он является большой железой.

Из медицины эти представления перешли в философию. Нужно, однако, иметь в виду, что, как в те времена, так и впоследствии, решение вопроса о телесной локализации психики непосредственно зависело не только от анатомических знаний, но и от философско-психологических представлений. Платон, разделивший душу на три части, соответственно искал для каждой из них свой орган. Идеально-умственную часть (разум) он помещал в голове (руководствуясь соображением о том, что она ближе всего к небесам, где пребывает царство идей), «гневливую» (мужество) – в груди, а чувственную (вожделение) – в брюшной полости.

Открытие Алкмеоном мозга как органа психики в течение нескольких столетий рассматривалось только как гипотеза. Аристотель, который сам прошел превосходную медицинскую школу в Северной Греции, возвращается к «сердцецентрической» схеме. Мозг, по его мнению, не орган психики, а аппарат, охлаждающий, регулирующий жар крови. Будучи фантастическими со стороны физиологической, представления Аристотеля вместе с тем вносили совершенно новый момент в трактовку центрального органа психической деятельности.

Общее чувствилище

Аристотелю принадлежит понятие об «общем чувствилище», воспринятое последующей физиологией и медициной и всерьез обсуждавшееся вплоть до XIX века. Согласно Аристотелю, для актуализации чувственных образов вещей (а с этого начинается, как он полагал, сенсомоторная деятельность организма)

---

[13] *Маковельский. Досократики. Казань, 1914 – 1919, ч. 1 – 3. С. 207.*

необходимо, чтобы тело обладало двумя специальными устройствами: органами чувств и центральным органом. Благодаря деятельности центра познаются общие качества, которые косвенно воспринимаются нами при каждом ощущении, таковы – движение, покой, фигура, величина, число, единство. Важнейшей операцией центра является, далее, различение ощущений: *«Невозможно различить посредством отдельных чувств, что сладкое есть нечто отличное от белого, но и то и другое должно быть ясным чему-нибудь единому»* (Аристотель). Какова же природа этого центра, где лежат жизненные корни «общего чувствилища»? Они уходят, по Аристотелю, в область прямых связей организма со свойствами среды (сухим и влажным), ибо центральный орган является одновременно и органом осязания. Тело представляет собою среду, приросшую к осязающему органу, через нее возникают ощущения во всем их разнообразии.

Аристотелевская гипотеза об «общем чувствилище» направляла в дальнейшем работу физиологов, искавших в центральной нервной системе отделы, в которых оно могло бы быть локализовано.

Механизм ассоциаций

С Аристотелем связана также первая попытка определить физиологический механизм ассоциаций. Он полагал, что душа обладает способностью посредством центрального ощущающего органа – «общего чувствилища» – восстанавливать в органах чувств в уменьшенном объеме следы прежних движений, а стало быть, и прежних впечатлений в том порядке, в каком они производились внешними объектами.

Запечатление образа предмета он объяснял тем, что движение, возникшее в органе, не исчезает сразу же, но сохраняется (застаивается). Иногда ему противодействует другое движение, способное устранить сохранившийся след. Движения могут быть сходными, противоположными и следующими одно за другим, что и служит основанием для разграничения видов ассоциаций: по сходству, контрасту и временной последовательности. При большой прозорливости этих догадок они носили совершенно умозрительный характер и поэтому, конечно, не смогли продвинуть позитивное знание о физиологическом субстрате психического.

Существенных успехов в опытном изучении этого субстрата добились два врача, работавшие в Александрии в III веке до н. э., – Герофил и Эразистрат, которым принадлежит ряд крупных анатомических открытий, и прежде всего открытие нервов. До них нервы не отличали от связок и сухожилий. Александрийские врачи производили вскрытие человеческих тел (что в дальнейшем категорически запрещалось). Это позволило им детально описать устройство мозга и других органов.

В вопросе об органе «животной души» оба александрийца разошлись с

Аристотелем и вернулись к Алкмеону. Но у Алкмеона еще не было дифференцированного подхода, тогда как александрийцы считали, что «животная душа» локализуется в определенных частях мозга. Герофил главное значение придал мозговым желудочкам. И это мнение удерживалось много веков. Эразистрат же обратил внимание на кору, связав богатства извилин мозговых полушарий человека с его умственным превосходством над другими животными. Эразистрату принадлежит также открытие различия между чувствительными и двигательными нервами. Это различие, вскоре забытое, было вновь открыто в XIX веке.

Успехи врачей-александрийцев были обусловлены сопоставлением анатомических данных о строении нервней системы с экспериментальным изучением зависимости функций от раздражении и разрезов различных частей мозга.

Филопон (VI век н.э.) сообщает об опытах, в которых путем раздражения оболочек мозга вызывались двигательные параличи и потеря чувствительности. Имеются сведения, что опыты ставились и над живыми людьми (приговоренными к казни преступниками).

Использовав опыт александрийских врачей и последующей медицины, древнеримский врач Гален (II век н.э.) синтезировал достижения античной философии, биологии и медицины в детально разработанную систему.

Органами души он признал мозг, сердце и печень. Каждому из органов приписывалась одна из «психических» функций соответственно разделению частей души, предложенному Платоном: печень – носитель вожделений, сердце – гнева и мужества, мозг – разума. В мозгу главная роль отводилась желудочкам, в особенности заднему. Здесь, по Галену, производится и хранится высший сорт пневмы, соответствующий разуму, который является существенным признаком человека, подобно тому как локомоция (имеющая свою «душу», или пневму) типична для животных, а рост (опять-таки предполагающий особую пневму) – для растений.

Нервная система представляет ветвистый ствол, каждая из ветвей которого живет самостоятельной жизнью. Нервы построены из того же вещества, что и мозг. Они служат ощущению и движению. Гален различал: а) чувствительные, «мягкие» нервы, идущие к органам ощущений, и б) связанные с мышцами, «твердые» нервы, посредством которых выполняются произвольные движения.

Кроме автоматизмов сердца, сосудов и других внутренних систем, все остальные движения Гален считал произвольными. Мышца приводится в движение нервом посредством проносящейся по нему психической (душевной) пневны. Зависимость любого мышечного движения, связанного с моторным нервом, от участия психического фактора души казалась безусловной не только Галену, но и всем поколениям после него, пока не был открыт механизм рефлекса.

Развитие психофизиологических представлений в античном мире

приостановилось на уровне, запечатленном системой представлений Галена. От этого уровня, с использованием достижений арабоязычной культуры, научному знанию об организме предстояло продолжить свое дальнейшее развитие лишь через полтора тысячелетия.

Значение проблем, открытых в период античности

Завершая обзор представлений древних о материальном субстрате деятельности души (т.е. представлений, внутренне связанных с психофизиологической проблемой), обратим внимание на следующее обстоятельство. Если иметь в виду только фактические позитивные знания в этой области, т.е. эмпирические открытия, вошедшие в общий комплекс современных научных истин, то они крайне скудны и касаются исключительно анатомии организма.

Физиологические объяснения опирались на фиктивные понятия, каковым, например, являлось понятие о пневме – вещественном носителе жизненных и психических явлений. Но при всей его фантастичности этот термин отражал реальную потребность мысли в том, чтобы постичь динамику совершающихся в материальном субстрате изменений. От пневмы ведет свое происхождение учение о «животных духах» как потоках проносящихся по телу с огромной быстротой частиц, подобных потокам разогретого воздуха. В новое время эти частицы были подведены под законы механики и до конца XVIII века выполняли в умах естествоиспытателей и врачей ту функцию, которую взяло на себя в дальнейшем понятие о нервном процессе. И то, что для взгляда, чурающегося исторического подхода, может показаться мифологическим конструктом, являлось результатом напряженной работы естественнонаучной мысли и непременной предпосылкой ее дальнейших успехов.

Психологические поиски древних шли впереди анатомо-физиологических находок. Более того, сами физиологические схемы порождались запросами психологической мысли, исходившей из общего принципа зависимости души от организма. Учение о локализации души в различных частях организма возникло после того, как в составе самой души были вычленены различные «части».

Чтобы физиологически объяснить психологию, нужно сперва иметь психологию. И это остается верным применительно не только к древней эпохе, когда и физиологии-то, по существу, не было, но и ко всем последующим фазам научного прогресса.

Аристотель не пришел бы к своим умозрительным (фантастическим) рассуждениям о «пневматическом» механизме ассоциаций, если бы сначала не выделил сами ассоциации как особые формы запоминания и воспроизведения. Это же относится и к аристотелевскому понятию об «общем чувствилище» как главном психическом «центре».

В течение многих веков анатомы и физиологи подыскивали для этого центра место в организме исходя из психологических соображений о том, что деятельность отдельных органов чувств сама по себе недостаточна для познания общих качеств вещей, для сопоставления ощущений различных модальностей и т.д.

Учение о физиологической основе темпераментов опять-таки отправлялось от психологической типологии, связанной с интересами медицинской практики. Ведь все построения относительно элементов («соков»), образующих тип, были насквозь умозрительными, ибо являлись не обобщением фактов, а производной учения о четырех «корнях» всего существующего (в греческой философии).

Тонкий психологический анализ привел Демокрита к различению четырех вкусовых качеств – сладкого, соленого, кислого и горького. Через две с лишним тысячи лет экспериментальная психология в поисках основных чувственных элементов пришла к такому же выводу. Но Демокрит не ограничился феноменологией ощущений. Он искал их материальный субстрат в различии структуры атомов (сладкий вкус он считал порождением относительно больших круглых атомов, соленый – атомов с острыми углами и т. д.). Описание различий в атомах было совершенно спекулятивным, тогда как описание различных вкусовых ощущений соответствовало реальности.

Вправе ли мы, однако, прийти к выводу о том, что испытание временем выдержали лишь те мнения, которые касались психологических фактов (ощущений, ассоциаций), тогда как выработанные древними греками физиологические представления не имеют никакого значения для современного научного мышления?

Такой вывод нетрудно сделать, если рассматривать указанные физиологические представления сами по себе, безотносительно к категориальной функции, которую они выполняли в общем движении научных идей. Если же учесть эту функцию, то окажется, что принципиальные подходы древних не так уж далеки от современных проблем, дискуссий и поисков. Установка древних на выяснение физиологической (органической) основы психики в принципе являлась правильной. Наивно выглядят их ответы. Но вопросы, поставленные ими, сохраняют свою актуальность. И, кто знает, быть может, наши ответы покажутся в не столь отдаленном времени еще более наивными тем, кто выработает новые решения, отвечая на все те же вопросы, которые впервые осмыслил и над которыми столетиями бился древнегреческий ум.

Проблема отношений психических процессов к нейрогуморальным остается по-прежнему одной из самых острых вопреки попыткам современных позитивистов выдать ее за псевдопроблему.

Учение о локализации психических функций, несмотря на успехи нейрофизиологии, нейрогистологии, нейропсихологии и других дисциплин, вооруженных электронными микроскопами, телеметрическими и биохимическими методами, электронно-вычислительными машинами и другой новейшей

экспериментальной аппаратурой, содержит в настоящее время еще больше белых пятен, чем в античные времена.

Конечно, представления о физиологическом механизме ассоциаций существенно преобразовались по сравнению с аристотелевским движением потоков пневмы. Но и сегодня о динамике нервных (или нейрогуморальных) процессов в мозгу при актах запоминания и воспроизведения по ассоциации (не говоря о более сложной – смысловой памяти) известно очень мало. Проблема же, поставленная Аристотелем, находится в центре интересов многих самых современных лабораторий, изучающих нейрофизиологию и биохимию памяти.

Демокритовский подход к ощущениям состоял не только в «атомизации» сенсорной сферы. Поисками исходных ингредиентов «материи» или «ткани» сознания занялась в XIX веке структуралистская психология Вундта – Титченера, которая оказалась в тупике именно потому, что представляла ощущения не по-демокритовски, не как эффекты физических воздействий на воспринимающий орган, а по Беркли и Юму – как первичные феномены сознания. От этой чисто психологической линии отличалось психофизиологическое направление, искавшее не элементы сознания в их мнимой первозданности, а нервные элементы, от функционирования которых зависит возникновение ощущений. На этом втором пути были экспериментально установлены многие факты. Выяснилось, например, что не вся поверхность языка одинаково чувствительна к веществам, вызывающим разграниченные Демокритом вкусовые качества, что некоторые ощущения, считавшиеся вкусовыми, в действительности следует отнести за счет обоняния.

Демокрит искал ответ на вопрос, который до него ни перед кем не возникал и который и сегодня – в век тончайших физико-химических и кибернетических методов – остается столь же актуальным, как и тогда, когда основным орудием натуралиста было наблюдение.

Вопрос этот звучит так: каковы отношения между качеством ощущений и структурными особенностями вызывающего их внешнего материального источника? Вряд ли кто-либо отважится утверждать, что психология располагает сегодня конкретно-научным решением этого вопроса, тем более применительно к таким ощущениям, как вкусовые. Однако сформулирован он был в общем виде именно так, как и сегодня его понимает научная психология, – в отличие от тех доктрин, для которых (начиная от «физиологического идеализма» Иоганна Мюллера) у ощущаемых качеств не существует иного объективного коррелята, кроме структуры самого органа чувств.

Что касается еще одного важнейшего приобретения древней психологии – учения о темпераментах, то порожденные им понятия «холерик», «флегматик», «меланхолик» и «сангвиник» продолжают жить и в современном языке, что, конечно, было бы невозможно, если бы они не подкреплялись реально наблюдаемыми различиями человеческих типов.

В период античности зародилась идея о том, что несколько исходных телесных признаков образуют – при различных сочетаниях – основные типы (или комплексы) индивидуальных различий между людьми. Эта идея остается руководящей для современных концепций в области дифференциальной психологии. Можно подставлять различные значения под термин «исходные признаки» и использовать для их диагностики любые экспериментальные и математические методики, но общий смысл этих операций будет состоять в следовании той же категориальной схеме, которую выработали Гиппократ и другие древние медики. Напомним, что И.П. Павлов соотносил свое учение о типах высшей нервной деятельности с учением Гиппократа.

Древнюю теорию темпераментов отличала еще одна особенность. Как мы помним, за основные элементы организма принимались жидкости («соки»). Этой точке зрения созвучна устанавливаемая современной наукой зависимость темперамента от желез внутренней секреции, от «химизма» тела (а не только от его устройства или свойств нервной системы).

Категориальный подход ориентирует на то, чтобы отчленить инвариантное в научной деятельности от тех теоретических построений, в которых оно выступает в конкретную эпоху, в неповторимых исторически преходящих обстоятельствах. Мы имели возможность убедиться, что, хотя основные категории научно-психологического мышления в античный период еще не сложились, именно тогда были открыты проблемы, остающиеся центральными для современной психологии.

Механизм и новое объяснение отношений души и тела

Научная революция XVII века, как мы уже знаем, утвердила принципиально новое объяснение живого тела. Оно было освобождено от влияния души как организующего его деятельность принципа и стало мыслиться как своего рода машина, работающая по общим законам механики. Что касается психики, то она выступала в двух вариантах: либо как тождественная сознанию (т.е. знанию субъекта о своих мыслях, волевых актах и т. д.), либо как представленная в неосознаваемых формах. Попытки объяснить ее отношение к «машине тела» породили три воззрения на психофизиологическую проблему, к которым в различных вариантах склонялись мыслители последующих веков. Мы уже упоминали об этих вариантах – порождениях эпохи торжества механистического воззрения на природу. Это психофизиологическое взаимодействие (Декарт), психофизиологический параллелизм (Лейбниц) и психофизиологическое тождество (Гоббс).

Начнем с анализа воззрений Декарта. Как уже отмечалось, ему принадлежало открытие рефлекторной природы поведения. Перед глазами Декарта был опыт объяснения работы сердца в категориях механики. Это привело

к открытию Гарвеем кровообращения как деятельности, которая совершается автоматически, а не регулируется душой.

По идейно-научной значимости, однако, психофизиологическая теория Декарта не только не уступала учению Гарвея, но в известном отношении еще в большей степени укрепляла принцип детерминизма. Труды Гарвея утверждали этот принцип применительно к одной из внутриорганических функциональных систем, тогда как Декарт распространил его на взаимоотношение живых существ с внешним миром, на процесс поведения, открыв тем самым эру внедрения новой методологии в самую сложную сферу жизнедеятельности. Отсутствие сколько-нибудь достоверных данных о природе нервного процесса вынудило Декарта представить его по образцу процесса кровообращения, знание о котором приобрело надежные опорные точки в опытном исследовании. Декарт полагал, что по движению сердца и крови как по первому и самому общему, что наблюдают в животных, можно легко судить и обо всем остальном.

Нервный импульс мыслился как нечто родственное — по составу и способу действия — процессу перемещения крови по сосудам: предполагалось, что наиболее легкие и подвижные частицы крови, отфильтровываясь от остальных, поднимаются согласно общим правилам механики к мозгу. Потоки этих частиц Декарт обозначил старинным термином «животные духи», вложив в него содержание, вполне соответствовавшее механической трактовке функций организма. *«То, что называю «духами», есть не что иное, как тела, не имеющие никакого другого свойства, кроме того, что они очень малы и движутся очень быстро»*[14].

Хотя термин «рефлекс» у Декарта отсутствует, основные контуры этого понятия намечены достаточно отчетливо. Считая деятельность животных, в противоположность человеческой, машинообразной, отмечал И.П. Павлов, Декарт установил понятие рефлекса как основного акта нервной системы.

Рефлекс означает отражение. Под ним у Декарта разумелось отражение «животных духов» от мозга к мышцам по типу отражения светового луча.

В этой связи напомним, что понимание нервного процесса как родственного тепловым и световым явлениям имеет древнюю и разветвленную генеалогию (ср. представления о пневме). Пока физические законы тепла и света, проверяемые опытом и имеющие математическое выражение, оставались неизвестными, учение об органическом субстрате психических проявлений находилось в зависимости от учений о душе как целесообразно действующей силе. Картина начала изменяться с успехами физики, прежде всего оптики. Достижения Ибн аль-Хайсама и Р. Бэкона уже в период средневековья подготавливали вывод о том, что сфера ощущений (имеются в виду зрительные ощущения) находится в зависимости не только от потенций души, но и от физических законов движения и преломления

---

[14] *Декарт Р. Избр. произв. М., 1950, с. 600.*

световых лучей.

Понятие о способностях души шло от еще полной наивного телеологизма биологии, понятие же о движении света – от нарождавшейся неаристотелевской физики, где взамен телеологии (с ее представлением о стремлении к цели) вырабатывались каузальные способы объяснения. Но чтобы законы оптики приобрели истинно детерминистскую интерпретацию, потребовалась новая механика.

В ее категориях движение огненно-светового вещества внутри организма («животных духов», ведущих свою родословную от пневмы) смогло быть представлено как строго механическое. Правда, уже подход с позиций оптики лишал смысла обращение к душе как объяснительному началу. Ведь отражение материальных частиц – носителей психики – от мозга так же не нуждается для своей реализации в душе, как не нуждается в этом отражаемый от поверхности световой луч. Но механика позволила привязать отражение к конструкции, стать на почву реального взаимодействия компонентов телесной машины.

Понятия о рефлексе – результат внедрения в психофизиологию моделей, сложившихся под влиянием принципов оптики и механики. Распространение физических категорий на активность организма позволило понять ее детерминистически, вывести из-под причинного воздействия души как особой сущности.

Согласно Декартовой схеме внешние предметы действуют на периферические окончания нервных «нитей», расположенных внутри нервных «трубок». Нервные «нити», натягиваясь, открывают клапаны отверстий, ведущих из мозга в нервы, по каналам которых «животные духи» устремляются в соответствующие мышцы, и те в результате «надуваются». Тем самым утверждалось, что первая причина двигательного акта лежит вне его: то, что происходит «на выходе» этого акта, детерминировано материальными изменениями «на входе».

Декартовская трактовка мышечной активности была непосредственно связана с общими коренными сдвигами во всем строе категорий новой физики. Прежнее понятие о силе несло на себе печать непосредственно переживаемого мышечного напряжения, отражающегося в самосознании субъекта как нечто первичное, далее неразложимое. Это впитавшее элементы субъективизма понятие применялось к объяснению физических процессов во внешнем мире. Теперь же работа мышцы определялась исходя из закономерностей механики, открытых на внешних материальных объектах.

Движение «животных духов» заполняло в концепции Декарта недостающее звено между внешними толчками и изменениями в поведении органических тел. Благодаря включению этого звена не оставалось пробелов в цепи причин и следствий, образующих механизм природы. Доказывалось, что общее количество движения в мире сохраняется неизменным и жизнедеятельность организмов не

может нарушить этот закон.

Основой многообразных картин поведения Декарт считал «диспозицию органов». Он понимал под этим не только анатомически фиксированную нервно-мышечную конструкцию, но и ее изменение. Последнее происходит, по Декарту, в силу того, что поры мозга, меняя под действием центростремительных нервных «нитей» свою конфигурацию, не возвращаются (из-за недостаточной эластичности) в прежнее положение, а делаются более растяжимыми и, сохраняя следы прежде испытанных воздействий, придают току «животных духов» новое направление.

Автомат не способен изменять свое поведение, свою конструкцию под влиянием внешних стимулов. Декарт же строил проекты «машины», рефлексы которой перестраиваются благодаря опыту. Эти проекты являлись чисто умозрительными, но они важны как выражение общих тенденций научной мысли XVII века. Идея машинообразности поведения уже тогда приобрела важный эвристический смысл. Она расценивалась как ключ к научному объяснению не только тех действий, которые производятся автоматически благодаря самой конструкции «нервной машины», но и действий вариативных, изменчивых, приобретаемых в опыте.

Древнее разделение движений на непроизвольные в произвольные приобрело после Декарта новый смысл. Большая часть мышечных актов, считавшихся прежде произвольными и объяснявшихся участием целесообразно действующей души, перемещается теперь в группу психических (чисто механических), рефлекторных; произвольные же движения отделяются от них по критерию воздействия на телесное поведение осознаваемого (стало быть, представленного в самосознании, в рефлексии субъекта) волевого стремления (воления, хотения) и тем самым признаются только за человеком.

Вся нервно-мышечная физиология последующих веков находилась под определяющим воздействием Декартовой схемы. В течение длительного исторического периода представление о машинообразном характере всех органических отправлений, включая и те, посредством которых мышцы живых существ реагируют на внешние влияния, служило компасом для исследования строения и функций нервной системы. После Декарта стало очевидно, что объяснять нервную деятельность силами души равносильно обращению к этим силам для объяснения работы какого-либо автомата, например часов. И сегодня можно присоединиться к словам известного английского физиолога Фостера, который писал, что если мы будем читать между его (Декарта) строчек, если мы на место субтильных флюидов поставим молекулярные изменения, которые мы называем нервным импульсом, если мы на место трубок с их клапанным устройством поставим современную систему нейронов, связь которых детерминирует прохождение и эффект нервных импульсов. Декартово объяснение окажется не совсем отличным от того, которое мы даем сегодня.

Но нервная система производит не только двигательные акты. И,

представляя ее по образцу автомата, Декарт имел в виду не только детерминистическое истолкование мышечных реакций, до того считавшихся произвольными. Он стремился поставить в возможно более прочную причинную зависимость от телесного механизма то, что относилось к области душевных явлений, найти для этих явлений материальные эквиваленты, первичные по отношению к феноменам сознания.

В системе Декарта как таковой не расчленены объяснения, относящиеся к мышечной сфере, с одной стороны, к определенному кругу явлений психической сферы – с другой. Но с целью адекватной исторической оценки такое разграничение необходимо провести, учитывая последующую эволюцию понятия о рефлексе, в ходе которой в определенный исторический период оно стало считаться чисто физиологическим, относящимся только к переходу нервного импульса – через центры – с афферентного пути на эфферентный.

Между тем у Декарта понятие о рефлексе с самого начала строилось как психофизиологическое. Предполагалось, что между «входными» и «выходными» путями действуют те механизмы, которые осознаются душой в виде ощущений, представлений и чувств. Ощущения и представления не являются у Декарта рефлексами, но возникают и существуют только как определенные телесные состояния машинообразно реагирующего на внешние толчки организма.

Вопрос о том, какова миссия Декарта в истории научных представлений о психике и ее нейромеханизмах, служил предметом непрекращающихся дискуссий до тех пор, как Гексли в 1874 году указал, что ряд положений, составляющих основу и сущность современной физиологии нервной системы, был полностью выражен и проиллюстрирован в трудах Декарта.

В список этих положений Гексли включил следующие: органом ощущений, эмоций и мыслей является мозг; мышечная реакция порождается процессами в примыкающем к мышце нерве; ощущение обусловлено изменениями в нерве, связывающем орган чувства с мозгом; движения в сенсорных нервах отражаются на моторных, и это возможно без участия воли (рефлекторный акт); вызванные посредством сенсорного нерва движения создают в веществе мозга готовность вновь производить такое же движение.

После выступления Гексли приоритет Декарта в разработке кардинальных психофизиологических проблем становится общепризнанным.

Принцип «животного автоматизма» оказывается для естествоиспытателей путеводной нитью. Вместе с тем указанный принцип из-за недостатка конкретно-научных знаний был выражен в такой морфофизиологической схеме, которая содержала немало умозрительного, а то и просто фантастического. Девизом нового естествознания было опытное изучение реальных причин явлений. Вполне понятно поэтому, что и Декартова схема принималась постольку, поскольку она служила руководством к экспериментальному исследованию нервно-мышечных функций. В ходе этого исследования обнаружился произвольный характер некоторых допущений. В результате отдельные детали конструкции отпали, но

остов ее, выдержав опытную проверку, сохранился и укрепился.

К произвольным элементам, в частности, относилась гипотеза о «животных духах». Нельзя было доказать, опираясь на наблюдение и эксперимент, существование в организме особого вещества, которое объединяло бы деятельность нервной и мышечной систем, а также служило физиологическим носителем ощущений, восприятии и других психических актов. И все же гипотеза о «животных духах» упорно держалась в естествознании до конца XVIII века в различных вариантах и под различными именами, удовлетворяя до поры до времени потребность в понятии, которое указывало бы на материальный характер нервного процесса.

Напротив, декартовское мнение о шишковидной железе как центре, с помощью которого сознание непосредственно воздействует на тело, не встретив сочувствия, было отвергнуто и заменено другими, более близкими к опыту представлениями о районах центральной нервной системы, в границах которых осуществляется психическая деятельность.

Особое значение для последующего развития физиологии имела экспериментальная проверка поначалу кажущегося второстепенным утверждения Декарта о том, что объем мышцы при ее сокращении увеличивается. Опытное доказательство ошибочности этого взгляда принципиально трансформировало понимание природы нервно-мышечной реакции, что, в свою очередь, повлекло за собой далеко идущие изменения категориального строя биологического мышления.

Понятие о раздражимости

Опроверг Декартово мнение об увеличении объема мышцы английский врач и натуралист Глиссон (1597 – 1677). Притом опроверг экспериментально. Тем самым ставилась под сомнение вся концепция о «животных духах», трактовавшая сокращение мышцы как приток некоторого количества вещества.

Способность мышцы производить в ответ на стимуляцию «внутреннее жизненное движение» Глиссон обозначил термином «раздражимость». В отличие от Декарта, который разработал понятие о рефлексе, но еще не ввел соответствующего термина, Глиссон не только сформулировал понятие о раздражимости, но и обозначил его новым термином.

Глиссоном была высказана в первом приближении чрезвычайно плодотворная гипотеза о специфическом характере детерминации жизненных явлений. Вслед за сторонниками Декартовой линии он исходил из причинной обусловленности деятельности органа внешними раздражениями. Но если механицисты не придавали значения своеобразию этой деятельности по отношению к материальным условиям, ее вызывающим, то Глиссон выдвинул на первый план в детерминации процесса жизни те новые свойства, которые

возникают на уровне органической природы.

Считая мышечное волокно обладающим способностью раздражаться, Глиссон полагал, что эта способность, данная живой ткани имманентно и потенциально, актуализируется только в результате раздражения, т.е. под действием внешних физических факторов.

Глиссона воодушевлял в его обширных экспериментальных работах философский замысел, отличный от замысла Декарта и его продолжателей, а именно – чуждая механистическому естествознанию идея развития, возникновения новых качеств в жизни природы. Глиссон упрекал натуралистов в том, что они не проследили, как природа развивается от неорганической к растительной и животной. Его собственное открытие раздражимости подтверждало возможность естественнонаучного объяснения фактов органической жизни, несводимых к механическому перемещению частиц.

Уровень развития естествознания в XVII веке еще не позволил открыть вслед за раздражимостью другие свойства органической материи и продолжить начатое Глиссоном заполнение пропасти между двумя намеченными Декартом полюсами: механизмом природы и самосознающей мыслью.

Учение о нервных вибрациях и бессознательная психика

Новая веха в учении о психике как продукте работы «нервной машины» связана с попыткой Гартли представить эту машину в качестве действующей на принципах, открытых Ньютоном. Здесь перед нами еще один прецедент воздействия физических идей на объяснение динамики психических процессов.

Такое воздействие мыслилось опосредованным физиологическим устройством организма. Почерпнув в физике гипотезу о вибрациях, Гартли изобрел модель, которая объясняла поведение в целом, в его причинных связях с внешней средой. Это позволило включить психику в единый ряд, который охватывал общий цикл жизнедеятельности организма — от восприятия вибраций во внешней среде через вибрации мозгового вещества к вибрациям мышц.

Перед нами весь спектр коренных и для современной науки вопросов о нейродинамике психической деятельности. Они сформулированы на языке XVIII века. Но от этого не стали менее значимыми. При отсутствии каких бы то ни было позитивных знаний о природе нервных процессов Гартли сумел выдвинуть ряд физико-физиологических гипотез, родственных по своему смыслу современным исканиям. Ведь все гартлианское учение о вибрациях ставит целью определить нейродинамические, а не чисто морфологические эквиваленты психических процессов, выявить функциональные, телесные факторы, ответственные за различия в модальностях, силе, качестве сенсорных процессов и их преобразованных копий – идей.

Равно ошибочными были бы два предположения: а) считать, что система

Гартли – это прямой перенос в психологию одной из естественнонаучных гипотез с целью выведения психологических закономерностей из физических; б) считать, что гипотеза вибраций заимствована из физики с целью проиллюстрировать закономерность, установленную и помимо нее, придать этой закономерности видимость строгого естественнонаучного обоснования.

Гартли действительно находился под влиянием ньютоновского строя идей. Он подчеркивал, что ставит целью применить к изучению сознания метод, которому следовал Ньютон, – метод дедукции принципов из явлений. Гартли действительно опирался на соображения, высказанные Ньютоном в связи с критикой традиционной концепции «животных духов». Но решал Гартли задачи, выдвинутые логикой развития категориального строя психологии, а не оптики или механики. Важнейшей среди этих задач являлось преобразование взгляда на психическое как тождественное совокупности осознаваемых субъектом феноменов, т.е. декарто-локковской концепции сознания.

С точки зрения этой концепции все, что совершается за пределами сознания, относится к области физиологии. Напомним, что Лейбниц первым выступил против этого воззрения, противопоставив ему учение о бессознательной душе. Гартли называет имя Лейбница вслед за именем Декарта как автора, образ мыслей которого ему близок. Но Лейбниц, разрабатывая понятие о бессознательном, выводил его из природы души, тогда как для Гартли такое решение было неприемлемо. Он искал материалистическое объяснение процессов, которые не представлены в сознании, но вместе с тем детерминируют его работу. Лейбниц называл эти процессы малыми перцепциями, образующими тот айсберг, незначительная вершина которого открывается уму при наблюдении за собственной деятельностью. Гартли назвал эти процессы чувствованиями. Они складываются, по Гартли, в объективной системе отношений, т.е. независимо от рефлексии, и сама деятельность рефлексии, с его точки зрения, является их производной.

Либо душа, либо нервная система — третьего не дано. Схема Гартли была не «настоящей», а воображаемой физиологией мозга. Но в условиях XVIII века она объясняла объективную динамику психических процессов, не обращаясь вслед за Лейбницем к душе как объяснительному понятию.

Все нервные вибрации Гартли разделял на два вида: большие и малые. Последние возникают в белом веществе головного мозга как миниатюрные копии (или следы) больших вибраций в черепно-мозговых и спинномозговых нервах. Учение о малых вибрациях объясняло возникновение идей в отличие от ощущений, а тем самым от всего «внутреннего мира», единственным строительным материалом которого, согласно Гартли, служат идеи. Поскольку же первичными считались большие вибрации в нервной системе, возникающие под воздействием на нее «пульсаций» внешнего эфира, «внутренний мир» идей выступал как миниатюрная копия реального взаимодействия организма с миром внешним.

Однажды возникнув, малые вибрации сохраняются и накапливаются, образуя «орган», который опосредствует последующие реакции на новые внешние влияния. Благодаря этому организм в отличие от других физических объектов становится обучающейся системой, имеющей собственную историю.

Основа обучаемости – память – способна запечатлевать и воспроизводить следы прежних воздействий. Она для Гартли — общее фундаментальное свойство нервной организации, а не один из психических познавательных процессов (каковой оказалась память в некоторых современных классификациях).

В схеме Гартли запечатлелась назревшая объективная потребность (продиктованная логикой развития научного познания) преодолеть дуализм Декарта, разъявший материальную субстанцию организма и спиритуальную субстанцию души. Успехи естественнонаучного исследования телесного субстрата жизни (начиная от открытия Глиссоном раздражимости) говорили о присущих живому телу свойствах, несводимых ни к разряду автоматических движений (подобных работе сердечной мышцы), ни к сознанию и воле.

Постепенно в структуре научного мышления возникли три разряда явлений: а) физические, б) психические, но лишенные признаков сознательности и произвольности и в) чисто сознательные и произвольные.

Первым отобразило эти изменения учение Лейбница о «малых перцепциях» как форме неосознаваемой психики. Гартли (по собственному признанию) следовал за Лейбницем с тем существенным отличием, что объяснял неосознанные и непроизвольные реакции работой нервной системы, а не активностью духовных монад.

Объясняя вслед за Декартом поведение целостного организма, реакции которого, будучи вызваны колебаниями внешнего эфира, переходят в вибрации чувствительных нервов и посредством вибраций больших полушарий завершаются вибрациями мышц, Гартли стал автором второй, после Декарта, схемы рефлекса. В отличие же от Декарта Гартли охватил своей схемой поведение в целом, не оставляя за ее пределами сознание и волю. Они также рисовались имеющими свой особый нервно-мышечный эквивалент.

И декартовская, и гартлианская схемы носили умозрительный характер. Конечно, они не были игрой ума, лишенной опоры в научном опыте. Но это был создававший новый строй мышления опыт физики Декарта и Ньютона. Успехи же эмпирического изучения живых субстратов вносили существенные коррективы. Об этом уже говорилось в связи с открытием раздражимости.

Ряд других открытий, которыми славен XVIII век, углубляли естественнонаучное объяснение жизненных функций, которые во все прежние века относились за счет действий неземного, восходящего к Всевышнему, бестелесного агента – души. Открывались естественнонаучными методами особые свойства нервной ткани.

Самый крупный физиолог XVIII века – Галлер – вводит такие понятия, как

мышечная сила, нервная сила, «темные (неосознанные) восприятия». Они указывали на свойства организма, столь же доступные объективному изучению, как и другие атрибуты материи. Правда, за пределы сенсомоторного уровня, к высшим проявлениям работы организма богобоязненный швейцарец Галлер выйти не отважился.

Это стало делом французских философов. Первым выступил Ламетри, ставший на путь самоотверженной борьбы с верой в бессубстратное сознание.

Разделение рефлекса и принципа материальной обусловленности поведения

Ламетри считал себя преемником Декарта, полагая, будто разграничение последним двух субстанций представляло всего лишь «стилистическую хитрость», придуманную для обмана теологов. Вдохновленная идеями Декарта-физика работа по изучению органических основ поведения не прошла для философского материализма даром.

Распространив (в своем посвященном Галлеру трактате «Человек – машина», само название которого звучало как боевой лозунг) принцип машинообразности на человеческое поведение, Ламетри свел картезианское «мышление» к телесной субстанции, понятой не столько по-декартовски, сколько по-галлеровски.

Галлер в объяснении свойств организма не решился идти далее признания за материальным телом способности ощущать и реагировать. Мышление и волю он по-прежнему относил к бессмертной душе. Но французские материалисты, исходя из сенсуалистических посылок (*«Нет ничего в мышлении, чего бы не было в чувствах»*, – учил Локк), отстаивали иной взгляд. Они доказывали, что нет таких умственных процессов, которые живое тело не могло бы произвести в силу своей материальной организации.

Этот вывод, для современной психологии аксиоматический, в XVIII веке означал бесстрашное разрушение тысячелетних догм, полемика вокруг которых приобрела в накаленной атмосфере предреволюционной Франции политический характер.

И хотя естественнонаучный опыт еще не проник за пределы раздражимости и чувствительности организма, идеи французских материалистов побуждали к строго причинному объяснению всех психических функций безостаточно.

Естествознание XVIII века еще не могло решить эту задачу. Но она была поставлена. Здесь, однако, назревала коллизия. У Декарта поведение телесной машины характеризовалось как сплошь рефлекторное (за исключением тех человеческих действий, иррегулярность которых ставилась в зависимость от непротяженной субстанции сознания). Полностью подчинялось рефлекторному принципу и вибрационное устройство Гартли.

У Ламетри, Кабаниса и других последователей Декарта-физика сознание трактовалось как свойство материальной организации. По Ламетри, человек – это машина, которая чувствует, думает, сознает, а не только перемещается в пространстве. Но является ли детерминация ее психически регулируемого поведения по своему типу рефлекторной?

В решении этого вопроса наметилась тенденция, однозначно выраженная Кабанисом: считать рефлекторными только те действия, в которых сознание не участвует. Кабанис различал три уровня активности организма: рефлекторный, полусознательный, сознательный (волевой). На высшем уровне включается головной мозг, рефлекторные же акты – продукт нижележащих отделов нервной системы. Тем самым разделялись два понятия: о материальной обусловленности поведения и об его рефлекторной природе, т.е. понятия, которые для Декарта совпадали.

Принципу рефлекса – неотвратимого перехода внешнего воздействия в мышечное движение – считался теперь подчиненным только элементарный предсознательный уровень поведения. В представлении о поуровневой организации нервной деятельности отразились как неврологический опыт, так и новые эволюционные идеи, изменявшие направленность биологического мышления. Организм трактовался как система органов, представляющих в индивиде весь эволюционный ряд. Преемственность между органами нервной системы выражена, согласно Кабанису, в том, что низшие центры при отпадении высших способны реагировать самостоятельно. Такой самостоятельной бессознательной реакцией нервных центров и является рефлекс.

Возвращение к рефлексу как акту целостного поведения

С переориентацией на биологию трактовка рефлекса претерпевала категориальные изменения. В наиболее определенной форме их отразило учение чешского врача, анатома и психофизиолога Прохазки (1749 – 1820). Если у Декарта и Гартли модель рефлекса строилась на принципах физики, то у Прохазки она получила биологическое основание.

Прохазке принадлежит третья – после Декарта и Гартли – попытка представить работу целостного организма как основанную на рефлекторном принципе. К новому синтезу Прохазка пришел не сразу. Ему приходилось преодолевать аналитические установки школы Галлера, которая, выдвинув понятия о мышечной силе, нервной силе, «темных восприятиях», расчленила мышечные, нервные и психические явления, но не смогла выработать объединяющую их концепцию. Потребность же в синтезе неотвратимо назревала.

Понятие о нервной силе выражает у Прохазки единый принцип объяснения всех явлений, производимых нервной системой, – как мышечных, так и психических. Нервная сила, подобно ньютоновской силе тяготения, носит

всеобщий характер. Она «энергетическое» – начало, заменившее представления о «животных духах», «флюидах», «анимальных и витальных частицах», вибрациях и других гипотетических процессах. Нервная сила лежит и в основе поведения организма. Однако, указывая на энергетику этого поведения, она не может объяснить его механизм. Для решения этой задачи Прохазка обращается к понятию о рефлексе, которое им преобразуется.

Самое важное заключалось не в новом представлении о локализации, а в положении о том, что все нервно-психические функции подчинены общей законе мерности. Обе части «сенсоциума» – психическая и телесная – действуют по закону самосохранения, обеспечивают переход внешнего впечатления в целесообразное движение.

Рефлекс, по Прохазке, вызывается не любым внешним раздражителем, но только таким, который превращается в чувствование. Чувствование же повсеместно, независимо от того, становится оно актом сознания или нет, имеет одно и то же общее значение «компаса жизни».

Идея неразрывной связи организма с внешней природой выводилась первоначально из принципов механистического мировоззрения. Так, Декарт исходил из принципа сохранения количества движения. Этот закон не мог бы претендовать на универсальность, если бы живое тело творило из себя силы. Оно, согласно Декарту, и не творит их, но безостаточно зависит в своем поведении от внешних тел.

Прохазка также исходил из идеи тотальной зависимости организма от природы, его неразрывной связи с ней. Однако в качестве основания этой связи и зависимости у него выступает не закон сохранения количества движения, а закон самосохранения живого тела, который выполняется только при условии осуществления избирательных реакций на воздействия внешней среды. Такого рода реакции в свою очередь предполагают способность различать свойства внешнего мира и оценивать их по отношению к потребностям организма.

Эта способность и есть психическое.

Тем самым учение о рефлекторной природе поведения было обогащено рядом новых идей: понятиями о биологическом назначении этой структуры (биология, а не механика), о пригодности ее для анализа всех уровней психической деятельности (монизм, а не дуализм), о детерминирующем влиянии чувствования (утверждение активного участия психики в регуляции поведения, а не эпифеноменализм).

Важным нововведением Прохазки являлась его трактовка чувствования как «компаса жизни». Во всех случаях, когда предпринимались попытки вывести психические процессы из деятельности рефлекторного устройства (Декарт выводил из этой деятельности страсти – эмоции, ощущения, представления, а Гартли – также абстрактное мышление и волю), психическое соотносилось с возможностями этого устройства самого по себе, но не с особенностями внешней

среды, в которой оно действует. В результате психическое оказывалось только следствием телесного автоматизма, но никогда – причиной.

Свой главный труд Прохазка назвал «Физиология, или Учение о человеке». Но этот труд не сводится к тому, что в дальнейшем стали называть физиологией человека. Перед нами антропологическое учение, в содержании которого представлен естественнонаучный анализ психической деятельности, базирующийся на рефлекторном принципе.

Признание за этой деятельностью причинного значения с точки зрения естественнонаучного опыта (а не свидетельств самосознания) говорило о новых тенденциях, которые привели через полвека к превращению психологии в самостоятельную науку, имеющую собственную категориальную «сетку», отличную от физиологической .

Анатомическое начало

Фигура Прохазки возвышается на рубеже XVIII и XIX веков. Его синтетическая концепция охватывала жизнедеятельность целостного организма. Однако естественнонаучная опора этой теоретической концепции была узка. Конкретных методик исследования рефлекторных актов еще не существовало. Реальный прогресс наметился в направлении экспериментального изучения анатомической структуры этих актов. В физиологии нервной системы воцарилось «анатомическое начало». Доминирующей становится аналитическая установка, только на этот раз связанная с поисками не различных сил, а различных структур. Любопытно, что Прохазка, будучи сам выдающимся анатомом, считал, что анатомия бессильна раскрыть механизм рефлекса.

Между тем именно анатомическое изучение нервной системы создало предпосылки для дальнейшего развития и укрепления рефлекторной концепции. Одним из пионеров такого изучения был английский невролог Чарлз Белл (1774 – 1842). В 1811 году он опубликовал частным образом и распространил в кругу своих друзей трактат, формулировавший идею о новой анатомии мозга.

Новая анатомия мозга строилась на гипотезе о том, что раздельности нервных элементов соответствует раздельность функций. Белл открыл различие функций задних и передних корешков спинномозговых нервов. Только при раздражении передних наблюдалось мышечное сокращение. Это открытие превратило понятие о рефлексе в естественнонаучный факт. Догадку о различной функции корешков задолго до Белла высказывали многие. Белл экспериментально установил это различие. Пройдет некоторое время, и в учебниках физиологии появится «рефлекторная дуга».

Так как Белл описал свое открытие в трактате, предназначенном для узкого круга лиц, оно некоторое время оставалось малоизвестным и стало общенаучным достоянием лишь после того, как независимо от Белла к аналогичным выводам

пришел французский физиолог Ф. Мажанди. Закономерный переход нервного импульса по афферентным нервам через спинной мозг на эфферентные нервы получил имя закона Белла – Мажанди. Его сравнивают по значению для физиологии с открытием кровообращения Гарвеем. Постепенно складывается представление о локализации рефлекторных путей, на основе которого созревает классическое учение о рефлексе как принципе работы спинномозговых центров — в отличие от высших отделов головного мозга.

Наиболее последовательно это учение было развито английским врачом М. Холлом и немецким физиологом И. Мюллером в 30 – 40-х годах XIX века.

Холл выразил дуалистическое представление о нервной деятельности в четкой анатомической схеме. Организм рассекался на части, одна из которых считалась работающей только под воздействием внешней стимуляции и детерминированной в своей работе закономерным сцеплением звеньев нервного механизма, другая ставилась в зависимость от спонтанных психических сил. Одна локализовалась в спинном мозге, другая – в головном.

Люди с естественнонаучным складом ума восторженно приняли понятие о рефлексе именно потому, что оно позволяло отказаться от далее неразложимого психического принципа (души, чувства, сознания, воли) как источника двигательной активности организма. Теперь же оказывалось, что, изгнав этот принцип из сферы элементарных рефлексов спинного мозга, авторы новой физиологической схемы переместили его в головной мозг. В результате организм рассекался на две половины, управляемые различными законами.

Между тем мысль о том, что по законам рефлекса работают центры не только спинного, но и головного мозга, все прочнее входила в научное сознание. В 1844 году последователь Прохазки английский врач Лейкок сделал в Британском обществе сообщение о необходимости распространить принцип рефлекса вслед за спинным мозгом на деятельность головного. Нервные узлы внутри черепа, указывал он, реакции на внешние впечатления должны управляться законами, тождественными тем, которые управляют действиями спинного мозга и тех узлов, которые у низших животных аналогичны им.

Однако знание о том, каков механизм работы высших нервных центров при переходе чувственных впечатлений в движения мышц, не имело под собой никаких экспериментальных оснований. Оно могло только гипотетически постулироваться (тогда как подобный переход на уровне спинного мозга опирался на проверенную опытом модель рефлекторной дуги). Если объяснение рефлекса связью нервов вовсе не нуждалось в обращении к психике (сознанию, душе), то иначе обстояло дело с изучением органов чувств. Это направление исследований также определялось «анатомическим началом». Продукты работы органов чувств – ощущения – трактовались как эффект возбуждения нервной ткани, которая, тем самым, оказывалась их последней детерминантой.

Именно таковыми рисовались эти продукты физиологам, лидером которых

стал И. Мюллер, предложивший теорию специфической энергии органов чувств.

Внешний стимул пробуждает скрытую в нервном волокне энергию. В силу этого возникает феномен, который осознается как ощущение. Под влиянием «анатомического начала» эта теория оставляла без внимания два важнейших аспекта работы органов чувств: их связь с органами движений и их зависимость от свойств внешнего объекта. Важность обоих этих аспектов отмечали, критикуя Мюллера, другие физиологи (Белл, Пуркинье, Вебер, Штейнбух).

Но в состав научного знания эти аспекты прочно вошли лишь позже, когда, вслушиваясь в голос эксперимента, Гельмгольц перешел к объяснению построения пространственного образа среды зрительной системой (включающей как сенсорные, так и глазодвигательные компоненты). Традиционные воззрения на телесный субстрат психических явлений радикально изменялись. Однако сколько-нибудь надежного знания о главном органе психики – головном мозге – все еще приобрести не удалось.

Один из выдающихся физиологов эпохи Карл Людвиг считал, что экспериментально изучать головной мозг равносильно тому, как если бы пытаться раскрыть механизм часов, стреляя в них из ружья. Заняться такой «стрельбой» отважился, как мы помним, искавший ответ на вопросы, касающиеся сознания и воли, русский ученый И.М. Сеченов. Работая в Париже, в лаборатории Клода Бернара, он, проверяя в эксперименте свою гипотезу о способности центров головного мозга задерживать движения мышц, открыл так называемое центральное торможение.

Переход к нейродинамике

Благодаря открытиям И.М. Сеченова наметился переход от психоморфологического понимания отношений между мозгом и психикой (согласно которому существуют корреляции между одним из участков мозга и одной из психических функций) к картине динамики нервных процессов: возбуждения и торможения.

Изучение нейродинамики коренным образом изменило представления о физиологической подоплеке психических процессов. Однако оно не могло преодолеть господствовавший веками дуалистический образ мысли, которому не было другой альтернативы кроме редукционизма (сведения психических процессов к физиологическим), неизбежно влекшего к эпифеноменализму (для которого психическое не более чем праздный эффект активности нервной ткани).

Как дуализм, так и редукционизм могли быть преодолены лишь при условии преобразования не только системы представлений о нейросубстрате психики, но и о самой психике как деятельности, которая опосредована этим субстратом (и превращается без него в витающую над организмом бестелесную сущность). Важнейшим достижением русской научной мысли стал переход к новой стратегии

объяснения психофизиологических корреляций. Смысл перехода определил отказ от установки на локализацию «нематериального» сознания в материальном веществе мозга и перевод анализа психофизиологической проблемы в принципиально новый план, а именно – в план исследования поведения целостного организма в природной и социальной «применительно к человеку» среде. Пионером такой переориентации и стал Сеченов.

Сигнальная функция

Дело Сеченова продолжил И.П. Павлов. В его пробах опоры на физиологическое учение о нейросубстрате с целью естественнонаучного и строго объективного объяснения психики имелось несколько направлений.

Отметим, по крайней мере, четыре: а) обращение к нейродинамике процессов возбуждения и торможения; б) трактовка временной связи, которая образуется в головном мозге при выработке условного рефлекса как субстрата ассоциации, – понятие, которое являлось основой самого мощного направления в психологии, успешно развивавшегося, как мы знаем, и до приобретения ею статуса самостоятельной науки; в) обращение к связи коры больших полушарий с подкорковыми структурами при анализе сложнейших мотиваций, где невозможно отделить соматическое от психического[15]; г) учение о сигнальных системах.

Во всех случаях Павлов искал способы приблизить научную мысль к решению сверхзадачи, в которой ему виделась высшая цель грандиозной программы выработки условных рефлексов у собаки. Эту цель он в своей программной речи, озаглавленной «Экспериментальная психология и психопатология на животных», сформулировал следующим образом: *«Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека более всего, – его сознание, муки его сознания»*[16].

Павловское учение революционизировало нейронауку. Однако в трактовку природы сознания оно первоначально никаких инноваций не вносило.

Сознание понималось им тогда как «субъективный мир», как непосредственная данность, иначе говоря по-декартовски. Поэтому, решительно критикуя дуализм, разъяыший сознание и мозг, он позитивного, конкретно-научного объяснения их нераздельности долгое время предложить не мог. Между

---

[15] *«Кто отделил бы в безусловных рефлексах (инстинктах) филологическое соматическое от психического, т.е. от переживаний могучих эмоций голода, половых влечений, гнева и т. д.» (Павлов И.П. Полн. собр. соч. 2-е изд., М., 1951. Т. 2, кн. 2, с.335).*

[16] *Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т. 3, кн. 2, с. 39.*

тем предпосылки такого объяснения содержало обращение Павлова (вслед за Сеченовым) к сигналу как детерминанте поведения.

Сигнальная функция присуща как нервному, так и психическим уровням организации поведения, являясь, тем самым, основанием надежного «брака» физиологии с психологией, о котором страстно мечтал И.П.Павлов.

Уникальность сигнала в том, что от интегрирует физическое (будучи нервным раздражителем, выступающем в особой, превращенной форме), биологическое (являясь сигналом для нервной системы организма) и психическое (выполняя присущую психике функцию различения условий действия и управления им). Именно в этом плане понятие о сигнальных системах, введенное Павловым, открывало новые подходы к психофизиологической проблеме.

Так, уже первая сигнальная система «двулика». В физиологическом плане *«действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно переходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма»*[17].

В психологическом же плане – *«это то, что мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды»*[18].

При переходе к человеку формируется вторая сигнальная система в виде речевых сигналов (слов). С ней психофизиологическая активность организма приобретает три «лика». Источником вторых сигналов служит не физическая среда, а знаковая система языка, заданная человеческому организму объективно, социальной средой его бытия. Вместе с тем в самом этом организме вторая сигнальная система оборачивается, говоря павловскими словами, работой все той же нервной ткани. Наконец, речевые знаки вводят в материю больших полушарий свою «душу» в виде неотчленимых от них значений – сгустков народной мысли. Таково было последнее слово Павлова.

---

[17] *Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т. 3, кн. 3, с. 335.*

[18] *Там же.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Категориальный анализ как метод конкретно-научной (а не философской) рефлексии о структуре и динамике познания был разработан М.Г. Ярошевским[19].

Метод призван выделить инварианты (основные формы) логики этого познания из многообразия исторического опыта освоения научной мыслью психической реальности.

Обращение к категориальному анализу порождено потребностью отграничить научные представления о психике от любых иных и тем самым определить собственную область психологии. Ведь словом «психология» принято обозначать как объективные свойства жизнедеятельности (когда, например, говорят: *«У этого человека своя психология»*), так и добываемое специальными средствами науки знание о них (второй смысл термина адекватен его этимологии, поскольку входящее в него древнегреческое слово «логос» указывает на знание о реальности, а не на познаваемые объекты).

Категории образуют остов научного знания в качестве отличного от тех способов реконструкции психического мира, которые веками вырабатываются религией, искусством, философией, житейской мудростью.

Когда заходит речь о предмете психологии, ее чаще всего определяют как науку о психике, хотя очевидно, что эта дефиниция – простая тавтология, ибо по сути своей сводится к суждению: наука о психике изучает психику[20]. Предмет психологии дан в исторически развивающейся системе ее категорий.

Обсуждая вопрос, каким образом добывается новое знание, следует разграничить два уровня анализа, хотя и связанных, но различных. Можно устремиться на поиск обстоятельств, определивших своеобразие индивидуального пути исследователя (его личных интересов, мотивов его занятий именно данной проблемой, индивидуального стиля мышления и т.д.). Но возможен и другой подход – когда центр анализа перемещается на особое интеллектуальное устройство, которое работает независимо от интересов и умственного склада

---

[19] *См. Ярошеевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1971.*

[20] *В нашей литературе предпринимались попытка, конкретизировать это определение, присоединяя к нему указания на то, что психика является, во-первых, функцией мозга, во-вторых, отражением внешнего мира. Конечно, оба указания справедливы, но предметную область психологии они не очерчивают. Говоря о функции мозга, ограничиваются физиологическим аспектом, а говоря об отражении – философским (гносеологическим).*

отдельного ученого. Последний наследует это устройство, входя в мир науки, осваивая в онтогенезе своего личного творчества филогенетически сложившиеся формы научного познания. Систему этих форм, не извне прилагаемых к содержанию, а изнутри его организующих, назовем категориальным аппаратом. Согласно философской традиции, под категориями имеются в виду наиболее общие, предельные понятия (такие как «количество», «качество», «форма», «содержание»). Они действительны для любых проявлений умственной активности, какие бы объекты ее ни поглощали.

Когда же объектом становится одна из сфер бытия (например, психическая реальность), аппарат философских категорий недостаточен, чтобы превратить ее в предмет научного знания. Этот предмет строится и разрабатывается посредством системы специально-научных категорий. Именно она, развиваясь исторически, позволяет осмыслить изучаемые явления не только глобально (в категориях количества и качества и т.д.), но также в специфических характеристиках, отличающих определенную область знания от всех остальных. Эта область выступает в виде множества теоретических схем, которые, обобщая факты, отвечают на такие, например, вопросы: «Что такое эмоция?»; «Чем определяются различия между непроизвольным и произвольным действием?»; «От чего зависит самооценка человека?» и т.п.

Ответы на подобные вопросы существенно разнятся в различные периоды истории психологической мысли. Но они разнятся также и в каждый конкретный момент этой истории (поскольку в любой момент в сообществе ученых сталкиваются между собой разные концепции).

Смена эпох происходит не по типу катастроф, когда от прежних научных достижений не остается и следов. Авторы теорий не могли бы вступать в сколько-нибудь продуктивный спор, если бы говорили на непонятных друг другу языках, если бы при всех расхождениях в их интеллектуальном устройстве не было общих опорных точек.

И при смене эпох, и при конфронтации взглядов, определяющих облик одной из этих эпох, иначе говоря – при любых метаморфозах представлений о психике – из них может быть извлечен «общий корень» (радикал). Это и есть категории как формы мысли, невыводимые из других и несводимые к другим. Отношение категорий к другим умственным продуктам не следует истолковывать по типу отношения между общими и частными понятиями, каким оно выступает благодаря процедуре включения в класс, строясь по канонам формальной логики. В этом случае категории выступали бы только в качестве предельно общих разрядов знания, тогда как их предназначение – быть регулятивами науки как деятельности.

В категориях представлены рабочие принципы мысли, ее содержательные формы, организующие процесс исследования.

В сознании исследователя решаемая им проблема выступает в качестве

локальной, конкретной, непосредственно предметной, апостериорной, требующей эмпирического изучения. Он имеет дело с объектами, доступными экспериментальному воздействию и наблюдению. Из этой эмпирической «руды» он извлекает данные для решения активирующей его ум исследовательской задачи. Но ум способен действовать только потому, что вооружен категориальным аппаратом, который в отличие от решаемой специальной, частной проблемы не локален, а глобален, не апостериорен, а априорен. Он априорен не в кантовском смысле как изначально присущая интеллекту форма. О его априорности можно говорить лишь в том смысле, что для отдельных умов он выступает в качестве структуры, которая из их личного опыта неизвлекаема, хотя без нее этот опыт невозможен. Но, как мы уже знаем, за такой структурой стоит исторический опыт прежних поколений.

Категориальный аппарат психологии образует остов механизма «изготовления» психологических теорий и фактов. К его ядерным компонентам относится, например, образ (чувственный и умственный). В нем представлено познавательное отношение психики к внешнему источнику. Вместе с тем только благодаря образу возможна ориентировка организма в предметной среде и регуляция поведения в ней. Категория образа поэтому сопряжена с категорией действия (внешнего и внутреннего) как акта, совершаемого субъектом в целях приспособления к среде или преодоления ее влияний. Действие реализуется благодаря его энергетическому «запалу» и направленности на объект, в котором испытывается потребность. Изучение этой стороны психической жизни запечатлено в категории мотива (или мотивации).

Все эти категории (образ — действие — мотив) служат орудиями исследования жизнедеятельности не только человека, но и животных. При переходе к человеку они приобретают качественно новые признаки и становятся интегральными компонентами категориального аппарата, обогащенного такими категориями, как отношение (в нем представлена социальная «ткань» любых проявлений психической активности) и личность.

Каждая категория является центром мощного комплекса частнонаучных психологических понятий. Только в таком виде она и осмысливается конкретным исследователем. Категория образа, например, получила проекцию в таких терминах, как «ощущение», «идея», «представление», «перцепт», «информация» и т.д. Категория мотива скрыта за феноменами, которые выступают под такими именами, как «увлечение», «инстинкт», «волевой импульс», «аффект». С каждым из терминов соединяется как инвариантное (категориальное), так и вариативное (теоретическое) содержание.

Категория действия, например, претерпела сложный цикл преобразований. В теоретическом плане это получило отражение в таких понятиях, как интенциональный акт сознания (Брентано и функциональная психология), отношение «стимул — реакция» (бихевиоризм), условный рефлекс (И.П. Павлов), компонент сенсомоторных структур (Пиаже), инструментальный, семиотически

опосредованный акт (Л.С. Выготский). Не менее сложную цепь изменений претерпела категория образа (под ним понимались: элемент сознания, гештальт, способ обработки информационных процессов, динамическая модель внешнего источника).

Изменение категориального строя науки происходит закономерно, независимо от стиля мышления отдельных исследователей. Вместе с тем логика развития науки может породить отдельные школы и программы, центром которых становится разработка одного из блоков целостной системы категорий. Так, в начале XX века распад психологии на школы-направления был обусловлен именно этим обстоятельством. Принципиально новый поворот в трактовке психического образа определил развитие гештальт-теории, в трактовке психического действия – бихевиоризма, в трактовке мотивации – фрейдизма (психоанализа). Категория личности получила проекцию в широком спектре теорий (Штерн, Дильтей, Шпрангер и др.). Категория отношения выступила в различных вариантах в концепциях, обратившихся к психике с точки зрения ее представленности в процессах взаимодействия между людьми, в их коммуникативных актах (Жане, Лебон, Болдуин, Мид и др.).

Каждое из направлений обогащало категориальный аппарат психологии. И тем самым изменяло видение психической реальности сравнительно с тем, какой она понималась на прежних уровнях знаний. Вместе с тем каждое теоретическое направление смогло внести неведомые прежде штрихи в картину психической жизни только потому, что имело категориальную инфраструктуру, созданную прежними поколениями исследователей (то есть сменявшие друг друга от одного витка в истории познания к другому представления об образе, действии, мотиве, отношении, личности, под какими бы именами они в различные периоды ни запечатлелись).

Сойдя с исторической сцены, те школы и концепции, которые определяли ранее теоретический «пейзаж» психологии, оставили следы проделанного ими исследовательского труда в системе категорий. Тем самым были созданы предпосылки для поисков научной мыслью новых теоретических конструктов, вдыхающих жизнь в категориальное «древо». Его соками питаются новые ветки научного знания, в плодах которых испытывают нужду люди практики.

Категориальный аппарат, подобно строю языка, анонимен. Мы можем, скажем, перечислить – от Аристотеля до Винера – авторов теорий чувственного восприятия. Но к категории образа не может быть «припечатано» ни одного имени, сколь бы великим оно ни было.

Категориальный аппарат – развивающийся орган. В его общем развитии выделяются стадии, или периоды. Сменяя друг друга, они образуют своего рода категориальную шкалу. Поскольку шкала фиксирует инвариантное во всем многообразии теорий, она дает основание локализовать любую из них в независимой от этого многообразия системе координат. Если, например, в

качестве диагностического признака принимается принцип детерминизма, то, зная основные уровни его развития, мы относим конкретную концепцию к одному из этих уровней и тем самым выясняем ее продвинутость сравнительно с другими способами объяснения психических явлений.

Глава 12

КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА

Категория психического образа изначально выступала в качестве основы представлений о душе и сознании. Сознание – это прежде всего знание субъекта об окружающем мире и самом себе. Знание сообщает нечто о предмете, внешнем по отношению к тому, кто владеет этим знанием. Иначе говоря, за знанием скрыта никогда не разлучаемая связь субъекта с объектом. В этом воплощено отношение, на размышлении о котором сосредоточен один из разделов философии – гносеология (от греч. «гнозис» – познание, знание). Иногда она называется также эпистемологией (от греч. «эпистеме» – знание и «логос» – учение) или теорией познания. Это философское направление имеет дело с кругом проблем, касающихся условий достоверности и истинности знания, его структур и способов преобразований и т.д.

Психологическое исследование во все века, сообразуясь с этим гносеологическим (познавательным) отношением между субъектом и объектом, испытывало влияние различных философских подходов и решений. Но психология обращается к данной проблеме с собственными конкретно-научными запросами, вырабатывая категорию образа в качестве особой реалии бытия, стало быть, имеющей не только гносеологический, но и онтологический аспект. (Под онтологией философия понимает учение о сущем, о бытии).

Категория образа, созданная исследовательской мыслью, является формой и инструментом ее работы (как и другие категории). Но в ней представлена реальность, которая существует независимо от мысли о реальности и степени ее освоения человеческим умом. Это реальность психической жизни самой по себе, безотносительно к тому, открылась она уму или нет. Поэтому психический образ, будучи категорией науки, «работает» независимо от нее не в меньшей степени, чем любые другие процессы бытия, будь то нервные, биологические, физические. Его (психического образа) бытийность, его причинное воздействие на телесное поведение живых существ существуют объективно с тех пор, как психический образ возник в той оболочке планеты, которая называется биосферой.

В свое время Н.Н. Ланге ввел оставшийся незамеченным термин «психосфера», который охватывает всю совокупность психических форм жизни, не совпадающих с биологическим (живым) веществом, хотя и неотделимых от него. Отношение психосферы к биосфере вполне представимо по типу отношения самой биосферы к неорганическому, косному веществу. Это вещество составляло оболочку Земли до возникновения на ней жизни.

Появление жизни изменило прежнюю косную геохимическую оболочку

нашей планеты, создав биосферу. Но с тех пор как в недрах живого вещества начали пробиваться «вспышки» психической активности, они стали менять облик биосферы. По мнению некоторых палеонтологов, с появлением человека начинается новая геологическая эра, которую В.И. Вернадский согласился называть психозойской, считая мысль планетным явлением и началом становления ноосферы (см. выше).

Роль психики в преобразовании планеты, в создании ее новых оболочек – это, конечно, объективный процесс. Но для научного постижения его хода, закономерного воздействия психики на процессы планетного масштаба необходим аппарат понятий и категорий.

Этот аппарат осваивал на протяжении веков – этап за этапом – психическую реальность, отличая ее от физической и биологической. И поскольку самоочевидным аспектом этой реальности является знание об окружающем мире, данное в форме ощущений, восприятии, представлений, мыслей, то отчленение этого знания от самих вещей и от телесных органов, посредством которых оно дается человеку, было первым решающим шагом на пути его проникновения в психическую реальность.

Эффектом отчленения явилась категория образа, ставшая одной из инвариант исследовательского аппарата психологии. Чтобы зародилась такая инварианта, потребовалась работа многих умов во многих поколениях. Как и во всех других случаях, инвариантное не дано в форме «чистой» мысли. Оно сохраняется как некий «корень», или «радикал», во множестве теоретических представлений под разными именами, имеющими различные обертоны.

Уже отмечено, что образ как одна из психических реалий несводим ни к физическим, ни к физиологическим процессам. Но открытие этого обстоятельства стало возможным только благодаря соотнесению с ними.

Так обстояло дело в древности, таковым же оно остается и на всех последующих витках эволюции научной мысли, если только она не впадает в грех редукционизма, либо отождествляя психические образы с представленными в них объектами (махизм, неореализм), либо же сводя собственное уникальное бытие образов к нервным процессам, частотно-импульсному коду и т.д.

Рассмотрим этот вопрос в перспективе исторического развития психологического познания.

Сенсорное и умственное

Первые шаги определило разграничение двух существенно различных разрядов психических образов – сенсорного и умственного (чувственного и мыслимого).

Античная мысль выработала два принципа, лежащие и в основе современных представлений о природе чувственного образа, – принцип

причинного воздействия внешнего стимула на воспринимающий орган и принцип зависимости сенсорного эффекта от устройства этого органа. Поставив вопрос (решение которого и в наше время остается предметом дискуссий), каков характер отношений между физическим субъектом и физиологической основой его познания, Эмпедокл выдвинул формулу: *«Подобное познается подобным», «Землю землею мы зрим, а воду мы видим водою»*. Подобие доведено до тождества – одни и те же «физические» элементы и воздействуют на орган, и, входя в его состав, воспринимают это воздействие. Если смотреть на эмпедоклову схему как на изображение реальных отношений между внешним источником ощущений и ощущающим органом, как на рисунок, поясняющий описание механизма (вроде, скажем, иллюстраций в современном учебнике физиологии), то тогда, конечно, нарисованная им картина может быть отнесена к одному из плодов отличавшей его – по дошедшим легендам – буйной фантазии.

Но не только к древним представлениям мы не должны прилагать наши каноны и критерии. Мы не должны их прилагать и к свойствам мыслительной деятельности, порождавшей эти представления. Образная иллюстрация к логически расчлененному изложению становится возможной тогда, когда логическое и изобразительно-зрительное уже расщепились и могут соотноситься как самостоятельные ряды.

Выраженные же Эмпедоклом в образной форме положения о совпадении четырех элементов мира и основных элементов воспринимающего этот мир органа были не метафорой (поскольку метафора предполагает осознание различия между двумя планами – реальным и условным), а констатацией существа дела – идеи о том, что зависимость ощущений от органа чувств соотносится с другой, не менее важной зависимостью – соответствием ощущений основным «корням» природы.

Архаичным являлся облик, в котором выступила впервые идея соответствия, а не она сама. По поводу этой идеи ломались копья не в одном столетии. Дискуссии о ней продолжаются и в наши дни и будут вспыхивать в дальнейшем, поскольку с каждой новой эпохой изменяется понимание причин, в силу которых чувственно воспринимаемая картина мира, будучи продуктом нервно-психической организации, способна воспроизводить свойства и структуру этого мира.

Эмпедокл предполагал, что соответствие ощущений (чувственной формы) предмета ему самому обеспечивается сходством его вещественного материального состава с вещественным составом органа. Гносеологическое подобие основано на онтологическом – таков глубокий реальный смысл его кажущегося наивно-детским афоризма «воду мы видим водою».

Демокрит, развивая линию, намеченную Эмпедоклом, исходит из гипотезы об «истечениях», о возникновении ощущений в результате проникновения в органы чувств материальных частиц, испускаемых внешними телами. Но

Демокрита отделяло от Эмпедокла несколько десятилетий стремительного наращивания античной философией и наукой своего интеллектуального потенциала. Четыре «зримых» элемента, движимых, согласно Эмпедоклу, Любовью и Враждой, уступают место атомам, проносящимся по вечным и неизменным законам, – неделимым мельчайшим частицам, которым (в отличие от эмпедокловских «корней» – земли, воды, воздуха, огня) уже совершенно чужды такие качества, как цвет и тепло, вкус и запах. *«(Лишь) в общем мнении, учил Демокрит, – существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же (существуют только) атомы и пустота»*. Какая сила ума требовалась, чтоб за бесконечным многообразием чувственных явлений увидеть их существенную материально-причинную основу!

Расчленяя в общем составе человеческого знания то, что представляет реальность, и то, что существует только «во мнении» (и тем самым положив начало доктрине о двух категориях качеств – первичных, присущих самим вещам, и вторичных, возникающих при действии вещей на органы чувств), Демокрит вовсе не считал, будто качествам, существующим «во мнении», ничто не соответствует в действительности. За их различием стоят различия в объективных свойствах атомов.

Первичные и вторичные качества

Разделение качеств вещей на первичные и вторичные показывает, сколь тугим узлом связаны между собой с древнейших времен онтологические (относящиеся к бытию), гносеологические (относящиеся к познанию) и психологические (относящиеся к механизмам познания и их продуктам) решения.

Из физической картины мира устранялись определенные чувственные качества, и тогда неизбежно изменялся их онтологический статус. Они признавались теперь присущими не сфере реальных предметов, но сфере взаимодействия этих предметов с органами ощущений. Тем самым расчленялась и гносеологическая ценность различных разрядов знания – умственный образ ставился выше чувственного.

В психологическом плане этому соответствовало разграничение двух механизмов (или органов) приобретения знания – органов чувств и органа мышления.

Следует обратить внимание на то, что демокритово решение психологической проблемы не исчерпывается членением чувственных качеств на первичные и вторичные.

Среди самих чувственных продуктов он выделяет две категории: а) цвета, звуки, запахи, которые, возникая под воздействием определенных свойств мира атомов, ничего в нем не копируют, и б) целостные образы вещей («эйдола»), в

отличие от цветов воспроизводящие структуру объектов, от которых они отделяются. Эти «эйдола» — тонкие оболочки, или «пленки», проникающие в организм через чувственные поры. *«Никому не приходит ни одно ощущение или мысль без попадающего в него образа»,* – гласит один из фрагментов Демокрита. Образы, о которых идет речь, с одной стороны, возникают по такому же типу, как ощущения, с другой – подобно мышлению, относятся к области достоверного знания, а не «мнения».

Если учение Демокрита об ощущениях как эффектах атомных воздействий было первой причинной концепцией возникновения отдельных сенсорных качеств, то его представление об оболочках («эйдола»), непрерывно отделяющихся от вещей и тем самым «заносящих» в органы чувств структурные подобия этих вещей, было первой причинной концепцией восприятия как целостного чувственного образа. Эта концепция пользовалась большой популярностью у естествоиспытателей вплоть до начала XIX века, когда успехи физиологии (разработка принципа специфичности сенсорных нервов) потребовали по-другому объяснить механизм «уподобления» органов чувств параметрам внешнего объекта.

Если рассмотренные теории ощущений исходили из принципа «подобное познается подобным», то другая группа отвергла этот постулат, считая, что сладкое, горькое и другие чувственные свойства вещей нельзя познать с помощью их самих. Всякое ощущение сопряжено со страданием, учил Анаксагор. Сам по себе контакт внешнего объекта с органом недостаточен, чтобы возникло чувственное впечатление. Нужно противодействие органа, наличие в нем контрастных элементов. *«Мы видим,* – утверждал Анаксагор, – *благодаря отражению предметов в зрачке, причем отражение падает не на одноцветое, а на противоположное по цвету»*.

Образ как подобие объекта

Аристотель разрешил антиномию подобного – противоположного, над которой бились предшествующие мыслители, с новых общебиологических позиций. Уже у истоков жизни, где течение неорганических процессов начинает подчиняться законам живого, сперва противоположное действует на противоположное (например, пока пища не переварена), но затем (когда пища переварена) «подобное питается подобным». Этот общебиологический принцип Аристотель распространяет на ощущающую способность, которая трактуется как уподобление органа чувств внешнему объекту. Ощущающая способность воспринимает форму предмета. «Ощущение есть то, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых (предметов) без (их) материи, подобно тому как воск принимает оттиск печати без железа и без золота». Предмет ощущения лежит вне его, и весь смысл сенсорной функции состоит в «ассимиляции» этого

предмета, в приобщении к нему. «Но ведь камень в душе не находится, а (только) форма его».

Первичен предмет, вторично его ощущение, сравниваемое Аристотелем с оттиском, отпечатком, «факсимиле», оставленным внешним источником. Но этот отпечаток возникает только благодаря деятельности «сенсорной («животной») души». Деятельность, агентом которой является организм, превращает физическое воздействие в чувственный образ.

В предшествующих рациональных объяснениях ощущений и восприятии проникновение в орган «истечении», «оболочек» или других материальных процессов считалось достаточным условием возникновения сенсорного эффекта. Аристотель признал это условие необходимым, но недостаточным. Помимо него непременным фактором является процесс, исходящий не от вещи, а от организма. Тем самым был совершен капитальной важности шаг. Если прежде в фокусе внимания было ощущение – образ, то теперь к нему присоединилось ощущение – действие. Первое исходит от внешнего предмета, второе – от действующего организма. Чтобы возникло ощущение, нужен синтез обоих моментов. То, что в дальнейшем превратилось в расчлененные, разветвленные и сложные по строению категории образа и действия, выступает у Аристотеля как целостная характеристика психического, начиная от элементарного сенсорного акта.

Аристотель преодолевает ограниченность схемы Демокрита с материалистических позиций. Он ищет реальное основание для представляемых «вторичных» образов вещей внутри организма. Впервые продукты познавательной деятельности осознавались как такие феномены, которые, передавая знание о внешнем, в то же время производятся самим субъектом, интерпретированным как деятельность индивидуального одушевленного тела, а не бесплотной, противостоящей телу души.

Область представлений (по аристотелевской терминологии «фантазии») была открыта как объект научного исследования Аристотелем. Если до него в познавательном процессе различались две формы – ощущение и мышление, то Аристотель показал, что этими формами не исчерпывается работа познавательного механизма, в котором важная роль принадлежит связывающему их звену – представлениям.

Образ и ассоциация

Аристотель не только выделил представление объектов как специфический план познавательной активности (особый, чувственный образ). Он разработал гипотезу о том, что представления соединяются по определенным правилам, названным через много веков законами ассоциации (связи представлений по смежности, сходству и контрасту). Тем самым он стал зачинателем одной из самых могучих психологических теорий – ассоциативной. Нельзя забывать о

важном нововведении, связанном с зарождением понятия об ассоциации. Самоочевидные факты возникновения образов без видимого внешнего воздействия (например, при воспоминании) внушали мысль об их самопроизвольном зарождении.

Разработка представления об ассоциации позволяла выводить эти казавшиеся спонтанными образы из тех же материальных причин, которыми объяснялись ощущения и другие процессы, зависящие от прямого контакта организма с вещами. На этой основе явления репродукции, воспроизведения, воспоминания, приобретшие у Платона мистический смысл, получали естественнонаучное объяснение.

С появлением в теории познавательных форм нового их разряда, охватываемого общим понятием «фантазия» (в современном понимании к нему относится вся область представлений – не только представлений воображения, но и памяти), существенно расширялись возможности анализа психических процессов и взаимодействий между ними, изучения диалектики перехода от ощущения к мысли.

Касаясь соотношения между воображением (фантазией) и мышлением, Аристотель отмечает, что без воображения невозможно никакое составление суждения и вместе с тем ясно, что воображение не есть ни мысль, ни составление суждения. Воображение – материал мысли, а не она сама. Почему? Как совместить это отрицание того, что воображение входит в состав «разумной души», с категорическим выводом о том, что душа никогда не мыслит без образов?

Прежде всего обращает на себя внимание трактовка воображения как такого состояния, которое зависит от нас самих, когда мы хотим его вызвать. Стало быть, воображение субъективно и произвольно. Оно связано с реальностью по своему происхождению от вещей (через ощущения), но для сопоставления его с самими вещами нужна дополнительная умственная деятельность.

Какими средствами располагал Аристотель для изображения и анализа этой деятельности?

Осмысливая в общих категориях потенциального и осуществленного специфически человеческий уровень душевной активности, Аристотель разграничивает разум страдательный, испытывающий действие умопостигаемых предметов, и разум деятельный, уподобляющийся им. Мыслительная работа, таким образом, определялась по своей объектной сфере. Но в этом пункте детерминистские возможности аристотелевской концепции исчерпывались. Если при уподоблении ощущающего органа ощущаемому объекту последний не терял независимого бытия (ведь не отождествлялись же камень и его отпечаток), то непременным условием уподобления мысли своему предмету становилась их идентификация. За пределами взаимодействия одушевленного тела с внешним миром ум обретал собственные надприродные объекты – вечные категории и

истины, постигаемые в деятельном состоянии («деятельным разумом»).

Иерархия форм познавательной деятельности завершалась «верховным разумом», который мыслит самое божественное и самое ценное и не подвергается изменению. Это чистая форма и вместе с тем цель всеобщего развития. Так возник догмат о «божественном разуме», извне входящем в психофизиологическую организацию человека. Этот догмат сложился на почве определенных идейно-гносеологических обстоятельств, среди которых одно из самых важных – невозможность объяснить возникновение абстрактных понятий и категорий теми же естественнонаучными принципами, опираясь на которые, удалось раскрыть детерминацию чувственных восприятии и представлений.

Проблема построения образа

В арабоязычной науке новый подход к психогностической проблеме, к вопросу о соотношении сенсорного и интеллектуального в познании внешних предметов принадлежал Ибн аль-Хайсаму. Изучая законы отражения и преломления света, он, как мы помним, подошел к органу зрения как к оптическому прибору.

В античных представлениях о зрительной функции можно выделить две основные концепции. Зрительные ощущения и восприятия объяснялись либо «истечениями» от предметов, либо «истечениями» из глаза. Имелись и компромиссные теории, предполагавшие, что в зрительном акте сочетаются оба вида «истечений». Мнение о том, что для зрительного восприятия необходимо распространение из глаза по направлению к предмету некоторого вещественного начала (огня, пневмы), сложилось в силу невозможности понять, исходя из одного только воздействия извне, каким образом глаз постигает не результат этого воздействия, а его источник – внешний предмет.

Ибн аль-Хайсам преодолел эти трудности тем, что за основу зрительного восприятия принял построение в глазу по законам оптики образа внешнего объекта. То, что в дальнейшем стали называть проекцией этого образа, т. е. его отнесенностью к внешнему объекту, Ибн аль-Хайсам считал результатом дополнительной умственной деятельности более высокого порядка.

В каждом зрительном акте он различал, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой – присоединяющуюся к этому эффекту работу ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов. *«Способность (зрительного) различения,* – писал он, – *порождается суждением».* Ибн аль-Хайсам полагал, что такая переработка происходит бессознательно. Он явился, тем самым, отдаленным предшественником учения об участии «бессознательных умозаключений» (к которым в дальнейшем обратился Гельмгольц) в процессе непосредственного зрительного восприятия. Тем самым разделялись непосредственный эффект

воздействия световых лучей на глаз и дополнительные психические процессы, благодаря которым возникает зрительное восприятие формы предмета, его объема и т.д.

В средневековой Европе, воспринявшей и переработавшей в соответствии с царившей в ней идеологической атмосферой наследие как античного, так и арабоязычного мира, философская мысль выработала два понятия, глубоко отразившихся на категориальном аппарате психологического познания. Это понятия об интенции – в томистской философии (учение Фомы Аквинского) – и о знаке – в философии номинализма (крупнейший представитель этого направления – Вильям Оккам).

Интенция как актуализация образа

Выхолостив из сильного своей связью с эмпирией аристотелевского учения его позитивное содержание, Фома вместе с тем отобрал один из его принципов, получивший своеобразное истолкование в понятии об интенции. У Аристотеля, как мы отмечали, актуализация способности (деятельность) предполагает соответствующий ей объект. В случае растительной души этим объектом является усваиваемое вещество, в случае животной души — ощущение (как форма объекта, воздействующего на орган чувств), разумной — понятие (как интеллектуальная форма). Это аристотелевское положение и преобразуется Фомой в учение об интенциональных (направленных) актах души. В интенции как внутреннем, умственном действии всегда «сосуществует» содержание – предмет, на который она направлена. (Под предметом понимается чувственный или умственный образ.)

В понятии об интенции имелся рациональный, хотя и превратно истолкованный момент. Сознание – не «сцена» или «пространство», наполняемое «элементами». Оно активно и изначально предметно.

Ни активность, ни предметность не получили причинного объяснения в домарксистской философии. Вместе с тем сама проблема причинного объяснения могла возникнуть лишь после того, как эти признаки были выделены. Сами по себе они не являлись фикцией. Поэтому понятие об интенции не исчезло вместе с томизмом, но перешло в новую эмпирическую психологию, сыграв существенную роль в становлении функционального направления, выступившего против вундтовской школы.

Главным противником томистской концепции души выступил номинализм. Обычно позиция сторонников этого направления определяется в связи с популярными в схоластике диспутами о природе общих – родовых и видовых – понятий (универсалий).

Понятия как имена

Номинализм отвергал восходящее к Платону учение реализма, согласно которому универсалии (общие понятия любого порядка) суть реалии, существующие независимо от индивидуальных явлений и до них. Наряду с множеством конкретных шарообразных, конусообразных и т.п. вещей, доказывали реалисты, имеются общие понятия шара или конуса как архетипы, обладающие тем же онтологическим статусом, что и сами конкретные вещи. Отвергая этот взгляд, номиналисты отказывали общим понятиям в независимом от индивидуальных явлений бытии. Эти понятия, учили они, относятся к области названий, имен (лат. nominalis; отсюда и термин «номинализм»), а не реалий.

В условиях средневековья номинализм явился *«первым выражением материализма»*[21].

Понятие об ощущении (восприятии) издавна имело своей предпосылкой убеждение в том, что возникающий в сознании чувственный образ представляет достоверное воспроизведение качеств самих вещей. Предполагалось, что переживаемые цвета, запахи, звуки совпадают с реальными. Этот взгляд первоначально был свойствен как материалистам, так и идеалистам, хотя они и расходились радикально в трактовке источника такого совпадения. Мы уже отмечали, что поздние номиналисты требовали заменить отношение образа отношением знака, и это было в свое время прогрессивным стремлением, ибо объективные материальные основания образа действительно не совпадают с тем, что дано сознанию непосредственно, а действие вещи на орган чувств отнюдь не сводится к простой передаче свойств этой вещи мозгу. Здесь вступают в игру несравненно более сложные отношения и механизмы, лежащие за пределами того, что дано чувственному созерцанию как таковому.

Как только началось очищение картины природы от субъективизма, от отождествления реальности самой по себе с ее субъективным образом, немедленно возникла проблема корреляции между действительностью, какой ее изображает геометризованная механика, не знающая никаких чувственных качеств, и образами, порождаемыми органами чувств.

Проблема образа в механической картине мира

Эпоха научной революции XVII столетия утвердила великую мысль об единстве природы. Но это единство утверждалось ценой ее сведения к пространственному перемещению качественно однородных частиц. Реальными в телах признавались только их пространственная форма, величина, перемещение. Лишь эти свойства считались имеющими причинное значение, тогда как все

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф Соч. Изд. 2-е. Т. 2., с. 142.*

другие относились к разряду «вторичных» качеств – чисто субъективных продуктов, основанием которых служат не вещи сами по себе, а результаты их воздействия на нервную систему. Тем самым качественная определенность внешнего реального мира оказывалась иллюзией, созданной органами чувств.

Книга природы, как учил Галилей, написана геометрическими фигурами – квадратами, треугольниками. Представление о «вторичных» качествах имело прямое отношение не только к теории познания, но и к учению о причинной обусловленности жизнедеятельности. Химерические вторичные качества как остаточный продукт работы телесной машины не могли претендовать на роль реальных детерминант поведения. Коэффициент их полезного действия в поведении оказывался нулевым. Поскольку же эти качества – первые элементы знания, данные в форме чувственных образов, то телесное поведение и эти образы превращались в два независимых ряда уже у истоков взаимосвязи организма с природой.

Им противопоставлялись другие образы – умственные, которые в духе рационализма XVII века выступали в виде идей (согласно Декарту, «мыслей»), ясное и отчетливое созерцание которых дает истинное знание природы.

Различение первичных и вторичных качеств, принятое Галилеем, Декартом и другими, приобрело в Европе большую популярность благодаря локковскому «Опыту», где оно описывалось следующим образом: первичные качества (плотность, протяженность, форма, движение) – это такие, которые совершенно не отделимы ни от какой частицы материи, вторичные же (цвет, звук, вкус) на деле не находятся в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения своими первичными качествами.

Трактовка большой группы воспринимаемых качеств как вторичных имела своей предпосылкой механистический взгляд на взаимодействие вещей с органами чувств. В конечном эффекте взаимодействия не остается ничего от особенностей источника.

Преодолевая механистический взгляд на взаимодействие, полагая, что в каждой монаде (духовной сущности) воспроизводится с различной степенью отчетливости и адекватности жизнь всей Вселенной, Лейбниц стремился найти иное, чем господствовавшее не только в его век, но и позднее, решение проблемы первичных и вторичных качеств. И опять-таки отправным пунктом для него служила физико-математическая интерпретация психической деятельности.

Лейбниц отказывался признать, что вторичные качества *«произвольны и не имеют отношения к своим причинам или естественной связи с ними... Я скорее сказал бы, что здесь имеется известное сходство не полное и, так сказать, in terminis, а в выражении (expressive) или в отношении порядка – вроде сходства между эллипсом и даже параболой или гиперболой с кругом, проекцией которого на плоскости они являются, так как есть некоторое естественное и точное отношение между проецируемой фигурой и ее проекцией, поскольку каждая*

точка одной соответствует определенному отношению каждой точки другой»[22].

Стало быть, согласно Лейбницу, отрицание объективности чувственных качеств вовсе не является единственной альтернативой схоластической теории «специй». Здесь возможны и другие решения, в частности применение принципа взаимно-однозначного соответствия (изоморфизма). Лейбниц, насколько нам известно, впервые использовал в психологическом объяснении идею изоморфизма, открывшую перед современной психологией новые перспективы детерминистического анализа.

Влияние физиологии

До XIX века изучение сенсорных явлений, среди которых ведущее место занимала зрительная перцепция, велось преимущественно математиками и физиками, установившими, исходя из законов оптики, ряд физических показателей в деятельности глаза и открывшими некоторые важные для будущей физиологии зрительных ощущений и восприятии феномены (аккомодацию, смешение цветов и др.).

В первые десятилетия XIX века начинается интенсивное изучение функций глаза как физиологической системы.

Это было крупное достижение естественнонаучной мысли. Предметом опытного изучения и эксперимента стал один из наиболее сложных органов живого тела. Вместе с тем в силу особой природы этого органа как устройства, дающего сенсорные (познавательные) продукты, необходимо должны были возникнуть коллизии, связанные с ограниченностью прежних объяснительных понятий.

Как продукт длительного эволюционного развития, органическое тело с его рецепторными аппаратами закрепило в своем устройстве особую живую историю способов общения с окружающим миром. Поэтому, скажем, аналогия между глазом и камерой-обскурой, будучи в определенном отношении плодотворной объяснительной моделью, обеспечившей первые крупные успехи в области детерминистического познания механизма зрения, в то же время помогла раскрыть только один аспект этого механизма, оставив во мраке другие его аспекты, выражающие то, что отличает процесс зрительного чувственного отражения от отражения в оптических приборах. И не удивительно, что для наиболее значительных в 20-х годах прошлого века работ по физиологическому исследованию зрительной чувствительности, принадлежавших Я. Пуркинье и И. Мюллеру, характерно обостренное внимание к так называемым субъективным зрительным феноменам, многие из которых давно были известны под именем

---

[22] *Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме, с. 117*

«обманов зрения», «случайных цветов» и т.д.

Для тех, кто хотел понять зрение как жизненный акт, особый интерес представляли моменты, не выводимые из физических закономерностей. Оптика бессильна разъяснить происхождение указанных феноменов. Но и к умозрительной психологии обращаться за их естественнонаучным объяснением было бесполезно.

Пуркинье, обсуждая вопрос, какой науке изучать чисто субъективные зрительные явления – психологии или физиологии, считал, что ими могла бы заняться эмпирическая психология, если бы для этого не требовалось более близкого определения материальных и динамических отношений внутри индивидуального организма. Он поэтому и предлагал отнести эти явления к описательному учению о природе. Мюллер также указывал на необходимость подвергнуть иллюзии физиологическому анализу и искать их причину в условиях функционирования органа чувств.

Различие в исходных мировоззренческих позициях направило, однако, Мюллера и Пуркинье по разным путям.

Физиологического объяснения иллюзий Мюллер добивается ценой отрицания различий между ощущениями, правильно отражающими внешний мир, и чисто субъективными сенсорными продуктами. И одни, и другие он трактует как результат актуализации заложенной в органе чувств «специфической энергии». Реальность тем самым превращалась в мираж, созданный нервно-психической организацией. Он называет зрительные фантомы «основными зрительными истинами», считая, что физиологу важно сосредоточиться только на одной зависимости – зависимости субъективного факта от физиологического субстрата безотносительно к тому, с чем коррелирует этот факт во внешнем мире.

Если чувственное качество имманентно присуще органу, то сама проблема отграничения ощущений, адекватных предмету, от неадекватных (иллюзорных) оказывается иллюзорной. Ведь она имеет смысл, пока признается, что между ощущениями и определенными реальными признаками вещей существует отношение подобия. По Мюллеру же, у ощущений нет другого коррелята, кроме свойства нервной ткани, при актуализации которого специфические особенности внешнего воздействия не имеют значения.

У нас не может возникнуть посредством внешнего влияния ни один модус ощущений, который не мог бы проявиться и без него, утверждал Мюллер. Он не отрицал, что причиной ощущений является воздействие извне на соответствующий телесный орган, но он отрицал, что полученная в результате информация воспроизводит по своему качеству что-либо иное, кроме свойств нервной ткани.

Придав представлению о «специфической энергии» смысл универсального закона, Мюллер стал зачинателем направления, которое впоследствии Л. Фейербах назвал физиологическим идеализмом.

В предшествующую эпоху определяющую роль в физиологии играло

материалистическое воззрение на ход жизненных и психических процессов. Нервная деятельность мыслилась по образцу механического движения (как мы помним, ее носителем считались мельчайшие тельца, обозначавшиеся терминами «животные духи», «нервные флюиды» и т.д.). По механическому же образцу мыслилась и познавательная деятельность. Обе схемы разрушались развитием естествознания, в недрах которого зарождались новые представления о свойствах нервной системы (концепция «нервной силы») и о характере ее участия в процессе познания. Окончательно было сокрушено представление о том, что процесс чувственного познания состоит в передаче по нервам нетелесных копий объекта. Прежнее мнение о вещественном составе этих копий давно уже пало. Но неотвратимая потребность понять, каким путем в образе может быть воспроизведен объект, вынуждала думать о нетелесных копиях.

Подчеркнем в данной связи, что необходимо различать гносеологический и конкретно-научный подход к образу. Первый касается трактовки его сущности в плане отношения субъекта к объекту, оценки познаваемого с точки зрения достоверности чувственного знания. Второй касается конкретного психофизиологического механизма, посредством которого это знание приобретается.

Древняя концепция образов (по которой были нанесены сокрушительные удары сперва номиналистами, а затем в XVII веке причинной теорией ощущений), верная по своей гносеологической направленности, была заблуждением с точки зрения естественнонаучной. Ложные выводы происходили от смешения двух аспектов. Отбросив ошибочные воззрения на механизм построения чувственного образа, естествоиспытатели отбросили вместе с ними и единственно верную гносеологию, ради которой из-за ограниченности конкретно-научных знаний предшествующие мыслители, начиная от Демокрита, вынуждены были придерживаться идеи о перемещении образа по воспринимающим нервам в мозговой центр.

В период ломки прежних объяснительных принципов зародился «физиологический идеализм». Концепцию «нервной силы» Мюллер преобразует в учение о «пяти специфических энергиях органов чувств», а из специфического характера функционирования нервной ткани делает ложные гносеологические выводы, отрицавшие отражательную природу образа.

Под влиянием Канта Мюллер и его школа защищали мнение о прирожденности чувственного образа пространства. (Эта концепция была названа нативизмом.) Однако прогресс психофизиологии имел другой вектор. Ссылка на прирожденность снимала с повестки дня вопрос о формировании сенсорного образа под влиянием опыта, то есть контактов организма с внешней средой, представленной в этом образе.

(Нативизму были противопоставлены эмпиризм как учение о возникновении ощущений из опыта контактов чувствующих нервных «приборов» с воздействующими на них внешними стимулами, и генетизм, видящий в образе

продукт развития.)

Следует иметь в виду, что переход от физико-математического анализа зрительной рецепции к психофизиологическому столкнулся с проблемами, потребовавшими новых объяснительных принципов.

Уже простейший факт различия между сетчаточным и видимым образом предмета говорил, что наряду с оптическими закономерностями должны быть какие-то другие причины, в силу которых перевернутый под действием этих закономерностей образ на сетчатке все же дает возможность воспринять действительную позицию предмета. Не находя объяснений в категориях физики, исследователи деятельности глаза полагали, что вмешательство сознания производит операцию «переворачивания» образа, возвращая его в положение, соответствующее реальным пространственным отношениям. Иначе говоря, на сцене вновь появлялся загадочный психологический «гомункулюс» — причинное объяснение подменялось указанием на неопределенные психологические факторы.

Белл поставил на место последних деятельность глазных мышц. Он приходит к выводу, что видение – это операция, в которой представление («идея») о положении объекта соотносится с мышечными реакциями.

Опираясь на клинические факты, Белл настаивал на существенном вкладе мышечной работы в построение сенсорного образа. В различных модальностях ощущений, прежде всего кожных и зрительных, мышечная чувствительность (и, стало быть, двигательная активность) является, согласно Беллу, непременным участником приобретения сенсорной информации. В дальнейшем Белл выдвигает положение о том, что и слуховые восприятия тесно связаны с упражнением соответствующих мышц.

Белл выступил против установки на то, чтобы искать основу ощущений исключительно в микроанатомической структуре рецептора. В докладе «О необходимости чувства мышечного действия для полного использования органов чувств» он настаивал на том, что способность ощущений зависит не только от количества нервных окончаний. По Беллу, эта способность является результатом соединения чувствительности и движения.

Исследование органов чувств побуждало рассматривать сенсорные образы (ощущение, восприятие) как производное не только рецептора, но и эффектора.

Образ и действие

Психический образ и психическое действие сомкнулись в целостный продукт. Предметность образа и активность его построения объяснялись не интенцией сознания (как у Брентано), а реальным взаимодействием организма с объектами внешнего мира.

Такой вывод получил прочное экспериментальное обоснование в работах

Гельмгольца и его последователя на этом пути Сеченова. Гельмгольц сделал принципиально важный шаг к новому объяснению образа, предложив гипотезу, согласно которой работа зрительной системы при построении пространственного образа происходит по аналогу логической схемы.

Будучи поклонником «Логики» Джона Стюарта Милля, Гельмгольц назвал эту схему «бессознательным умозаключением». Бегающий по предметам глаз, сравнивающий их, анализирующий и т.д., производит операции, в принципе сходные с тем, что делает мысль, следуя формуле: «если..., то...». Из этого следовало, что построение умственного (не имеющего чувственной ткани) образа происходит по типу действий, которым организм первоначально обучается в школе прямых контактов с окружающими предметами.

Прежде чем стать абстрактными актами сознания, эти действия испытываются в сенсомоторном опыте, причем не осознаваемом субъектом. Иначе говоря, осознавать внешний мир в форме образов субъект способен только потому, что не осознает своей интеллектуальной работы, скрытой за видимой картиной мира.

Сеченов доказал рефлекторный характер этой работы. Чувственно-двигательную активность глаза он представил как модель «согласования движения с чувствованием» в поведении целостного организма.

В двигательном аппарате, взамен привычного взгляда на него как на сокращение мышц и ничего более, он увидел особое психическое действие, которое направляется чувствованием, то есть психическим образом среды, к которой оно прилаживается. Тем самым был обнажен могучий пласт объективно данной работающему организму психической реальности, служащий фундаментом процессов и феноменов сознания, какими они явлены способному к самонаблюдению субъекту.

Интроспективная трактовка образа

Между тем исторически назревшая потребность отграничить предмет психологии от предметов других дисциплин получила отражение в тех научных программах, которые приняли за ее уникальную область феномены или акты сознания, какими они открыты только субъекту, способному их созерцать, а также представить о них свой самоотчет. На этой предпосылке базировалась новая дисциплина.

Расщепить «материю» сознания на «атомы» в виде простейших психических образов, из которых она строится, – таков был исходный план Вундта, автора первой версии экспериментальной психологии. Брентано отверг схему и план Вундта, сохранив верность постулату о том, что у психологии нет никакой иной области исследования, кроме сознания. Но последнее состоит из внутренних актов субъекта, одним из которых является сосуществующий в этом акте предмет. Не

восприятие, а воспринимание, не представление, а представливание – вот что должно занимать психологию во внутреннем опыте. Иначе говоря – акты сознания, его действия или функции, а не элементы.

В этой концепции своеобразно преломилось уже состоявшееся в психофизиологии открытие сопряженности образа с действием, притом также и умственным действием (ср. концепцию «бессознательных умозаключений» Гельмгольца, соединенную Сеченовым со взглядом на мышцу как орган предметного мышления). Но психофизиологи объясняли эту сопряженность сенсомоторным механизмом, скрытым от сознания. Брентано же и его многочисленные последователи утвердили ее в пределах сознания, впрочем отличая свое понимание сознания от «непосредственного опыта» в том толковании, которое придала ему вундтовская школа.

Структурной интерпретации психического образа была противопоставлена функциональная. Но истинная функция образа обнажается не иначе как при обращении к реальному предметному действию, которое строится исходя из диктуемого психическим образом «диагноза» о состоянии внешней среды. В теории же Брентано вся психическая активность замыкалась в кругу внутреннего мира субъекта.

Вместе с тем, отвергая вундтовскую версию о структуре сознания как чувственной ткани, нити которой призван расщепить эксперимент, Брентано считал необходимым подвергнуть опытному изучению, вслед за сенсорикой, процессы мышления.

Как уже говорилось, первым наметил такую перспективу ближайший ученик Вундта О. Кюльпе. По его плану группа молодых психологов из Вюрцбургского университета, сплоченная новой исследовательской программой, занялась экспериментальным анализом того, как субъект выполняет задания, требующие работы мысли. Методика исследования включала изощренное самонаблюдение (интроспекцию), призванное проследить шаг за шагом, что же происходит в сознании в процессе решения. Оказалось, что чувственная ткань (образы) не играет сколько-нибудь значимой роли. Испытуемые фиксировали некие состояния, которые можно было просто назвать мыслями как таковыми, лишенными сенсорной «примеси».

К сходным выводам и независимо от «кюльповцев» пришли другие психологи — француз А. Вине, американец Р. Вудвортс.

Свободные от сенсорных компонентов мысли напоминали сверхчувственные идеи Платона. Сознание, в котором самая изощренная и натренированная интроспекция была, бессильна узреть нечто чувственно «осязаемое», становилось призрачной «материей». Действительный смысл этих исканий запечатлело их столкновение с особой психической реальностью, а именно – умственным образом предмета. Конечно, не единичного.

Следует в этой связи подчеркнуть, что во всех случаях, когда говорится об

образе, необходимо соединять этот термин с картиной предметного мира, из которой отдельный штрих (в виде изолированного объекта) может быть выделен только в целях научно ориентированной абстракции. (Например, в условиях лабораторного эксперимента.)

Целостность образа

Умственные образы издавна обозначались непсихологическими терминами – такими, как понятие (в логике), значение слова (в филологии) и т.д. В качестве компонента психической реальности они стали выделяться благодаря тому, что в системе психологического мышления утвердился вывод об их несводимости к чувственным образам, об их особой представленности в сознании, их неидентичности тому, как осознается его – сознания – сенсорная ткань. Тем не менее умственные образы являются важнейшим компонентом всего строя психической жизни и, тем самым, системы научно-психологического знания, а не только логической или филологической системы. Что же касается их особого, несводимого к другим представительства в этом строе, то именно оно определило их роль в дальнейшем развитии психологической категории образа. На сей раз – умственного образа, который совместно с чувственным создает один из целостных блоков категориального аппарата психологической науки.

Важный вклад в его разработку внесла гештальт-теория. Она формировалась в противовес обоим направлениям психологии сознания – как структурализму, так и функционализму. Структурализм ориентировался, следуя стратегии физики или химии, на поиск элементов – «атомов» психики, функционализм – на изучение функций, подобных биологическим.

Образ мысли гештальтистов складывается под впечатлением новых направлений за пределами психологии. Не идеалы механики и не эволюционная биология, а революционные события в физике вдохновили их на изобретение своего плана реформы психологии. Открытие рентгеновских лучей и радиоактивности, открытие Планком (у которого учился один из лидеров гештальтизма В. Келер) кванта действия, теория относительности и нараставший удельный вес категории физического поля повлияли на умы группы психологов, девизом которых стал термин «гештальт» (особая организованная целостность). Его прообразом служило физическое понятие о поле.

Смысл любой теоретической конструкции выявляет не только то, что она утверждает, но и то, что она отвергает. Гештальтизм отверг «атомизм» структурной школы, ее версию о первоэлементах сознания. Функционализм же был отвергнут гештальт-теорией по причине трактовки им психических функций как действий или процессов, совершаемых *Я* ради заранее поставленной цели. Вместе с тем, отвергнув теории сознания, гештальтизм выступил также против бихевиористской теории поведения, которая требовала изгнать из психологии

само понятие о сознании как загадочном агенте, изнутри правящем телесными реакциями организма.

Просчеты этих направлений были предопределены тем категориальным аппаратом, посредством которого они «высвечивали» психическую реальность, и, прежде всего, слабостью категории образа. У структуралистов она сводилась к элементам, для воссоединения которых они апеллировали либо к ассоциациям, либо к загадочной внутренней силе – апперцепции. У функционалистов ощущения, восприятия, представления объяснялись не столько причинными факторами (в виде внешних влияний на органы чувств), сколько целями, заданными сознанием субъекта. Это придавало функционалистским концепциям телеологический характер. Но разве научное знание вправе приписывать объективным процессам (например, излучению) направленность на цель?

Что же касается бихевиоризма, то он под гипнозом древней версии о сознании перечеркнул не только эти версии, но само понятие о сознании как регуляторе поведения.

В понятии гештальта светила перспектива вывести психологическую науку на новый путь. Гештальт – это целостность, которая определяет происходящее с ее компонентами. Первичны целостные восприятия, а не отдельные ощущения, свойства которых этими целостностями и определяются.

Гештальт изменяется по собственным, имманентным ему законам, не нуждаясь в направляющей его извне цели. Гештальт организует поведение организма, которое без него оборачивается серией слепых реакций, случайных проб и ошибок. Во всех случаях за термином «гештальт» стояла категория психического образа. В ее обогащений – главная историческая миссия, достойно исполненная гештальтизмом.

Стремясь покончить с довлевшей над психологией верой в то, что ее суверенность можно отстоять только в противовес более «твердым» наукам (физике, химии, биологии), гештальтисты придали глобальный характер воплощенному в гештальте принципу системной организации. «Гештальтированы» все объекты. Субстрат психики — система мозга в такой же степени, как и коррелирующая с ней система сознания. Отношение же между веществом мозга и психическим миром следует мыслить не по типу механического взаимодействия между ними, но по типу изоморфизма (соответствия одной структуры другой подобно тому, как топографическая карта соответствует в основных элементах отображенной на ней местности).

Не порождаясь материальными структурами, а лишь соответствуя им, психические образы выступали как причина самих себя. Гештальтизм изменял стиль психологического мышления, утверждал в нем системную ориентацию, что позволило существенно обогатить эмпирическую основу представлений о сознании и его образном строе. Особым ответвлением этой научной школы стали работы К. Левина и его учеников, центрированные на проблеме мотивации

поведения, о чем будет сказано дальше в связи с развитием категории мотива.

Резонанс гештальтистских идей зазвучал в других исследовательских направлениях, в частности в необихевиоризме Толмена, предложившего считать регулятором поведения крыс в лабиринте «когнитивную карту», что внесло в классический бихевиоризм категорию психического образа.

Возможно, что введение И.П. Павловым в учение о высшей нервной деятельности понятия о динамическом стереотипе также отразило потребность в преодолении «атомизма», который гештальтисты инкриминировали этому учению.

Категория образа (стоявшая за неологизмом «гештальт») охватывала все уровни когнитивной организации психики – как сенсорный (чувственно-образный), так и интеллектуальный. Само понятие об интеллекте было изменено после классических опытов Келера над человекообразными обезьянами, справлявшимися с новыми задачами, для решения которых недостаточно было прежних навыков (условных рефлексов). Келер объяснял наблюдаемое поведение, оперируя представлением о сенсорном поле и его реорганизации в случае решения.

Другой лидер гештальтизма М. Вертгеймер перешел от животного интеллекта к человеческому. Притом интеллекту высшего, какой только может быть, уровня, поскольку одним из его испытуемых был А. Эйнштейн.

В работах, посвященных этой высшей форме мышления (Вертгеймер назвал его продуктивным), в качестве объяснительных принципов использовались все те же понятия «реорганизация», «центрировка», «группирование», которые считались всеобщими для способов построения и преобразования гештальта. Но именно такой подход обнажал слабость гештальтистской схемы, считавшейся пригодной для всех случаев жизни, в том числе и жизни психической, обретающей различные формы на различных уровнях развития.

Отсутствие историзма и ориентация на те феномены, которые действительны для ситуаций «здесь и теперь», препятствовали разработке категории психического образа в его лонгитюдной динамике, в различных генетических срезах. Между тем прошлое и будущее психического образа органично представлено в его «работе» в качестве детерминанты актуального поведения.

Это слабое звено гештальтизма сказалось в игнорировании того, что в «ткани» образа имеются различные уровни организации. Категориальное знание о них запечатлено в разграничении чувственного и умственного образов. Умственный образ отличается в качестве психической реалии своей когнитивно-коммуникативной природой. Он возникает в человеческом социуме, решая задачи, инспирированные деятельностью по освоению предметного мира. Соответственно его предметное содержание обретает признаки, которых нет в чувственной ткани сознания.

Эти признаки наращиваются в филогенезе в форме понятий, которыми

индивид овладевает в онтогенезе. За понятием (как психическим образом) скрыты сложные системы умственных операций, производимых индивидом совместно с другими людьми.

Совместность реализуется посредством общения, которое возможно только потому, что вооружено собственными орудиями – знаками, благодаря оперированию которыми «высвечивается» не их внешний (в речи – фонетический) образ, а внутренняя форма (форма в смысле «сгущения» предметного содержания). Применительно к слову оно выступает как его значение. Оставаясь таковым в независимой от отдельных субъектов системе языка, значение оборачивается для них психическим образом особого (по сравнению с сенсорным) порядка. Но этот – теперь уже умственный – образ так же органично входит в ткань сознания, как и чувственный.

Процесс этих превращений, фрагменты которого запечатлены во множестве теоретико-экспериментальных исследований, обогащал категориальный аппарат психологии, придавая нарастающую энергию разработке категории образа. Но, как неоднократно подчеркивалось, эта категория не работает вне системы других.

Хотя гештальт-теория, освоив понятие о поле, пришедшее в физике на смену понятию о дискретных частицах, высоко подняла планку требований к объяснению психического образа, она впала в односторонность, рассчитывая, что психический образ может быть научно объяснен на пути выявления имманентно присущих ему трансформаций. Гештальт-теория полагалась на психический образ как на самодостаточную сущность. В реальной же действительности, а не в лаборатории, где гештальтисты проводили свои новаторские эксперименты, природа образа такова, что может быть изучена целостным категориальным аппаратом психологии, в котором категория образа является лишь одним из компонентов.

Да, в любом акте сознания, как справедливо утверждал Брентано вслед за средневековыми комментаторами Аристотеля, сосуществует предметное содержание. Но за предметным образом скрыто предметное действие, мотив, к нему побуждающий, отношение субъекта к другим людям, а также личностная значимость и переживаемость информации, запечатленной в образе. Только интеграция категорий в единый, системно работающий и развивающийся орган открывает субъекту картину малого и большого мира, в котором он обречен жить.

Глава 13

КАТЕГОРИЯ МОТИВА

Прежде чем войти в разряд психологических категорий и закрепиться в языке науки, представление о мотиве неизменно и повсеместно появлялось (под различными именами) во всех случаях, когда возникал вопрос о причинах человеческого поведения.

Мотив (от лат. «мовео» – двигаю) – это то, что движет живым существом, ради чего оно тратит свою жизненную энергию.

Мотив не может быть адекватно объяснен сам по себе, вне неразлучных связей и изначальной включенности в систему тех детерминант – образа, отношения, действия, личности, которые конституируют общий строй психической жизни. Его «служба» в этой жизни предопределена тем, чтобы придать поведению импульс и направленность к цели, поддерживая энергетическую напряженность поведения на всем пути стремления к ней.

Будучи непременным «запалом» любых действий и их «горючим материалом», мотив издавна выступал на уровне житейской мудрости в различных представлениях о чувствах (например, удовольствия или неудовольствия), побуждениях, влечениях, стремлениях, желаниях, страстях, силе воли и т.д. Переходя от житейской мудрости к научным объяснениям, следует начать со взглядов на мотив в эпохи, когда изучение психологических вопросов считалось занятием для философов.

Локализация мотива

В период античности была проведена различительная линия не только между чувственным познанием и мышлением, но также между этими разрядами явлений и побуждениями человека. Это отразилось на представлении о различных «частях» (у Аристотеля функциях) души. Как отмечалось, они изображались разделенными даже анатомически. Пифагор, Демокрит, Платон помещали разум в голове, мужество – в груди, чувственное вожделение – в печени. У Платона это разграничение приобрело этический характер. Он считал разумную душу (она осела в голове, как наиболее близкая к небесам, к нетленному царству идей) высшим достоянием человека. Низкая – «алчущая» – часть души уводит к низменным целям, препятствует благородным мотивам. На разум возлагалась задача «обуздания» этих рвущих человека в разные стороны побуждений. В образной форме Платон описал проблему конфликта мотивов в известном мифе о колеснице, в которую впряжены два коня противоположных цветов – черный и

белый; каждый тянет в свою сторону.

Историк Р.Уотсон видит иронию истории в том, что главный вклад в психологию Платона-философа, который превыше всего ставил разум, свелся к акцентированию иррационального в человеке.

Аристотель среди функций души выделил стремление «к чему-либо» или «от чего-либо». За этим стояло утраченное последующей психологией и возродившееся в новейший период положение о том, что мотив всегда имеет предметную направленность, поскольку предмет, к которому стремится организм, может стать целью лишь будучи представлен в форме образа.

Стремление неотделимо от ощущения. Оно сигнализирует о том, достигнута ли цель, вызывая у субъекта чувства удовольствия или неудовольствия. Тем самым объективно присущее организму стремление (имеющее смысл мотива, который побуждает организм действовать) соотносилось с субъективно испытываемыми чувствами. Впоследствии вопрос о связи мотивационных факторов с эмоциональными станет важнейшим для многих теорий.

У Аристотеля сама по себе эмоция (удовольствие или неудовольствие) – не мотив поведения, а сигнал достижения цели стремления. Наряду со стремлением важным мотивационным началом Аристотель считал аффекты.

Если стремления относились к организму, то понятие об аффектах соединяло психологию с этикой, с отношением человека к другим людям. Считалось, что в случаях, когда аффективная реакция является либо избыточной, либо недостаточной, человек поступает дурно. «Всякий в состоянии гневаться, и это легко, также и выдавать деньги и тратить их, но не всякий умеет и нелегко делать это по отношению к тому, кому следует и насколько и ради чего и как следует». Крайности безнравственны. Но между ними имеется «золотая середина». Оптимальным состоянием, если речь идет о деньгах, является щедрость, негативными же полюсами – либо расточительство, либо скупость.

Платон возлагал обуздание побуждений на силу разума. Согласно же Аристотелю человек способен выработать правильные аффекты благодаря своему личному опыту, систематическому обучению.

Воспитание чувств совершается в поступках. *«Справедливым человек становится, творя дела справедливые, а умеренным – поступая с умеренностью, а без подобной деятельности пусть никому и в голову не приходит стать хорошим человеком»*.

Тем самым мотив наделялся нравственным знаком, определяющим смысл реального действия – поступка. Сам же поступок приобретал роль творческого начала характера (личности).

Аффект и разум

Отношение между разумом и аффектом заняло значительное место в

психологических воззрениях философских школ в эллинистический период. Школа стоиков, в частности, отвергла разделение Платоном души на рациональную и иррациональную. Все психические процессы считались разумными. Страсти, желания, аффекты относились за счет неправильной деятельности мышления, в результате которой они становятся болезненными состояниями души. Избавить от них способен разум, в котором виделось главное терапевтическое средство (своего рода «логотерапия»).

Наконец, в эпоху крушения античной цивилизации в учении Августина в качестве основной мотивирующей силы действий души выступает, взамен мышления и аффектов (эмоций), особая, чуждая всему материальному, сила воли, которая распоряжается как своими орудиями мозгом, органами чувств и движений. Отпечатки вещей в этих органах сами по себе никакого знания не содержат. Воля, выраженная во внимании, превращает эти отпечатки в чувственные образы. Все другие психические процессы возникают и изменяются благодаря чисто духовной волевой активности. Она же поворачивает душу к самой себе, становясь источником осознания личностью своего внутреннего опыта.

Проблема воли

К Августину восходит волюнтаризм, воспринятый в последующие века рядом учений о мотивационном приоритете воли в психической организации человека. Со времен Августина вопрос о соотношении непроизвольного и произвольного в реакциях и поступках индивида служил темой многих философских дискуссий и школ. Понятие о произвольности ассоциировалось с теми процессами в организме, которые регулируются осознаваемой целью и духовными актами субъекта как последней причинной инстанции.

Психологические соображения соотносились с глобальной философско-религиозной проблемой свободы воли. Первый крутой поворот к новым объяснениям произошел с открытием Декартом рефлекторной природы поведения в его учении о страстях. Как отмечалось, применительно к человеку это учение прокламировало бескомпромиссный дуализм. Материальное тело предстало в образе автомата, запускаемого в ход внешними импульсами, промежуточным эффектом действия которых становятся восприятия и элементарные чувства, а конечным эффектом – «раздувание» мышц. Но наряду с этим организм приводится в действие «излучениями» другой, бестелесной субстанции, откуда исходят акты сознания и воли, а также высшие интеллектуальные чувства.

Декартов дуализм царил над умами в течение трех столетий. Его отражением стала в конце концов версия о необходимости «двух психологий» – объяснительной, которая усматривает причины изучаемых явлений в телесной механике, и описательной (или понимающей), интуитивно проникающей в

душевную жизнь с целью постичь ее уникальность, ее озаренность богатством культурных ценностей.

Однако уже в декартовы времена была предпринята величественная попытка объяснить с геометрической строгостью, руководствуясь не интуицией, а логическим анализом, мотивы поведения человека как телесно-духовного существа. Эта попытка принадлежала оппоненту Декарта Спинозе. Он отверг убеждение в том, что воля — это самостоятельная причинная сущность. *«Воля и разум,* – утверждал Спиноза, – *одно и то же»*.

Иллюзия свободы воли – результат незнания истинных причин. Этими причинами являются аффекты. Под ними имелись в виду не декартовы «страсти» (т.е. страдательные состояния) души, которые, возникая в организме, могут быть только результатом того, что он испытывает; служить же мотивом его действий, влиять на них они бессильны. Аффекты, согласно Спинозе, – это особые телесно-психические состояния. Их великое множество. Аффекты ненависти, гнева, зависти и т.д., рассматриваемые сами по себе, вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи.

Спиноза, обращаясь к аффектам, усматривал задачу философии в том, чтобы, неотступно следуя принципу причинности, объяснить предназначение аффектов как движущих сил человеческого бытия. Спиноза выступил инициатором строго объективного изучения аффектов взамен сбора сведений о том, какими они переживаются испытывающим их субъектом. Рассматривая их в объективной системе отношений, он сводил богатство аффектов к трем основным, имя которым: влечение, печаль и радость. Он наделил аффекты действенным влиянием на организм (тело), считая, что печаль уменьшает способность тела к действию, тогда как радость увеличивает ее.

Важнейшие нововведения Спинозы: подход к аффектам с позиций, отвергающих дуализм телесного и духовного, придание им реальной причинной роли в жизнедеятельности – побудили в XX веке Л.С. Выготского задуматься над перспективой создания теории, способной применить идеи Спинозы к современной психоневрологии. Последняя нуждалась в преобразовании, поскольку все еще продвигалась в русле дуализма Декарта. Свой замысел Выготский не реализовал. Но поучительно его обращение к Спинозе, который обнажил – на уровне философской рефлексии – уязвимость дуализма в объяснении мотивов, правящих человеком.

Дуализм пронизывал и образ мысли физиологов в их первых пробах экспериментального изучения нервных функций. Так, с открытием рефлекторной дуги образ организма рассекался на половины, каждая из которых работала по отличным от другой принципам. Рефлекс мыслился как мышечный автоматизм, встроенный в спинной мозг. Головному же мозгу отводилась роль «вместилища» сознания и воли, действующих спонтанно. Иначе говоря, Декартов дуализм непроизвольных и произвольных движений оборачивался взамен философской

конструкции анатомической схемой. Она как бы санкционировала от имени точной науки неподвластность высших побуждений человека телесным законам.

Против этого выступил И.М. Сеченов. Несмотря на крайнюю скудость сведений о головном мозге, он высказал ниспровергавшую дуализм гипотезу о том, что и этот высший орган работает по принципу рефлекса. Его критики сразу же обвинили его в том, что он сводит человеческое поведение к формам, наблюдаемым у обезглавленной лягушки. Они проигнорировали принципиальную новизну концепции Сеченова.

Для прежней физиологии головной мозг виделся в образе «нервной поверхности», от которой импульс отражается к мышцам наподобие отражения светового луча. (Как мы помним, термин «рефлекс» означает отражение.) Для Сеченова же исходным являлось убеждение в неиссякаемой активности организма, обусловленной непрерывной работой высших нервных центров. Поэтому идущие извне стимулы сталкиваются не с застывшими и безразличными к ним «поверхностями», а со сложнейшими механизмами, имеющими собственное устройство и свою логику деятельности. Сеченов выделил два типа механизмов: усиливающий рефлексы и задерживающий их. Оба являются регуляторами поведения, придающими ему мотивационную направленность. Сеченов писал, что психический рефлекс с усиленным концом обнимает всю сферу страстей. Механизм же, задерживающий реакцию на внешний раздражитель, – это открытое автором и удостоенное его имени «сеченовское торможение». Оно является нейросубстратом воли, точнее — произвольных движений. Люди с сильной волей побеждают самые неотразимые, по-видимому, невольные движения. Не ограничиваясь описанием этих открытых им нейромеханизмов, Сеченов соединяет физиологию с этикой моральность мотива должна быть одна положена в основу действий.

Понятие о рефлексе радикально трансформировалось. Из автоматической связки центростремительного нерва с центробежным оно становилось сложнейшей нервно-психической конструкцией, притом изначально активной и формируемой благодаря воспитанию. При этом воспитуемой выступала и сфера мотивов – будь то страсти, будь то способность противостоять испытаниям *«наперекор требованиям всех естественных инстинктов, потому что голос этот бледен при яркости тех наслаждений, которые даются правдой и любовью к человеку»*[23].

Природное и нравственное

Столкновение естественных инстинктов с нравственным зарядом «рефлексов головного мозга» ставило вслед за проблемой жизненной истории

---

[23] *Сеченов ИМ. Избр. филос. и психолог, произв. М., 1947, с. l65.*

мотивов проблему их конфликта. Обе проблемы решались с надеждой на определяющую роль воспитания. Ведь категория рефлекса после Сеченова из анатомической схемы становилась не только нейродинамической, но способной создавать новые формы поведения благодаря двум обстоятельствам: как пластичности нейросубстрата, так и преобразованию мотивации.

Новое понятие о рефлексе стало предпосылкой рождения и развития русской рефлексологии. В ее объяснительные установки наряду с признаком пластичности (чуждым модели «рефлекторной дуги») вошло также представление о мотивационном обеспечении нового, прижизненного рефлекса.

«Дуга» имела свой биологический смысл. Она выполняла защитную функцию, обороняя организм от угрожающих ему агентов. Новый рефлекс, схема которого была «прописана» Сеченовым, позволял организму выйти на простор жизненных встреч со средой, применительно к которой у него не было заготовленных формул поведения. Чтобы действовать в этой среде, требовалась мотивационная энергия.

В школах Павлова и Бехтерева эта энергия, как и в случае рефлекторной дуги, предполагалась скрытой в «мудрости тела», то есть считалась призванной решать биологическую задачу на выживание. У Сеченова воспитание рефлекса подчинялось социально-нравственной задаче формирования страстной и волевой личности, которая «не может не делать добро». Таков был гражданский мотив его концепции мотивации, вдохновленный надеждой на появление на русской земле людей, свободных от рабства и барства.

Высокая гражданственность была присуща как Павлову, так и Бехтереву. Но в своих лабораториях они не могли экспериментировать иначе как в русле программ, для которых сложились предпосылки в логике развития науки. Поэтому у обоих ученых схема выработки новых рефлексов строилась на идее биологической значимости мотива, обозначаемого термином «подкрепление» (термин Павлова). Мотив соответствовал потребности организма в самосохранении, в удовлетворении его биологических потребностей. Если некогда безразличный внешний раздражитель побуждал действовать, то не иначе как сигнал к будущему подкреплению. «Условная» мотивация черпала энергию в «безусловной», заложенной в организме самой его природой.

Учения Бернара (о витальной активности организма, направленной на удержание стабильности его внутренней среды) и Дарвина (об активности, направленной на адаптацию к среде внешней) служили предпосылкой новых воззрений на объективный (независимый от сознательной цели) характер мотивов поведения.

От Бернара протянулись идейные нити ко всем теориям (начиная от Павлова и до различных ветвей бихевиористского направления), которые объясняют мотивацию потребностями живого тела в том, чтобы противодействовать всему, что угрожает его целостности, нормальному обмену веществ и т.д.

От Дарвина было воспринято доказательство того, что целесообразность

поведения объяснима без обращения к цели как феномену сознания субъекта. Отсюда был прямой шаг к признанию мотива величиной, действующей безотносительно к знанию личности о том, что же ею движет, к чему она стремится, ради чего поступает именно так, а не иначе.

Здесь заложены корни психоанализа Фрейда. Дарвиновские выводы об инстинкте и об объективном характере побуждений, заложенных в глубинах жизни, Фрейд перевел с биологического языка на психологический, развив свою теорию мотивации. Он перенес ее в новую плоскость, соотнеся с проблемами строения и развития психики человека. И тогда складывалась совершенно иная ситуация, чем в направлениях, где мотивирующее начало поведения виделось под углом зрения его биологической природы.

Применительно к человеку невозможно было устранить вопрос о роли сознания. Всесилие этой роли, увековеченное всеми прежними теориями и подтверждаемое общечеловеческим опытом, ставилось под сомнение. Тем не менее обойти ее было невозможно. И первый же фрейдовский вывод запечатлела версия о конфликте между голосом сознания и мощью скрытых от него глубинных бессознательных влечений. Именно им был вручен ключ от психического устройства человека, от его мотивационной сферы, о тайнах которой сам субъект с аппаратом его сознания ничего не ведает.

Мотив в структуре личности

Воспитанный в молодости на идеях строжайшего детерминизма, Фрейд настаивал на том, что любые психические феномены, даже кажущиеся нелепыми или иррациональными, случайными или бессмысленными, жестко обусловлены игрой подспудных психических сил (сексуальных либо агрессивных влечений). Спасаясь от них, человеческое существо ставит этим слепым психическим стихиям «запруду» в виде различных защитных механизмов. Важнейший из них — механизм вытеснения. Вытесненное влечение, сталкиваясь с цензурой сознания, ищет различные обходные пути и разряжается в формах, внешне нейтральных, порой даже бессмысленных, но имеющих свой символический план. Их разгадкой и занялся психоанализ, толкуя сновидения, изучая различные оговорки и ошибки памяти, необычные ассоциации (связи) мыслей.

Почему же сознание, в котором после Дарвина и Спенсера стали признавать орудие адаптации к среде, средство возможно более эффективного приспособления к угрожающим организму внешним силам, выступило как инструмент нейтрализации внутренних сил? Потому что Фрейд вводил в свою конструкцию противостоящий всему инстинктивно-биологическому в человеке социальный фактор. Социальные нормы, запреты, санкции также обладают мотивационной силой. Они вынуждают личность неосознанно хитрить, обманывать себя и других по поводу своих истинных побуждений.

Анализ сложной мотивационной структуры личности привел Фрейда к

трехкомпонентной модели ее устройства как динамичного и изначально конфликтного. Конфликтность выступила в столкновении бессознательных влечений с силой Я, вооруженного своими орудиями самозащиты, и давлением сверх-Я (инстанции, представляющей социум как враждебное индивиду начало).

Наряду с Фрейдом существенно обогатил категорию мотива Курт Левин. Он был близок гештальт-теории с ее увлеченностью революционными событиями в физике, где утвердилось понятие о поле. Но гештальтисты сосредоточили свои усилия на разработке категории образа, тогда как Левин обратился к динамике мотивов в индивидуальном, а затем и коллективном поведении.

Мотив и поле поведения

Понятие о поле Левин, переводя его на психологический язык, обозначил термином «жизненное пространство». Оно мыслилось как целостность, где нераздельны индивид и значимое для него, притягивающее и отталкивающее его окружение.

Как и Фрейд, Левин внес важный вклад в разрушение традиционных взглядов на мотив как побуждение, конечным источником которого служит субъект, преследующий цель, данную в осознаваемом им внутреннем образе. Как и Фрейд, Левин стал на путь разработки принципа психической причинности. Данная объективно, подобно биологической и социальной причинности, она отлична от них. В то же время именно в силу своей объективности она выступала в такой трактовке, которая позволяла преодолеть версию о «замкнутом психическом ряде», где одно явление сознания субъекта (волевой импульс, образ цели, чувственный порыв, акт апперцепции) производит другое.

Продвигаться в русле объективного, адекватного нормам любой науки объяснения психики как особой реальности, не сводимой к другим формам бытия, – таково было веление времени. Одним из откликов на его запросы стала левиновская концепция мотивации. Согласно этой концепции движущим фактором поведения (независимо от того, осознается он или нет) служит мотивационная напряженность жизненного пространства, имеющего свои законы преобразования, отличные от законов, по которым возникают ассоциации, связи стимулов с реакциями и т.д.

Поиски объективной динамики мотивов как непременной детерминанты поведения сближали Левина, с Фрейдом. Но во многом они расходились. Фрейд был сосредоточен на истории личности. Мотивацию он сводил к нескольким глобальным влечениям, объекты которых фиксируются в детстве. Исходя из этого предполагалось, что наличная мотивация человека детерминирована его давними «комплексами», «фиксациями», «замещениями». Отсюда и направленность психоанализа – «раскапывать» далекое прошлое личности.

В отличие от Фрейда Левин учил, что объяснить поведение можно только из

тех отношений, которые складываются у личности с ее непосредственной, конкретной средой в данный микроинтервал времени. Прошлый опыт может влиять на субъекта только в том случае, если сохраняется актуальность этого опыта «здесь и теперь». Отсюда и аисторизм левиновской модели. Этой модели он надеялся придать математическую точность, внедрив в психологию идеи топологии (раздела геометрии, изучающего преобразования различных областей пространства) и векторный анализ.

Вместо слов и чисел Левин применил язык графических символов. Именно ими изображались «жизненное пространство» и его районы, цели, барьеры на пути к ним. Направление психологической силы (к какому-либо району или прочь от него) обозначалось стрелой, а величина этой силы – длиной вектора. Психологические силы возникают внутри «поля» в динамике целого.

Левин полагал, что нет принципиальных различий между органической потребностью, «например потребностью в пище», и мотивацией, присущей деятельности человека. Имеется общая мотивационная динамика. Поэтому известные проявления органической потребности, такие как голод, насыщение, пресыщение, Левин использовал для экспериментального изучения мотивов, движущих испытуемым при исполнении заданий, не имеющих биологического плана (при чтении стихов, рисовании). И в этих случаях наблюдалось насыщение и пресыщение, которые Левин отнес за счет падения уровня напряжения в мотивационной системе данного действия. В то же время он выделил особый класс мотивов, которые, будучи сходны по своей динамике с биологическими, решительно отличаются от них тем, что возникают только у человека в виде намерений. Он назвал их квазипотребностями.

Оценивая концепцию Левина, Л.С.Выготский усматривал ее значимость в преодолении дуалистического подхода к аффективной жизни. Аффект в данном контексте означал динамический, активный, энергетический аспект эмоции; подход же к нему оценивался Выготским как единственный способ понимания аффекта, допускающий действительно научное детерминистическое и истинно каузальное объяснение всей системы психических процессов.

Чтобы понять столь высокую оценку левиновской трактовки мотивации, надо иметь в виду, что она давалась в противовес дуализму Декарта, который как бы незримо присутствует на каждой странице психологических сочинений об эмоциях. Монизм и детерминизм – таковы, по мнению Выготского, преимущества Левина перед всеми, кто со времен Декарта продолжал идти по стопам этого великого французского мыслителя.

Монизм Левина заключался в том, что всю мотивационную сферу безостаточно (от простейших побуждений до высших квазипотребностей и волевых действий) он описывал в качестве подчиненной одним и тем же динамическим законам. Детерминизм Левина заключался в том, что любое побуждение (мотив) мыслилось возникающим в «системе напряжений», создаваемой силами поля. В этой системе сам мотив выступал в качестве силы,

которая действует объективно, в границах «жизненного пространства», а не в замкнутом «пространстве» сознания субъекта.

Заслуга Левина — в укреплении представления о мотиве как особой психической реалии (не сводимой ни к биологическим детерминантам вроде инстинкта или «подкрепления», ни к социальным детерминантам вроде сверх-Я у Фрейда, ни к самостийной силе воли). Тем самым укреплялось понятие о психической причинности, одной из составляющих которой выступал мотив. Это, в свою очередь, укрепляло собственный категориальный аппарат психологии, неотъемлемым рабочим компонентом которого является категория мотива.

Однако, сопоставляя теоретическую схему Левина, прошедшую мощную экспериментальную проверку в его школе, с приведенным выше взглядом Выготского на аффект (этот термин у Выготского, вслед за Спинозой, был синонимом мотива), нетрудно заметить, что монизм, в котором усматривалось главное достижение Левина, не совпадал с монизмом, который грезился Выготскому, определявшему аффект как «целостную психофизиологическую реакцию».

Никакой корреляции с психофизиологией левиновская концепция не знала. Утверждая своеобразие и нередуцируемость психического детерминизма (и в этом было знамение прогресса), она устраняла из динамики мотивации ее физиологическую и, тем самым, реальную телесную «ткань». Между тем в самой физиологии зарождалось движение, устремленное к объяснению поведения целостного организма как телесно-психической, телесно-духовной системы.

Дуализм разъедал не только психологию. В эпоху ее самоутверждения под знаком науки о сознании, изучающей непосредственный опыт субъекта, это обстоятельство лишь укрепляло уверенность физиологов в том, что им нечего делать с этим опытом.

Тем не менее логика движения знания (а в России и социальные запросы) вела к решениям, сближавшим разъятые философией, но нераздельно представленные в жизнедеятельности организма телесные и психические явления. Их сближение требовало пересмотреть привычные способы их объяснения, как и программы исследования. Поиск шел в русле созданной Сеченовым традиции. Ее радикально углубило учение Павлова о высшей нервной деятельности. Оно изменяло взгляд на адаптивное поведение целостного организма, раскрыв специфику его сигнальной регуляции. Но принципиальная схема Павлова редуцировала выработку новых реакций к их мотивационному обеспечению биологическими потребностями.

Доминанта

Иной путь избрал А.А. Ухтомский. Созданное им учение о доминанте интегрировало физиологическую картину динамического взаимодействия нервных центров с представлениями о мотивационной направленности поведения

целостного организма. Есть все основания полагать, что доминанта (как и условный рефлекс) является столь же физиологическим, сколь психологическим понятием. Категориальный анализ не оставляет сомнений в том, что в этом понятии, рассматриваемом под психологическим углом зрения, представлена категория мотива.

В физиологическом плане в центре учения о доминанте – согласно Ухтомскому – идея конфликта нескольких раздельных потоков возбуждения, протекающих в общем субстрате. Когда один из потоков оказывается доминирующим, он овладевает «выходом» системы. Все остальные импульсы, падающие на организм, не вызывают положенных им «по штату» сенсомоторных реакций, но лишь подкрепляют эту текущую рефлекторную установку, с одной стороны, и с еще большей силой тормозят все остальные рефлекторные дуги – с другой.

Что касается психологического содержания концепции доминанты, то оно кристаллизовалось постепенно. Сперва оно выступало как процесс внимания. Ухтомский пишет, что когда он увидел в первый раз явления стойкого торможения кортикальных иннервации локомоторного аппарата в момент подготовки другого цепного рефлекса, то невольно сказал сам себе, что здесь он имеет дело с элементарным процессом внимания. *«Мне показалось,* – продолжает он, – *что в физиологической лаборатории мы сможем вскоре уловить природу и организацию, по крайней мере, двигательного автоматизма так называемого «рефлекторного внимания», которое постулируется психологами в качестве основы для волевого внимания»*[24].

Ухтомский имел в виду работы русского психолога Н.Н. Ланге, на которого он и ссылается, говоря о моторных элементах внимания. *«Правда, в физиологических лабораториях боятся употреблять психологические термины, и это имеет основания. Но психологический термин «внимание»» не содержит в себе, по-видимому, ничего двусмысленного или мало определенного»*[25].

Вспоминая, чем он руководствовался, вводя термин «доминанта», Ухтомский писал: *«Я рискнул в свое время предложить вниманию исследователей понятие о доминанте потому, что самому мне она объясняла многое в загадочной изменчивости рефлекторного поведения людей и животных при неуловимо мало изменяющейся среде и обратно: повторение одного и того же образа действий при совершенно новых текущих условиях»*[26].

Стало быть, новый термин вводился с целью продвинуться в проблеме детерминации поведения, которое, оставаясь по своей сущности рефлекторным,

---

[24] *Ухтомский А.Л. Собр. соч. Т.I. с. 31., 1950, с. 125.*

[25] *Там же.*

[26] *Там же, с. 317*

оказывается «загадочно изменчивым» в стабильной среде и не менее загадочно инертным в резко изменяющихся условиях. Доминанта – это детерминанта жизнедеятельности, маховые колеса нашей машины, помогающие сцепить и организовать опыт в единое целое. Она – по Ухтомскому – и двигатель поведения, и его вектор.

Термин «вектор» предложил Курт Левин, трактовавший психологические силы как величины, которые могут быть представлены математически в виде векторов, Ухтомский же до Левина и безотносительно к нему говорил о доминанте как определенном векторе поведения.

В ту эпоху при объяснении побудительных сил поведения большой популярностью пользовалось дарвиновское понятие об инстинкте. Это понятие распространил на поведение человека У. Макдугалл, который построил на нем свою концепцию мотивации, изложенную в его «Введении в социальную психологию» (1908).

Неопределенность понятия об инстинкте, превратившегося в принцип, способный все объяснить, вызвала в психологии бурную дискуссию, к которой Ухтомский не остался безразличен. Он выступил против того, чтобы опереться на инстинкты как на незыблемую почву, а также против того, чтобы отнести доминанту к категории инстинктов. С шестеркой инстинктов в руках, писал он, мы не сможем разобраться в конкретных поступках. Количество инстинктов стремительно возрастало, и в начале 20-х годов в психологической литературе их можно было найти несколько тысяч. Неприемлем для Ухтомского был сам принцип предопределенности поведения прирожденными побуждениями.

Ухтомский стоял за то, чтобы поставить – вслед за Павловым – знак равенства между инстинктом и рефлексом с целью перенести упор с прирожденного на приобретаемое. Но, по Павлову, условные рефлексы Черпают свой мотивационный потенциал в безусловных. Мысль же Ухтомского была устремлена к раскрытию того, как возникают не только новые условные связи между сигналами и эффекторными ответами, но и принципиально новые формы мотивации. С этой позиции Ухтомский выступал против представлений о том, что основной мотивационной тенденцией организма является сохранение им своей стабильности в противовес возмущающим воздействиям среды (учение о гомеостазе).

Распространение общего принципа гомеостатических регуляций на поведение во внешней среде неизбежно вело к неадекватным представлениям о движущих началах поведения. Они оказывались подчиненными принципу «защиты» организма от влияний этой среды, противодействия им с целью регрессии к исходному состоянию. Очень четко это выразил Фрейд, полагавший, что нервная система представляет собой аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до него раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня. Приписав нервной системе этот императив, Фрейд

выстраивал, исходя из него, свою теорию влечений.

Сведение всех побуждений к инстинктам, гомеостатическим регуляциям, принципу наименьшего действия, безусловным рефлексам и т.д. снимает проблему развития мотивации, образования и наращивания в фило- и онтогенезе новых побудительных сил, генераторов новых импульсов.

По Ухтомскому, нарастающая мощность доминанты как мотива не может иметь другого источника, кроме устремленности организма к внешнему миру. *«В условиях нормального взаимоотношения со средой организм связан с ней интимнейшим образом: чем больше он работает, тем больше он тащит на себе энергии из среды, забирает и вовлекает ее в свои процессы»*[27].

Принцип тотальной мотивационной обеспеченности любого психического проявления предполагает, что в жизни личности отношение познавательного продукта (представления, понятия) к объекту неотделимо от отношения этого продукта к субъекту как источнику доминантных (мотивационных) импульсов. За абстракцией, казалось бы, такой спокойной и бесстрастной функцией ума, всегда кроется определенная направленность поведения, мысли и деятельности, писал Ухтомский.

От доминанты зависит общий колорит, в котором рисуются нам мир и люди. При этом доминанта, влияя на характер восприятия мира, в свою очередь, имеет тенденцию отбирать в нем преимущественно такое познавательное содержание, которое способствовало бы ее поддержанию. *«Человеческая индивидуальность... склонна впадать в весьма опасный круг: по своему поведению и своим доминантам строить себе абстрактную теорию, чтобы оправдать и подкрепить ею свои же доминанты и свое поведение»*[28].

С переходом к человеку наряду с реальностью преобразуемой природы возникает принципиально новая форма – реальность человеческих лиц (личностей). И здесь, согласно Ухтомскому, в психологическом опыте, организуемом доминантой, совершается великая революция. Обычно, говоря об изменении психики на «фазе человека», главный упор делают на интеллектуальных структурах — мышлении и речи («вторых сигналах»). Ухтомский выдвигает на передний план возникновение новых доминант (мотивационных установок), порождаемых новой действительностью, а именно личностно-человеческой. Считая, что природа человека делаема и возделываема, Ухтомский имел в виду не только обогащение организма новой информацией и не только построение новых способов (приемов) действий, но прежде всего созидание новых мотивационных структур.

Что же касается основной тенденции в развитии мотивов, то ею является экспансия в смысле овладения средой во все расширяющихся пространственно-

---

[27] *Ухтомский А.Л. Собр. соч. Т. 1, с. 306.*

[28] *Там же, с. 310.*

временных масштабах («хронотопе»), а не редукция как стремление к «защите» от среды, уравновешенности с ней, разрядке внутреннего напряжения.

Воздействуя на образное (в широком смысле слова) познавательное содержание психической жизни, отбирая и интегрируя его, доминанта, будучи независимым от рефлексии поведенческим актом, «вылавливает» в этом содержании те компоненты, которые способствуют укреплению уверенности субъекта в ее преимуществах перед другими доминантами[29].

Существенно новым в трактовке мотивационной активности было понятие об «оперативном покое». Эта форма активности усматривалась не только в двигательных реакциях на среду (сколь бы стремительны и неугомонны они ни были), но и в особом, требующем предельной концентрации энергии, сосредоточенном созерцании среды, которое требует значительно большей нервно-психической напряженности, чем мышечные операции, и обеспечивает недостижимую посредством этих операций тонкость и точность рецепции.

Такой вывод иллюстрировало сравнение поведения щуки, застывшей в своем «бдительном покое», и «рыбьей мелочи», не способной к этому. Истинно человеческая мотивация имеет социальную природу и наиболее ярко выражается в «доминанте на лицо другого». Всматриваясь в другого, индивид видит в нем не собственный двойник, а неповторимую личность – единственную во Вселенной. Благодаря этой доминанте человек не просто осознает другого как личность, но сам становится личностью.

Эта особая мотивационная установка требовала нового подхода к проблеме социально-личностной перцепции, то есть восприятия человека человеком. Чтобы постичь мотивацию поведения другого человека, нужно сперва преобразовать собственную. Возделывание именно такой доминанты Ухтомский считал важнейшей задачей воспитания и самовоспитания. *«Доминанта на лицо другого»*, говорил он, одна из самых трудных, на первый взгляд, пожалуй, и недостижимых в чистом виде доминант, которые нам придется воспитать в себе.

Ключевым в изучении мотивационной сферы неизменно выступал вопрос о ее иерархическом строении, о различных уровнях ее организации. Главные достижения в познании биологического уровня запечатлены в учении о гомеостатических регуляциях поведения, благодаря которым сохраняется целостность организма в противовес постоянно угрожающим ему внешним и внутренним факторам.

Активность, устремленная на поддержание гомеостаза, действительно является могучей побудительной жизненной силой. Веками царило убеждение в том, что живое тело наделено инстинктом самосохранения. Успехи биологии обнажили реальные причинные факторы, скрытые за этим убеждением.

---

[29] *Этот феномен стал предметом специальной психологической разработки в концепции Фрейда о «рационализации» и концепции Фестинтра о когнитивном диссонансе.*

Движущие организм импульсы предстали в качестве эффекта взаимодействия двух сред: внутренней и внешней. Апелляция к инстинкту как особому первоначалу (которое, объясняя мотивационную энергию, само в объяснении не нуждается) была отклонена после того, как в лабораторном эксперименте выявились детали телесного устройства, посредством которого организм удерживает в относительно равновесном состоянии свои основные константы (то есть самосохраняемость).

Понятие о доминанте, разработанное Ухтомским, не было приковано к этому фундаментальному уровню биологической мотивации и потому открывало путь к исследованиям побуждений, присущих человеческому бытию в мире. Своеобразие биографии Ухтомского (он окончил духовную академию, прежде чем стал физиологом) направляло его мысль на поиски тех обстоятельств мотивационной напряженности поведения индивида, которые обусловлены его поглощенностью общением с другими людьми и высшими духовными ценностями.

Вместе с тем и тогда, когда над биологическим уровнем мотивационного обеспечения человеческих действий возвышается социальный, эти действия могут оставаться в пределах решения задач на приспособление (например, в случае конформного поведения, когда нивелируются глубинные личностные мотивы во имя удержания равновесного состояния с ближайшим окружением).

Уже из этого явствует, что уникальный статус категории мотивации определяется не иначе как в ее взаимосвязи с другими блоками категориального аппарата психологии. Особое значение приобретает ее анализ в системе ориентации, диктуемых ее вовлеченностью в построение тех знаний о жизнедеятельности человека, которые сконцентрированы в категориях отношения и личности.

Глава 14

КАТЕГОРИЯ ДЕЙСТВИЯ[30]

Общее понятие о действии

Любая трактовка психической организации живых существ предполагает включенность в структуру этой организации особого компонента, обозначаемого термином «действие». Уже Аристотель, которому, как отмечалось, принадлежит первая целостная теория психики как особой формы жизнедеятельности, трактовал эту форму в качестве сенсомоторной, стало быть, соединяющей ощущение с ответным мышечным действием организма. (Правда, центральным органом, служащим связующим звеном между чувственным образом и локомоцией, считалось сердце.)

Аристотель же впервые выделил такой важнейший признак действия, как его предметность. Прежде чем объяснить действие, подчеркивал он, нужно сперва разобраться в его объекте. В случае чувственного восприятия этим объектом является внешнее материальное тело, образ которого «подобно печати на воске» фиксируется органом ощущений. Однако поворотным как для Аристотеля, так и для всех последующих философов стал переход от ощущения к мышлению.

Вопрос об объекте умственного действия не мог быть решен аналогично тому, как объяснялось действие с объектом, непосредственно данным органу чувств. В результате было принято направление, на которое ориентировалась философско-психологическая мысль на протяжении многих веков. Как объект, так и действие с этим объектом переносились в качественно иную плоскость, чем присущая сенсомоторному уровню, на котором и «автор» действия, и само это действие, и объект, с которым оно сопряжено, являются доступными объективному изучению реалиями. На смену им пришло представление и об особой психической способности действовать, и об идеальном сверхчувственном предмете, постигаемом благодаря этой уникальной, несопоставимой с другими психическими функциями способности.

Если источником и носителем сенсомоторного действия являлся организм, то применительно к умственному действию принципом его реализации оказывался лишенный материального субстрата разум («нус»), который содержит в себе идеи – образцы всякого творения. Это стало основанием множества доктрин об особой интеллектуальной активности или созерцании как высшей ступени постижения истинного бытия вещей (в свою очередь умопостигаемых).

---

[30] *Глава написана в соавторстве с В.А. Петровским.*

С этим соотносилось (предложенное опять-таки Аристотелем) разделение теоретического и практического разума. «Теоретический ум не мыслит ничего относящегося к действию», — подчеркивал Аристотель. Если в психологическом плане разделение двух «разумов» (ориентированного на созерцание идей и на практическое овладение ситуациями) содержало рациональный момент, то в философском плане противопоставление теоретической и практической активности расщепляло категорию действия в самом ее зародыше, разнося ее по различным разрядам бытия.

В последующие века телесные изменения поведения организма, «запуск» его в деятельное состояние относили либо на счет исходящей от субъекта силы воли, либо на счет аффектов как эмоциональных потрясений. Очевидно, что ни один, ни другой способ объяснения не могли обогатить научное знание о действии. Ссылка на силу воли как перводвигатель отрезала путь к детерминистскому объяснению действия, к анализу способов его построения, имеющих объективную динамику. Обращение к аффектам, к эмоциям учитывало энергетический ресурс действия, но было бессильно пролить свет на открытую Аристотелем предметность действия.

Новая эпоха в трактовке проблемы связана с нововведениями Декарта. Открытие им рефлекторной природы поведения повлекло за собой каузальную трехзвенную модель действия как целесообразной реакции организма на внешний раздражитель, позволяющей организму сохранить целостность. При всем несовершенстве представлений о конкретных деталях этой рефлекторной модели она утвердила зависимость действия организма от объективных, самостоятельных по отношению к сознанию причинных факторов – физических и физиологических, в то же время решающих задачу, которую все предшествующие концепции считали производной от произвольно действующих психических сил.

Декарт все эти силы как бы вынес за скобки своей схемы рефлекторной реакции (ставшей прообразом различного вида непроизвольных движений) и локализовал их в иной, бытующей по ту сторону «машины тела», непротяженной субстанции. При всей эклектичности этого воззрения оно на три столетия стало центром, вокруг которого шли дискуссии о детерминации и регуляции действия как посредствующего звена между субъектом и объектом, организмом и средой, личностью и системой ценностей, сознанием и предметным миром.

С возникновением психологии как самостоятельной науки сразу же определились два радикально различных направления в трактовке действия как одного из непременных компонентов психического устройства человека. В теориях, считавших предметом психологии сознание субъекта, действие рассматривалось как проявление его имманентной активности, источник которой заложен в нем самом и первичен по отношению к другим, внутрипсихическим явлениям. Этот взгляд объединял позиции лидеров двух главных направлений того периода – Вундта и Брентано. Вместе с тем концепция Брентано вносила существенно важный для разработки категории действия момент, а именно —

идею его направленности на сосуществующий в психическом акте предмет, без которого сам этот акт нереализуем. Здесь Брентано по существу возвращался к постулату, о котором уже шла речь и который впервые был утвержден Аристотелем, «что сам Брентано не отрицал», а именно — к идее предметности действия. Но само действие, как и его предмет, оказалось замкнутым в пределах внутреннего восприятия особого психического ряда. Наряду с этим направлением, которое отстаивало уникальность психического действия сравнительно с телесным, складывалось другое, определившее статус категории действия как телесно-психической. Это предполагало коренной пересмотр представлений и о теле, и о психике. Понятие о теле как физико-химической «машине» уступает место его пониманию как гибкого, способного к развитию и научению устройства. Понятие о психике не идентифицируется более с сознанием, данным во внутреннем опыте субъекта. Эти глубинные сдвиги позволили разработать категорию действия в качестве детерминанты процесса решения биологически значимых для организма задач, в который вовлечена мышечная система.

Первые решающие шаги в этом направлении принадлежали Гельмгольцу, Дарвину и Сеченову. Их вклад в формирование категории действия остается непреходящим. Вместе с тем в их трудах действие выступает как биологическая детерминанта, как фактор организации поведения у всех живых существ. В дальнейшем эта категория обогащается благодаря включению ее в социальный контекст.

Действие сознания и действие организма

До середины прошлого столетия на всех конкретно-психологических концепциях лежала печать дуализма. Наиболее отчетливо это видится при обращении к категории действия. Реальное целостное действие при попытках его теоретически осмыслить расщеплялось на два лишенных внутренней связи разряда. Телесному, материальному действию, доступному объективному наблюдению, противополагалось внутреннее, ателесное действие, которое совершается в пределах сознания и потому открыто только для его носителя — субъекта. С этим соединялось представление о непроизвольности и произвольности действий, причем непроизвольность трактовалась как навязываемая субъекту реактивность в противовес исходящей от субъекта активности, которая получает свое высшее и истинное выражение в произвольных действиях сознания, способных спонтанно регулировать не только внутрипсихические процессы (например, памяти или мышления), но и работу организма.

Эта дуалистическая схема, первые наметки которой принадлежали еще Августину, прочно утвердилась в Новое время благодаря триумфу механистического естествознания, обосновывавшего возможность строго причинного объяснения всего, что происходит с живым телом как своего рода

машиной.

Уже говорилось выше о том воистину революционном сдвиге во всем строе представлений о жизнедеятельности организма, который произвело открытие Декартом рефлекторной природы поведения. Однако этот сдвиг, придавший мощный импульс всей последующей разработке знаний о поведении, имел своей оборотной стороной укрепление позиции тех, кто стремился локализовать источник психической активности во внепространственной и внетелесной, согласно их убеждению, сфере сознания.

Начало XIX века ознаменовалось крупными успехами нейрофизиологии, вторгшейся со своими экспериментальными методами в деятельность нервной системы. Однако это ничуть не поколебало августино-декартовский дуализм. Сама центральная нервная система была рассечена (притом не умозрительно, в плане теоретических представлений, а реально, с помощью анатомических инструментов) на два раздела – спинной мозг и головной мозг, работающие на различных началах.

Спинной мозг выступил в виде автомата, который выстроен из рефлекторных дуг. Что же касается головного мозга, то за ним сохранялась роль безразличного к тому, что происходит в сфере сознания, субстрата. Он оставался «седалищем» произвольно действующих внутренних психических сил или процессов. Попытка «привязать» к большим полушариям (и даже коре больших полушарий) психические функции была предпринята френологией. Однако после блистательных экспериментов Флурака она была скомпрометирована. Как и в случае с открытием рефлекторной дуги (закон Белла – Мажанди), успехами экспериментальной науки воспользовались противники естественнонаучного объяснения жизненных функций. Они требовали, как писал один из них, русский философ П.Д. Юркевич, *«остаться на пути, намеченном Декартом»*. А это был путь дуализма телесного и духовного, произвольного и непроизвольного, реактивного и активного.

Вместе с тем в атмосфере, созданной стремительными успехами естественных наук, трудно было отстаивать версию об особой, ничем не обусловленной активности субъекта, который превратился в некое подобие спинозовской субстанции, являющейся причиной самой себя («кауза суи»). Ведь и Декарт, и Спиноза видели эту опасность сосредоточения всех психических действий «по ту сторону» реальных, земных связей человека с природой. Твердо отстаивая приоритет разума, они (а также Лейбниц) искали промежуточное звено между царством мысли и движущимся по общим законам мироздания организмом. Вскоре Локк дал этому звену имя, с тех пор прославившее его в психологии. Он назвал его ассоциацией.

Ассоциация как посредующее звено

Обращение к ассоциации как закономерно возникающей связи психических элементов, которая, однажды сложившись, затем актуализируется «механически» (появление одного звена «цепочки» влечет за собой последующие), позволило придать изучению и объяснению того, что происходит в сознании, подобие независимости психических процессов от произвольно действующего субъекта. Тем не менее именно субъекту предоставлялось «последнее слово», и он оставался (в образе бестелесной сущности) источником и конечной причиной психической жизни.

Дальнейшее движение научно-психологической мысли шло в направлении все углубляющейся ориентации на то, чтобы придать функционированию ассоциативного механизма независимость от актов сознания. Под различными углами зрения порождалось понятие о бессознательной психике, об особых психических действиях, подчиненных законам ассоциации, однако не представленных в сознании, как это утверждалось на протяжении многих десятилетий.

Бессознательные психические действия

В итоге к середине XIX века сформировались три типа объяснения действий: а) самостоятельные, регулируемые представленным в сознании внутренним образом и направляемые волевым усилием; б) возникшие в силу ассоциативного сцепления из компонентов, заданных предшествующим опытом; в) непроизвольные реакции организма, возникающие вне контроля сознания и обусловленные не прежним опытом, а устройством нервной системы (к ним, в первую очередь, относятся рефлексы, которые интерпретировались как физиологическая, а не психологическая категория).

Особый интерес с точки зрения последующей разработки категории действия представлял второй тип, который определил общий облик нарождавшейся психологии как отдельной науки, справедливо названной ассоциативной. Следует, однако, обратить внимание на то, что первоначально это направление исходило из неотделимости понятия об ассоциации от понятия об осознании. Наиболее отчетливо это прослеживается по работам английских авторов, отказавшихся от попыток одного из родоначальников ассоцианизма Д. Гартли представить ассоциацию в качестве психического механизма, имеющего телесную основу.

Конечно, отсутствие реальных опытных сведений о физиологическом механизме ассоциаций придавало схеме Гартли фантастический характер (см. выше). Тем не менее истинным прозрением, подтвержденным успехами психофизиологии через полтора столетия, являлась версия Гартли о том, что ассоциации возникают только при условии перехода сенсорного образа (посредством вибраций мозгового вещества) в сферу деятельности мышц. Кстати, тем самым великий английский врач открыл роль незаметных микродвижений

мышечного аппарата в процессах восприятия, памяти и даже мышления (в последнем случае, как он полагал, в ассоциативную цепь включается слово за которым скрыта вибрация органов речи).

Весь этот процесс Гартли считал совершающимся объективно, иначе говоря, независимо от сознания. Но другие представители ассоциативной психологии замкнули ассоциации в пределах сознания, превратив их во внутрипсихические действия. Это сочеталось с отказом от включения ассоциаций в структуру реального действия и с тем, что они становились чисто механическим процессом соединения впечатлений и их следов.

Таковой являлась весьма популярная в первой половине прошлого века психологическая доктрина Джемса Милля, который, используя механические и силовые образы физического мира, представил по аналогии с ними и мир психических явлений, который отождествлялся с тем, что непосредственно дано сознанию. Последнее рисовалось построенным из идей, образующих комплексы, которые движутся по собственным орбитам.

Законам ассоциации приписывалось чисто феноменальное значение. Они становились правилом появления в сознании сменяющих друг друга в определенной последовательности феноменов, причем правилом, которое не имело никакого основания, кроме свойств самого сознания.

Важная, имевшая серьезные последствия для будущего психологии попытка выйти за пределы сознания субъекта была предпринята Гербартом. За непознаваемой (именно так он считал) душой субъекта Гербарт оставлял только одну функцию – функцию порождения представлений. Однажды появившись, они начинают вытеснять друг друга из сознания, образуя так называемую апперцептивную массу.

Напомним, что понятие об апперцепции ввел Лейбниц. Он обратился к этому понятию, чтобы выделить в неисчислимой массе неосознаваемых представлений (перцепций) именно те, которые благодаря вниманию и памяти начинают осознаваться. С тех пор апперцепция стала синонимом особой внутренней активности, «вмешательство» которой определяет характер представленности субъекту тех или иных содержаний сознания.

Согласно Гербарту «апперцептивная масса» – это запас представлений, сложившихся в индивидуальном опыте субъекта. Они силой удерживают в сознании данный психический элемент. Облекая свое учение о «статике и динамике представлений» в строгие математические формулы, Гербарт надеялся открыть закономерности, которым подчинена внутренняя психическая активность. Он исходил из того, что представления сами по себе являются силовыми величинами. Спонтанная активность тем самым устранялась из сознания в целом, но переходила в каждый из его элементов, образующий за порогом сознания насыщенную внутренней энергией область бессознательной психики. Гербарт полагал, будто благодаря этому удается внедрить в психологию «нечто похожее на изыскания естественных наук». Измерению подлежат, по его проекту, такие

признаки представлений, как их интенсивность, тормозящий эффект, который они оказывают друг на друга, стремление к самосохранению и т.д. Все это происходит на уровне неосознаваемой субъектом психической динамики.

Картина скрытой за порогом сознания бурной психической активности оказала влияние на последующую психологию, в частности, по мнению многих историков, на Фрейда. Во всяком случае, перенос объяснения внутренних процессов с уровня сознания как области, открытой самонаблюдению субъекта, на область неосознаваемой психики, где и разыгрываются основные действия этого субъекта, отражал новый поворот в их объяснении. Движущим началом этого поворота стали процессы, происходившие под эгидой не психологии, а физиологии, прежде всего физиологии органов чувств.

Мышца как орган познавательного действия

Ее первые успехи определялись установлением прямой зависимости сенсорных элементов сознания от нервного субстрата. Открытие «специфической энергии» нервной ткани Гельмгольц считал не уступающим по своей значимости для науки закону Ньютона. Но наряду с установлением факта производности ощущений от устройства органа, его структурных характеристик в исследованиях по физиологии рецепторов выявилась еще одна зависимость, долгое время остававшаяся в тени, но в дальнейшем радикально изменившая трактовку категории действия.

Это было связано с установкой на экспериментальный анализ не только начального звена в процессе взаимодействия организма с внешним раздражителем, но и завершающего звена этого процесса, а именно — мышечной реакции. Именно этот эффект побудил исследователей выйти за пределы актов и элементов сознания к реальному действию организма в окружающем его пространстве. Вопреки приобревшему большую популярность воззрению Канта об априорности (до-опытного и вне-опытного характера) восприятия пространства в психофизиологии возникают концепции, согласно которым это восприятие вырабатывается постепенно благодаря связи между продуктами деятельности органов чувств (сенсорными образами) и двигательными реакциями. Сетчатая оболочка глаза сама по себе неспособна ощущать пространственную смежность и раздельность точек в воспринимаемом образе. Эту способность она приобретает благодаря тому, что при освещении различных пунктов меняется характер движения глазных мышц («двигательных придатков» органа чувств). В результате каждый пункт сетчатки все прочнее ассоциируется с определенным мышечным сигналом. Двигательная «развертка» создает схему для построения посредством «воспитанной мышцей» сетчатки пространственного образа объекта.

Эти исследования, проведенные физиологами – людьми, ориентировавшимися на принципы и методы естественных наук, существенно

влияли на преобразование общего стиля психологического мышления, обогащая его категориальный аппарат и прежде всего категорию действия. Преодолевалось, как мы видели, расщепление понятия о действии на внутреннее (исходящее от субъекта, трактуемого в качестве последней причинной инстанции) и внешнее (провоцируемое в силу своей пассивности физическими толчками). Действие во все большей степени приобретало характер целостного сенсомоторного акта.

При этом следует особое внимание обратить на два момента.

Прежде всего, деятельность мышцы могла войти в этот целостный акт только потому, что она приобретала значение не чисто моторной, мышечной реакции, но и выполняющей познавательную работу. Это имело, естественно, свои предпосылки в самом устройстве органа, наделенного «сенсорами» – чувствительными нервами, которые способны различать сигналы, информирующие об эффекте действия. Из этого, в свою очередь, следовал важнейший для понимания динамики целостного сенсомоторного акта вывод о своеобразии его регуляции, которая впоследствии была обозначена термином «обратная связь». Именно в сфере изучения психомоторных действий зародилось это понятие, ставшее фундаментальным в теориях саморегуляции поведения. Механизм саморегуляции работал в режиме, предполагающем, что активность психофизиологической структуры действия реализуется объективно, безотносительно к импульсам, «излучаемым» актами сознания. Тем самым снималось расщепление различных типов действия на три разряда: а) чисто сознательные, б) бессознательные (непроизвольные) и в) чисто рефлекторные, не имеющие отношения к психике, поскольку исчерпывающе объяснимы «связью нервов».

Все эти преобразования в категории действия были обусловлены не умозрительными соображениями о соотношении между психикой и сознанием (как, например, в учении Гербарта), а исследовательской практикой, побуждавшей при изучении такого объекта, как органы чувств и органы движений, коренным образом изменять прежние воззрения на характер отношений между этими органами, фиксировать их внутреннюю взаимозависимость и утверждать благодаря этому во внутреннем составе знания о психике принципиально новую интерпретацию такого ее неотъемлемого компонента, как психическое действие.

Как мы видели, важнейшей предпосылкой всех этих преобразований стало открытие того, что мышца, рассматривавшаяся прежде как энергетическая машина, выступала отныне и как особый орган чувств. Неосознаваемость или крайне слабая осознаваемость сенсорных сигналов, сообщаемых этим органом, побудила физиологов говорить о «неосознаваемых ощущениях», или, как образно выражался Сеченов, о «темном мышечном чувстве». Но какая бы терминология ни использовалась, признание мышцы органом не только локомоции (перемещения в пространстве), но и сенсорной активности разрушало все прежние дуалистические модели действия, преобразуя их из физиологических, с одной стороны, порождаемых имманентной, произвольной активностью сознания – с другой, в

психологические структуры, имеющие объективный (независимый от интенций субъекта) и в то же время не сводимый к физиологическим реакциям статус в общей системе знаний о регуляции поведения.

От сенсомоторного действия к интеллектуальному

В то же время в исследованиях функций органов чувств народилась идея трактовки сенсомоторного действия как компонента более сложной структуры. Построение ее достигается посредством серии операций, «алгоритмы» которых отнюдь не подобны простым сочетаниям элементов, изображаемым учением об ассоциациях. Эти операции один из основоположников психофизиологии органов чувств Гельмгольц назвал «бессознательными умозаключениями». То, что пространственный образ непосредственно данного сознанию субъекта строится благодаря не осознаваемым этим субъектом сенсомоторным действиям, было, как мы уже видели, установлено в прежний период. Гельмгольц под влиянием главной методологической книги той эпохи – «Логики», написанной сыном Джемса Милля – Джоном Стюартом Миллем, выдвинул новаторскую концепцию, согласно которой умственные действия типа импликации («если..., то...») производятся первоначально не на уровне абстрактной деятельности рассудка, а в непосредственном сенсомоторном опыте.

Среди многих опытов Гельмгольца в этом направлении можно указать на использование им различного рода призм, искажающих визуальный образ в естественных условиях видения. Несмотря на то что преломление лучей дает искаженное восприятие объекта, испытуемые очень скоро научались видеть сквозь призму правильно. Это достигалось благодаря опыту, состоявшему в многократной проверке действительного положения объекта, его формы, величины и т. д. посредством движения глаз, рук, всего тела. Обобщая относящиеся к этой области факты, Гельмгольц и выдвинул свою гипотезу о «бессознательных умозаключениях», которые производит не абстрактный ум, а глазодвигательный аппарат. Так, умозаключение о величине предмета строится путем варьирования действий, устанавливающих связь между величиной изображения на сетчатке и степенью напряжения мышц, производящих приспособление глаза к расстояниям. На этом же базируется константность (постоянство) восприятия, достигаемая благодаря все той же импликации как форме бессознательного вывода («если..., то...»). Если величина образа на сетчатке такая-то, а напряжение мышц подает данный сигнал (о характере их сокращения), то, несмотря на изменчивость величины образа, который возникает по законам оптики, мы воспринимаем константность предмета.

Гипотеза Гельмгольца о бессознательных умозаключениях разрушала казавшуюся прежде непреодолимой пропасть между действием телесным (мышечным движением) и действием умственным, которое веками было принято

относить за счет активности души или сознания. Гипотезу Гельмгольца воспринял и прочно утвердил в русской психологии Сеченов. Он развил ее в свою концепцию «предметного мышления», согласно которой умственные операции сравнения, анализа, синтеза, умозаключения имеют в качестве своей телесной инфраструктуры реальные действия оперирующего с внешними объектами организма.

Интериоризация действий

Сеченову же принадлежала и другая идея – искать пути объяснения внутренних психических действий в сфере действий реальных, производимых в процессе адаптации живой системы к пространственно-временным координатам внешней среды.

Мы помним, что в своей работе «Рефлексы головного мозга» Сеченов определил мысль как заторможенный рефлекс, как «две трети рефлекса». Такое определение могло дать повод для предположения, что царство мысли начинается там, где кончается непосредственное реальное взаимодействие человека с его предметным, внешним окружением. Отсюда следовало, что мысль в отличие от чувственного впечатления не имеет отношения к двигательному компоненту, а тем самым и к контактам организма с независимым от него объектом.

Но Сеченов совершенно иначе решал эту проблему. Он отстаивал формулу о целостном, неразделенном психическом акте, сохраняющем свою трехчленную целостность при незримости двигательного завершения. Так обстоит дело, например, при «зрительном мышлении» (основанном на такой фундаментальной операции, как сравнение, реализуемой посредством двигательной механики, когда глаза «перебегают» с одного предмета на другой). В этом случае, как писал Сеченов, *«умственные образы предметов как бы накладываются друг на друга»*. Если воспринимается один предмет, акт сравнения тоже непременно совершается – наличный предмет сравнивается с уже имеющейся в сознании меркой.

В какой же форме представлена эта мерка? Репродуцируется весь прежний целостный процесс восприятия, стало быть, и двигательное звено этого процесса. Иначе говоря, прежние внешние действия преобразуются во внутренние. Реальное сравнение, произведенное посредством этих внешних действий, становится «умственной меркой» для всех последующих операций, которые означают обеспечиваемое мышечной работой соизмерение образов. Внутренние умственные операции (сравнение, анализ, синтез) – это операции, бывшие некогда внешними.

Таков механизм, получивший имя интериоризации (перехода реальных интеллектуальных актов из внешних, включающих мышечное звено, во внутренние).

Активность

Всеобщей характеристикой жизни является активность – деятельное состояние живых существ как условие их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении. Оно содержит в себе источник своего собственного движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения. Речь при этом может идти о восстановлении энергии, структуры свойств, функций живого существа, его места в мире, – вообще говоря, о воспроизведении любых измерений его жизни, если только они рассматриваются как существенные для него и неотъемлемые. Имея в виду это особое качество – способность к самодвижению, в ходе которого живое существо воспроизводит себя, говорят, что оно есть субъект активности. «Быть субъектом» значит: воспроизводить себя, быть причиной существования в мире.

Активность как деятельное состояние субъекта детерминирована внутренне, со стороны его отношений к миру, и реализуется вовне, в процессах поведения.

Имея в виду человека как субъекта активности, рассмотрим внутренние и внешние характеристики ее строения.

Внутренняя организация активности человека

Говоря об активности человека, исследователи обычно подразумевают возможность ответа на следующие основные вопросы. Если кто-то проявляет активность, то в чьих интересах и ради чего? Активность – в каком направлении? Каким образом, посредством каких психологических механизмов реализуется активность? Первый вопрос – о мотивационной основе активности. Второй – о ее целевой основе. Третий – об инструментальной основе.

Мотивационная основа активности

Как уже было отмечено, живое существо, будучи активным, воспроизводит свои жизненные отношения с миром. Это, в свою очередь, означает, что оно заключает в себе внутренний образ этих отношений, а они, если иметь в виду человеческого индивида, весьма многообразны: жить в этом мире, откликаться на нужды других людей, ощущать себя частью Природы и т.д. Все это – многообразные формы субъектности человека, разные грани его Я. Вполне правомерно считать множественным Я человека.

В первом случае о субъекте активности говорят как об «индивидуальном Я» человека. Совершаемое коренится, как полагает он сам, в его собственных интересах и нуждах: «Я поступаю так, потому что именно я хочу этого», «Я делаю это для себя самого» и т.д. Сказанное, конечно, не означает, что человек действует

при этом непременно эгоистически, так как эти действия могут не противоречить и даже соответствовать интересам других людей. Может возникнуть вопрос: всегда ли, когда человек говорит – Я, он имеет в виду свои личные интересы, ожидания, нужды. Положительный ответ как бы подразумевается. Однако, если произвести более тщательный анализ, может выясниться, что подлинным субъектом его активности, его поступков выступает не он сам, а нечто в нем, что на поверку оказывается интересами и ожиданиями другого человека, выступающего истинным субъектом его активности. К примеру, абитуриент, поступающий в вуз, возможно, объясняет окружающим и себе самому, что его выбор сугубо самостоятелен и не зависит от каких-либо сторонних влияний. Проходит время – наступает разочарование. Он вынужден признаться, что выбор профессии был продиктован родителями или друзьями. При этом указания других людей не были осознаны им в качестве «директив». За этим признанием – критическая работа сознания, направленная на отделение «голоса» других людей от своего собственного «голоса», звучащего среди других.

Второй случай – когда субъект активности – это «Я другого во мне». Выше был рассмотрен пример, когда человек не знает, что он воплощает в деятельности волю другого человека, и даже отрицает это. Здесь же «присутствие» другого ощутимо и может переживаться как своего рода вторжение в свой внутренний мир. Вместе с тем возможны ситуации, когда интересы другого вполне совместимы с собственными интересами человека. «Я другого во мне», следовательно, не означает непременно жертвенности, самоотречения. Последнее происходит лишь тогда, когда интересы другого ставятся выше собственных.

В третьем случае субъект активности не отождествим ни с кем из людей конкретно – надиндивидуален. Но в то же время он имеет отношение к каждому, выражая собой то, что должно быть свойственно всем людям, «человеческое в человеке»: совесть, разум, добро, честь, красоту, свободу. Когда активность человека продиктована этими ценностями, говорят, что ее субъектом является «всеобщее Я» в человеке. «Индивидуальное Я» здесь слито с «Я другого (других)».

Для пояснения обратимся к одному из парадоксов в истории философской мысли – так называемой «теории разумного эгоизма». В соответствии с нею даже самые, казалось бы, бескорыстные и благородные поступки могут быть объяснены эгоистическими побуждениями. Так, забота матери о ее ребенке объясняется эгоистическим стремлением заслужить уважение к себе как матери, надеждой на ответное чувство или заботу о ней в будущем, и т.д.

В чем ограниченность этого подхода с точки зрения введенного различения между «индивидуальным Я», «всеобщим Я» и «Я другого во мне»? В тот момент, когда мать действует в пользу своего ребенка, даже претерпевая лишения, она не осознает различия между своими интересами и интересами ребенка; она действует от имени «всеобщего Я», в котором выражено ее единство с ребенком. Однако как

только она сама или кто-то другой начинает анализировать совершенный поступок, источник поведения невольно усматривается исключительно в ее «индивидуальном Я», которому противопоставляется при этом «Я другого». Реальные основания поведения отражаются в сознании искаженно, рассуждение разрывает единство, присущее первоистокам активности. «Теория разумного эгоизма» оказывается ограниченной в результате неумения различать дорефлексивные основания активности человека и ее мотивировки, выраженные в последующей рефлексии.

В четвертом случае субъект активности безличен и отождествляется с природным телом индивида («не Я»); он погружается при этом в стихию природного. В психоаналитических концепциях это активное начало обозначают термином «Оно» (З. Фрейд) и рассматривают как средоточие сил любви (инстинкт продолжения рода) и смерти (инстинкт разрушения, агрессии). «Не Я», однако, при таком взгляде не исчерпывается сугубо биологическими побуждениями; творчество, альтруизм и даже религиозные устремления иногда рассматриваются как проявления чисто природного начала.

Итак, мотивационная сторона активности – это, прежде всего, субъект в четырех его ипостасях: «индивидуальное Я», «Я другого во мне», «всеобщее Я», «не Я». Понимание мотивационных основ активности не исчерпывается, однако, обращенностью к различным интерпретациям субъектности человека как деятеля. Необходим анализ потребностей, которые удовлетворяет субъект, действуя в мире.

Потребности

Переходя от вопроса о том, в чьих интересах разворачивается активность человека, к вопросу – ради чего она выполняется, мы обращаемся к категории «потребность». Потребность – это состояние живого существа, выражающее его зависимость от конкретных условий существования в виде основы для его активности по отношению к ним. В потребностях состояние нужды, нехватки, отсутствия чего-либо значимого для существования индивида выступает как интерес, устремленность, энергия действования. Момент зависимости, представленный в потребности, фиксируют термином «потребностное состояние» (А.Н. Леонтьев); здесь индивид выступает, скорее, как пассивное, «страдающее» существо. Активный же момент потребности заключен в устремлениях индивида (оборотная сторона состояния зависимости). Таково движение перехода потребностного состояния в потребное для индивида состояние. Имея в виду этот необходимый для его существования переход, говорят о мотивах активности.

К человеческим потребностям относятся его витальные нужды и устремления; жажда, голод, необходимость в сне, в телесных контактах, чувстве безопасности, продолжении рода и т.д.; социальные интересы: необходимость

принадлежать к группе других людей, вступать в эмоциональные контакты, обладать определенным статусом, лидировать или подчиняться; наконец, экзистенциальные потребности: «быть субъектом собственной жизни», творить, чувствовать самоидентичность, подлинность своего бытия, рост.

Целевая основа активности

Процесс удовлетворения потребностей субъекта предполагает достижение им тех или иных целей. В русском языке слово «цель» фигурирует в двух основных значениях: 1) мишень; 2) то, к чему стремятся, чего намечено достигнуть, предел, намерение, которое должно быть осуществлено. Именно во втором значении слово «цель» употребляется в психологии.

Цель деятельности есть предвосхищение ее результата, образ возможного будущего как основа продвижения к нему. Важное различие касается целей и мотивов активности человека. В мотивах, как и в целях, предвосхищено возможное будущее, но оно соотносится с самим субъектом; в мотивах как бы записано, чем является активность для субъекта, что должно произойти с ним самим. Цели активности ориентированы вовне, в них предвосхищен результат, который должен существовать объективно, будь то художественное полотно, выточенная деталь, доказанная теорема, организационное решение. Цели, воплощаясь в продуктах активности, не теряют при этом своей принадлежности к миру субъекта; они субъектны по форме, но объективны по своему содержанию. В то время как в мотивах идеально представлен сам субъект, в целях активности представлен ее объект, а именно, что должно быть произведено в нем, чтобы мотивы активности были реализованы. В отличие от мотивов цели человеческой активности всегда сознаваемы. Цель есть предвосхищаемый в сознании результат, доступный пониманию самого субъекта, а также других людей. Мотивы же – это достояние прежде всего самого субъекта; они могут быть представлены уникальными и глубинными его переживаниями, далеко не всегда находящими отклик и понимание у кого-либо еще.

Следует различать конечную цель и промежуточные цели. Достижение конечной цели равнозначно удовлетворению потребности. Иногда осуществление этой цели происходит в идеальном плане, а не практически. Это бывает, когда, например, человек включен в коллективную деятельность. Выполняя какую-то часть общего дела, он при этом мысленно прослеживает весь процесс вплоть до его результата. Даже и в том случае, когда некоторые звенья этого процесса ускользают от внимания человека, все равно в поле его зрения оказывается результат общего дела или по крайней мере та его часть, на которую человек претендует заранее. К промежуточным относятся цели, намечаемые в качестве условия достижения цели конечной. Так, доказательство леммы в математике составляет, несомненно, цель действия; но это еще не конечная, а промежуточная

цель; конечную образует доказательство теоремы, ради которой лемма доказывалась. Еще примеры: художник, делая эскизы будущей картины, преследует промежуточную цель; парашютист, готовясь к прыжку, тщательно укладывает парашют, в ходе чего достигает ряд промежуточных целей, в то время как его конечная цель – сам прыжок. И т.д.

Рассматривая сложные виды деятельности, можно заметить, что достижение конечной цели опосредствуется многими промежуточными, причем в первую очередь выдвигаются конечные цели, а потом – те, которые должны быть достигнуты в первую очередь. Искусство построения деятельности и определяется во многом способностью человека в мысли идти от конечных к первоочередным целям, а в действии – в противоположном направлении: от первоочередных, через цепь промежуточных, к конечным.

Процесс постановки цели обозначается как целеобразование. Особую психологическую проблему образует рождение новой цели, начинающей ряд промежуточных. Такие цели называют надситуативными, возвышающимися над исходными требованиями ситуации. Предлагая испытуемому ряд однотипных задач, можно видеть, как некоторые участники эксперимента, вместо того чтобы каждый раз наново решать задачу, образуют новую цель: найти общий принцип решения. Выдвижение новой цели, однако, еще не означает, что формируется новая мотивация деятельности. Речь идет лишь о расширении или углублении целевой перспективы активности при сохранении общей ее направленности.

Ни мотивация деятельности, ни ее цели не могли бы быть воплощены в результате, если бы человек не использовал определенные инструменты преобразования ситуации, в которой протекает деятельность.

Инструментальная основа активности

Процесс осуществления деятельности предполагает использование человеком определенных средств в виде всевозможных приспособлений, инструментов, орудий. Циркуль, кисть, компьютер, слово, сказанное врачом пациенту или учителем ученику, — все это примеры в широком смысле инструментов активности. Органы человеческого тела тоже относятся к категории таких средств: в конечном счете, все операции, осуществляемые вовне, связаны с двигательной активностью самого индивида.

Едва ли можно переоценить важность овладения средствами осуществления деятельности. В некоторых психологических концепциях развитие «инструментария» отношения человека к миру отождествляется с процессами социализации – превращения индивида как природного существа в существо социальное. Как бы ни относиться к подобному взгляду, очевидно, что развитие личности немыслимо вне овладения социально выработанными средствами осуществления деятельности. При использовании тех или иных инструментов

человек продуманно или автоматически опирается на имеющиеся у него представления о том, как действовать с ними, как их применять. Каждое из таких представлений может рассматриваться как внутренняя образующая действий, совершаемых во внешнем плане. Совокупность таких внутренних образующих характеризует то, что может быть названо инструментальной основой деятельности. Другим именем для обозначения инструментальной основы деятельности является часто используемое в последнее время слово «компетентность». А это понятие, в свою очередь, в большинстве работ педагогической ориентации раскрывается как «знания», «умения»,«навыки».

Знания в этом ряду не сводятся просто к сведениям о мире; они выступают здесь в своем функциональном аспекте, как предназначенные для чего-то, служащие чему-то. Тот же, по существу, смысл придается термину «функциональная грамотность», что означает способность людей ориентироваться в системе социальных отношений, действовать согласно обстоятельствам во всевозможных жизненных ситуациях. Знания как часть инструментальной основы активности тесно взаимосвязаны с навыками.

Навыки – это освоенные до степени автоматизма способы употребления определенных средств деятельности – внешних орудий или органов собственного тела – как проводников активности. Навыки, проявляясь в действии, характеризуют его как бы изнутри, в виде последовательности извлечения из памяти определенных «команд», указывающих, что и в каком порядке должно быть сделано, чтобы цель действия была достигнута. Для навыков специфично то, что чередование этих управляющих воздействий – «команд» протекает вне поля активного внимания; человек действует, как говорят, машинально. Такие автоматизированные элементы действования встречаются в любой сфере деятельности, ставшей для человека привычной. При всем различии между ними по признаку автоматизированности к навыкам могут быть отнесены шаблонно воспроизводимые операции в трудовой, учебной, бытовой, спортивной, художественной деятельности. Но автоматизации подвергается не вся деятельность, а лишь отдельные ее элементы, некоторые способы употребления средств деятельности. Так, автоматизируются соблюдение орфографических правил, способы написания и соединения букв в слове, но сам процесс письма остается целенаправленным, преднамеренным действием.

На основе знаний и навыков складывается фонд умений человека. К умениям относится освоенная человеком система приемов сознательного построения результативного действия. «Знать» что-либо еще не значит «уметь»; необходимо владеть способами превращения информации о каком-либо предмете в управляющие воздействия — «команды». В отличие от навыков, каждый из которых образован серией автоматически следующих друг за другом «команд», обусловленных знаниями человека, умения проявляются в осознанном использовании человеком определенных «команд». В результате этих «команд»

извлекаются нередко весьма сложные навыки, комбинация которых ведет к достижению цели.

В отличие от навыков, которым соответствует круг ситуаций, уже встречавшихся человеку в опыте, умениям соответствует более широкий класс ситуаций. Может случиться и так, что человек проявляет свои умения в новых обстоятельствах деятельности. Адекватность умений обстоятельствам, еще не встречавшимся в опыте, основана на осознанности применения человеком своих знаний и опыта действования. Но из сказанного следует, что грань между тем, что находится в поле умений, и тем, чего не умеет субъект, размыта. Каждое новое действие, сталкиваясь с новым опытом, объективно расширяет круг человеческих умений; опробование своих возможностей вновь расширяет их круг и т.д. Сферу того, что в точности умеет субъект и чего не умеет, очертить невозможно. В том случае, когда человек сам пытается это сделать, т.е. определить грань между доступным и недоступным ему в деятельности, его активность приобретает характер безграничного самосовершенствования. Так рождается Мастер.

Все внутренние образующие активности – ее мотивационная, целевая, инструментальная основы – представляют собой более или менее связное целое. В сочетании с внешними проявлениями активности и ответными воздействиями среды они образуют систему. Так, процессы целеобразования определяются мотивами, а также инструментальными условиями осуществления деятельности. Но верно и обратное. Мотивация зависит от целей и средств их достижения. Справедливость сказанного подтверждается опытом людей, испытывающих, но не осознающих свою потребность в чем-либо, иначе говоря, не видящих той цели, достижение которой равнозначно для них удовлетворению этой потребности. В этом случае мотив выступает в форме влечения, смутного ощущения неудовлетворенности при отсутствии предмета потребности, чувства благополучия в присутствии данного предмета, направленности ассоциативного ряда на предмет влечения и т.д. Однако последнее не отграничивается человеком от других переживаний, им испытываемых, смешивается с ними. Наоборот, появление цели превращает влечение в желание, в переживание: «Я хочу этого!», и оно существенно отличается от влечения уже тем, что не смешивается с другими переживаниями в данной ситуации, ощущается как импульс к действию. Наличие средств деятельности придает желанию статус осуществимости: «Я волен сделать это!». В некоторых видах деятельности, например, побуждаемых мотивом достижения, доступность средств достижения парадоксальным образом снижает ее привлекательность, а в других видах деятельности гарантированность достижения делает ее привлекательной. Очевидно также, что дели, которые избирает человек, существенно зависят от того, располагает ли он соответствующими средствами достижения и каковы эти средства.

Многообразие связей между мотивационной, целевой и инструментальной «образующими» активности тщательно исследуется в экспериментальной психологии.

Поведение

Как уже было сказано, деятельность человека представляет собой единство внутренних и внешних проявлений его активности. Последнее обычно называют поведением.

Поведение можно сравнить с пантомимой, смысл которой требует расшифровки. Понять поведение – значит мысленно восстановить картину внутренней динамики (помыслов, чувств, побуждений, представлений о мире, подходов), которая скрывается за фасадом поведения и проявляется в нем. Но это становится возможным только тогда, когда наряду с собственной динамикой субъекта рассматривается и динамика его окружения, ибо не только внутри, но и вовне субъекта содержатся истоки и ориентиры его поведения. Поведение человека неоднородно. Опираясь на представления о внутренней организации активности, можно выделить в ее внешней организации – поведении – три основных «слоя». Один из них соответствует мотивам активности, другой – ее целям, третий – инструментальной основе активности.

Целостный смысловой акт

Суть этого аспекта поведения может быть выражена посредством таких слов, как «дело», «действование», «действо», «деятельность». В «Толковом словаре» Владимира Даля «действо» определяется как «проявление силы, деятельности». «Сила», о которой идет здесь речь, может быть понята как «мотив», представленный в поведении. Своеобразно место, занимаемое словом «действо» в ряду слов «дело» и «действова-ние». О деле спрашивают: «В чем оно состоит?», «Что собой представляет?» В отличие от него действование акцентирует не столько предметную, сколько процессуальную характеристику поведения. О действовании спрашивают: «Как оно протекает?», «В какое время осуществляется?». В слове «действо» как бы уравновешиваются предметный и процессуальный моменты. Так, говоря «совершается или творится действо», — люди имеют в виду, что в разные моменты времени осуществляется что-то одно, сохраняющее себя во времени (дело), и вместе с тем нечто такое, что раскрывается, разворачивается во времени (действование). Имея в виду действо, задаются вопросом: «В чем его смысл?». Это выражает идею целостного акта поведения, соотносимого с мотивами самого действующего. Слово это, однако, почти вышло из употребления и вряд ли может быть возрождено включением его в научный язык. То, что необходимо для точного обозначения, — это термин «деятельность».

Выделить в поведении то, что соответствует интересам того, кто действует, – значит расшифровать поведение как деятельность. Порой это непростая задача.

Так, при исследовании уровня притязаний личности было показано, что некоторые люди устойчиво предпочитают выбор слишком простых задач, а некоторые – слишком трудных. Налицо, таким образом, противоположность в поведении испытуемых. Но за видимостью различий вырисовывается глубинная общность побуждений участников испытания: как те, так и другие одинаково стремятся избежать неудачи. Чтобы понять этот парадокс, достаточно поставить такой вопрос: «Так ли уж огорчителен для новичка проигрыш чемпиону?». В основе выбора сверхтрудных задач – не мотив достижения, а стремление избежать неудачи.

Особенности деятельности человека определяются не только ее мотивами, но и окружением индивида. Так, мотивация достижений, выступающая в устремлении человека превосходить общепринятые образцы, в разных обстоятельствах и «временах» его жизни обнаруживает себя по-разному. Это может быть успех в учении, стремление занять почетное место в кругу сверстников, добиться материального благополучия и т.д. Смысл деятельности – изменение отношений, существующих между субъектом и возможностями удовлетворения его потребностей, представленных в ситуации. Подлинный ответ на вопрос: «В чем смысл данной деятельности для субъекта?» – можно получить лишь в рамках анализа драмы его отношений с миром, проблем, разрешаемых человеком в ходе всей его жизни.

Деятельность

Деятельность – наиболее крупная единица анализа внешних проявлений активности, целостный мотивированный акт поведения. Результатом деятельности является динамика переживаний, выражающих отношение между субъектом потребности и ее объектом. Добиваясь задуманного, мы переживаем те или иные эмоции. Метафорически деятельность может быть представлена как движение в поле переживаний субъекта.

Деятельность, совершаемая человеком, становится объектом переживаний других людей, получает этическую оценку: оценивается как бескорыстная или своекорыстная, добросовестная или недобросовестная, оправданная или неоправданная, словом, выступает в ранге поступков.

Деятельность человека реализуется в его действиях. Термином «действие» описываются процессы поведения, соответствующие целям, которые ставит субъект. Действия осознаны, ибо осознана их цель. Осознан и объект, на который направлено действие. Объекты действия – это не «вещи» в собственном смысле слова как фрагменты чувственно данной, непосредственно воспринимаемой реальности. Объекты действия – это «вещи» как носители значений, в которых кристаллизован совокупный человеческий опыт (А.Н. Леонтьев). Белый лист, испещренный черточками, завитушками, точками, как объект деятельности есть

нечто большее, чем этот лист, эти черточки и завитушки. Это письмо, которое пишется другу. Перед человеком, безусловно, «вещь», которая создается действием. Но в то же время это особая вещь, не тождественная листу бумаги со следами чернил. То же письмо может быть написано карандашом или фломастером, напечатано на пишущей машинке, принтере, передано факсом, вместо писчей бумаги может быть использован телеграфный бланк, сказанное в письме может быть выражено и другим образом, с помощью иных слов. Объектом действия является в данном случае запись в значении личного послания. Материалы и инструменты действия играют здесь подчиненную роль.

Итак, действие есть целевой акт поведения в поле значений субъекта. Результатом действия является преобразование или познание жизненной ситуации человека. В этой связи говорят о предметно-преобразовательных и предметно-познавательных актах. В первом случае человек изменяет ситуацию согласно имеющимся у него представлениям о том, какой она должна быть. Во втором случае предметная ситуация должна остаться как бы нетронутой, активность познающего субъекта имеет характер уподобления предмету. В обоих случаях действием достигается более тесная, более совершенная связь человека с миром, преодолевается разобщенность между субъективной картиной мира (цели человека или его представления о том, что есть) и реальностью.

Говоря о том, что объектом действия является вещь как носитель значений, подчеркивают возможность единого понимания людьми эффектов производимого действия. В случае затрудненности такого «прочтения» действие производит впечатление абсурдного, то есть в глазах окружающих перестает быть собственно действием, превращается, например, в бессмысленное вождение пером по бумаге.

В психологических текстах, посвященных проблеме деятельности, цитируют рассказанный Куртом Лоренцем эпизод, который также может послужить иллюстрацией. Известный этолог однажды водил «на прогулку» выводок утят, замещая собой их мать. Для этого ему приходилось передвигаться на корточках и, мало того, непрерывно крякать. *«Когда я вдруг взглянул вверх,* – пишет Лоренц, – *то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц. Группа туристов стояла за забором и со страхом таращила глаза в мою сторону. И неудивительно. Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмерки, вдоль луга, то и дело оглядывался через плечо и крякал – а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой».* Реакция недоумения на лицах зрителей может быть понята как свидетельство невозможности установить значение действия. Невозможность придать или установить общепонятное в действии ведет к тому, что в глазах людей оно утрачивает признаки действия, предстает в виде случайной, бессмысленной или причудливой комбинации движений и их материальных следов.

Действие в составе активности является более дробной единицей ее анализа,

чем деятельность. Однако и оно может быть представлено в виде сочетания более мелких фрагментов поведения – операций.

Когда поведение рассматривается в его взаимосвязи с инструментальной основой деятельности, оно выступает как последовательность операций. Построение взаимодействий между средствами, отвечающими цели субъекта, относится к области операций. Они сообразуются с материалом и инструментами действия, причем одному и тому же действию могут быть поставлены в соответствие совершенно непохожие друг на друга операции. Так, изображая один и тот же предмет, но выполняя действие пером, кистью, мелом или иглой (офорт), используют разные движения. Еще более выразительно различие в операциях, осуществляемых при игре на разных музыкальных инструментах: фортепиано, гитаре, трубе, флейте. Исполнение одного и того же музыкального произведения (уровень действия) реализуется посредством совершенно несходных движений (уровень операций).

Операции могут быть автоматизированы. Слово «автоматизация» выступает здесь в двух смыслах. Во-первых, это превращение операциональной части поведения в шаблонное, устранение волевого контроля над протеканием действия. Во-вторых, возможность передачи этих процедур компьютеру. Имея в виду оба эти момента, на вопрос: «Сознаваемы ли операции?» — можно ответить положительно. Однако необходимо пояснить, что реализация операций находится на периферии сознания, вне поля внимания. Примечательно, что в случае затруднений операции выступают на передний план сознания, а ориентиры, призванные управлять их течением, превращаются в промежуточные цели.

Итак, деятельность, действия, операции, проявляя вовне мотивационные, целевые, инструментальные отношения индивида, образуют гибкую динамичную систему, соотносимую с различными областями действительности: деятельность выступает как преобразование отношений между потребностями субъекта и возможностями их удовлетворения; действия – как воссоздание и созидание новых предметов человеческой культуры; операции – как использование средств, инструментов материального и духовного освоения мира.

В обыденном сознании фиксируется в основном факт зависимости внешних проявлений активности от ее внутренних образующих. Существенным вкладом в разработку проблемы активности человека явилось обнаружение обратной зависимости: «внутреннего» от «внешнего». В поле зрения психологов оказался ряд фактов, существенно расширяющих традиционные представления о детерминации активности человека.

Феномен опредмечивания потребностей

Потребностные состояния не только людей, но и животных могут быть конкретизированы в широком диапазоне объектов. Так, пищевая потребность

животных может быть зафиксирована на определенном виде пищи настолько жестко, что замена вида питания ведет к отказу от еды, истощению организма и гибели. Более того, даже способ приема пищи, став привычным, может воспрепятствовать питанию.

Лоренцу принадлежит следующее наблюдение за птенцами-сорокопутами. *«Когда кто-нибудь есть в комнате, птенцы склонны продолжать выпрашивание пищи, даже если они достигли того возраста, когда способны питаться самостоятельно. И вот однажды я уехал на мотоцикле на четыре дня, и в течение этих четырех дней молодые сорокопуты были в моей комнате предоставлены самим себе. Они отлично кормились самостоятельно и к моменту моего возвращения были совершенно здоровыми, гладкими и жирными. У меня в то время была важная работа, и я сидел все время за своим письменным столом, а сорокопуты, находились в своей клетке и непрерывно клянчили у меня пищу. Тогда я сказал им: «Постыдитесь! Вы уже в течение этих четырех дней доказали мне, что можете самостоятельно питаться, и я не собираюсь вас больше кормить». Во вторую половину дня я обратил внимание на то, что сорокопуты стали какими-то жалкими и не съели ни одного кусочка. Дело в том, что реакция выпрашивания пищи все еще не давала им питаться самостоятельно, и они бы умерли с голоду, потому что я сидел в комнате, в то время как продолжали бы прекрасно расти и развиваться, если бы я отсутствовал»*.

Имея в виду человека, следует признать типичным, что не только способы потребления, но и сами предметы потребности производятся обществом. *«До появления шоколада*, – отмечал в этой связи А.Б. Леонтьев, – *не было никакой «шоколадной» потребности»*. Имея в виду акт «встречи» субъекта с потенциальным объектом его потребности, говорят об опредмечивании потребности.

Фиксация потребности на объекте может быть источником роста и развития личности, но может быть и причиной болезненных отклонений. Так, само собой разумеется, что нет никакой врожденной потребности в табаке, алкоголе, наркотиках. Подобные потребности фиксируются в индивидуальном опыте, однако их «предметы» задаются общественным производством. Примеры опредмечивания потребностей могут быть взяты также из сферы межличностных отношений. Здесь также заключены источники роста личности (когда, например, предметом потребности является значимый другой человек, способный к ответному чувству) и невротических отклонений (что бывает при неудовлетворенной любви, неотреагированной обиде). В последнем случае иногда говорят о невротической «фиксации» на объекте.

Феномен опробования цели действием

Часто считают цель предшественницей действия. Менее очевидна противоположная зависимость. Между тем ее легко представить, проделав следующий мысленный эксперимент. Положим, человек впервые совершает прыжок в условиях изменения силы тяжести – «прыжок на Луне». Требуется заранее указать место, где он окажется после прыжка. Вопрос состоит в следующем: можно ли без предварительных попыток задать цель действия, то есть в данном случае положение в пространстве, которого намерен достичь субъект. На первый взгляд, да, ибо в момент действования (прыжка) он будет исходить из определенного намерения очутиться в намеченном месте. Но «поставленная» таким образом «цель», очевидно, нереалистична; такова лишь «ориентировочная» цель действия. Подлинная цель может быть поставлена лишь тогда, когда человек приобрел определенный опыт действования. Необходимо опробование цели действием (А.Н. Леонтьев). Здесь, как и в случае опредмечивания потребностей, внутренний процесс целеобразования опосредствуется выходами человека в план внешнего функционирования, опирается на опыт действования вовне.

Феномен функциональной фиксированности

При исследовании мышления людей было показано, что многократное использование какого-либо объекта как инструмента решения тех или иных проблем ведет к психологическому закреплению за ним соответствующей функции – функциональной фиксированности.

В так называемых задачах на сообразительность условия содержат ловушку: предметы ассоциируются с типичными способами их использования, а для решения требуется найти их новое функциональное значение, новую роль.

Простой пример иллюстрирует сказанное. Задача: «Вы находитесь на крыше высотного здания. У вас в руках барометр и хронометр. Определите высоту здания». Решение: «Бросьте вниз барометр и засеките время». Барометр в этой задаче должен выступить в неспецифической функции – просто как падающая вещь, к которой приложима формула расчета высоты по ускорению свободного падения и времени. Как и в предшествующих двух случаях (опредмечивание потребности, опробование цели действием), явление функциональной фиксированности выражает зависимость внутренних факторов активности от ее внешних проявлений, в данном случае – роль практического опыта в построении инструментальной основы активности.

Как можно было убедиться, внешние и внутренние образующие активности взаимопроникают друг в друга, внутреннее не только проявляется во внешнем, но и формируется в нем. Активность как деятельное состояние человека есть целостность, связывающая воедино процессы, протекающие во внутреннем плане

(становление мотивов, целей, схем действования) и в плане поведения (деятельность, действия, операции).

Своеобразие этой динамической системы проявляется в том, что она сама пребывает в движении, объединяя в себе множество динамических проявлений, обнаруживает свою собственную динамику, или, иначе говоря, обладает свойством самодвижения.

Самодвижение активности

Собственная динамика активности человека проявляется в двух основных формах.

Одной из них являются взаимопереходы между такими образующими активности, как деятельность, действия и операции. Имеется в виду, что между мотивами, целями, ориентирами построения человеком своих взаимоотношений с миром существуют отношения взаимопреемственности. Примером может служить превращение мотивов деятельности в ее цели. Так, книга, купленная для подготовки к экзаменам, может оказаться интересной сама по себе. Происходит то, что принято обозначать как «сдвиг мотива на цель». Встречаются и противоположные превращения. То, что еще недавно мотивировало активность, теряет непосродственную привлекательность, занимает положение промежуточной цели. *«Было дружбой – стало службой»*, – писала М. Цветаева об утрате любви... И цели деятельности, подобно мотивам, подвержены превращениям в единицы более мелкие и конкретные при автоматизации действия, а ориентиры выполнения шаблонных операций, в свою очередь, могут возвысить свой ранг до положения промежуточных целей деятельности, если последняя сталкивается с затруднениями.

Другой формой проявления собственной динамики активности человека является надситуативная активность. Феномен надситуативной активности заключается в том, что человек свободно и ответственно ставит перед собой цели, избыточные по отношению к исходным требованиям ситуации.

Примером надситуативной активности могут послужить факты из экспериментов В.И. Аснина. В комнате две девочки, одна школьного, другая дошкольного возраста. Старшей надлежит справиться с очень простой задачей. Она должна достать предмет, лежащий посреди стола на таком расстоянии от краев, огороженных невысоким барьером, что дотянуться до него непосредственно рукой нельзя; для этой цели достаточно воспользоваться здесь же лежащей палочкой. Школьница ходит вокруг стола, совершает то одну, то другую пробу, а задача все не решается. Меньшая сначала молча наблюдает, а потом начинает подавать совет за советом: «подпрыгнуть» (подсказка явно неудач ная), «воспользоваться палочкой» (то единственное, что может спасти положение), наконец, сама берет палочку и пытается достать предмет. Однако

старшая немедленно отбирает у нее это «орудие», объясняя, что достать палочкой нетрудно, что «так всякий может». В этот момент в комнате появляется экспериментатор, которому испытуемая заявляет, что достать со стола предмет она не может. Интересно, что девочка сознает возможность пользоваться палочкой, но в случае, если использует ее как инструмент достижения цели, избегает условленного вознаграждения (например, как бы случайно забывает награду на столе). Поиск неординарного решения в этом примере выступает как проявление надситуативной активности – действования над порогом требований ситуации.

Среди проявлений надситуативной активности особое место занимает феномен активной неадаптивности (В.А. Петровский). В чем суть этого феномена? Обстоятельства жизни человека таковы, что только в редких случаях можно гарантировать точное соответствие между целями, которые он преследует, и достигаемыми результатами. Строго говоря, гарантии такого рода суть иллюзии, за которые приходится платить. Основатель экспериментальной психологии Вундт в качестве общего закона психической жизни сформулировал закон «гетерогонии целей», согласно которому человек всегда достигает чего-то иного, чем то, что входило в его первоначальные намерения. Дорого расплатился один из персонажей романа М. Булгакова, Берлиоз, за свою уверенность в том, что его планы осуществятся, когда другой персонаж, Воланд, усомнился в его прогнозах. Если от литературных примеров перейти к специальным исследованиям, то выяснится, что эффект непредсказуемости последствий действия характеризуется не только избыточностью, но и противоположностью результатов активности исходным ее мотивам.

Иначе говоря, результаты активности человека неизбежно неадаптивны. «Есть болезнь, от которой умирают все, это жизнь». Такова бесспорная, хотя и печальная истина.

Не только в сфере своих витальных контактов с миром, но и в познании, созидании, общении, само познании человек неизбежно выходит за границы предустановленного, порождает последствия, озадачивающие его несовпадением с первоначальными побуждениями. Отсюда и принцип «недеяния», принятый в ряде восточных учений. Иной подход заключается в том, что человек вполне сознательно («ответственно и свободно») ставит перед собой цели с непредрешенным исходом. Более того, постановка такой цели мотивирована самой возможностью промаха. В таком случае, как это ни парадоксально, человек ощущает себя подлинным субъектом происходящего, хотя успех достижения цели – не гарантирован!

Среди явлений активной неадаптивности известен феномен «бескорыстного риска».

Перед испытуемыми была поставлена задача действовать точно и безошибочно, самостоятельно выбирая цель и стремясь, не промахнувшись, попасть в нее. Цель разрешено выбирать где угодно в пределах заданного в

эксперименте пространства, в котором, однако, существует опасная зона. Случайное попадание в нее чревато наказанием. Выяснилось, что некоторые испытуемые, хотя их никто и ничто к этому, казалось бы, не принуждает, стремятся работать в непосредственной близости к опасной зоне, рискуя неблагоприятными последствиями любого случайного промаха. Другие же в этой же ситуации не позволяют себе подобного риска, выбирая цели, значительно удаленные от зоны опасности. Многократное повторение и варьирование эксперимента позволили сделать вывод о выраженности у первой группы склонности к бескорыстному риску.

В последующих экспериментах было установлено, что люди, способные к «риску ради риска», гораздо чаще встречаются среди монтажников-высотников, монтеров высоковольтных линий и др.

Экспериментально показано также, что лица, обнаруживающие способность к ситуативному риску, склонны рисковать «ради риска». Однако испытуемые, не продемонстрировавшие при исследовании бескорыстный риск, как правило, не рискуют в ситуации, когда ожидаемый выигрыш не больше ожидаемой неудачи. Склонность к бескорыстному риску, которую можно обнаружить в психологическом эксперименте, то есть в результате краткого испытания, позволяет, таким образом, прогнозировать волевые действия людей в ситуации действительной опасности. С помощью рискометра удается осуществить оптимальную расстановку людей в пожарной команде, выдвинув не склонных к риску людей для работы не в зоне огня, а на обеспечении средствами для тушения пожара вне опасной зоны.

Как мы видели, категория действия, подобно другим категориям психологической науки, формировалась под влиянием тех способов анализа поведения, которые были заданы биологическими способами анализа, с одной стороны, социокультурными – с другой. В биологическом плане в становлении этой категории существенную роль сыграли декартовское открытие рефлекторной природы поведения и дарвиновское объяснение инстинкта как продукта эволюционного процесса. Применительно к внутренней структуре действия как проекции активности субъекта предпосылкой ее обучения стала социокультурно обусловленная индивидуализация личности, ее рефлексия о своей способности быть инициатором действия. В тех случаях, когда эта способность соотносится с социальным опытом и реализуется в системе ценностей, действие становится поступком. В этом случае обнажится внутренняя связь категории действия с категориями отношения и личности.

Глава 15

КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ

Проблема отношения в теории и эксперименте

Ориентация на естественные науки определяла развитие представлений об образе, мотиве, действии как главных переменных поведения. Но сколь перспективной ни была эта ориентация, она оказывалась недостаточной перед лицом собственно человеческих форм жизнедеятельности.

Уже в древности размышление о своеобразии этих форм побудило судить о человеке как об особом животном, а именно – «политическом» (Аристотель). С тех пор многие мыслители высказывались в том духе, что социокультурные факторы придают людям облик, принципиально отличающий их от других живых существ.

Биологическое и социальное в психике человека

Концепции, сложившиеся в философии, являлись изначально дуалистическими. В них сфера культуры, социальных отношений возводилась в бытие особого рода, внеположное остальной действительности. В результате человеческая психика расщеплялась на сущности, причастные двум изолированным мирам – природному и культурному. Детерминации естественной противополагалась детерминация духовная. По одну сторону пропасти оказывался (ставший объектом экспериментального изучения) «организменный» человек, свойства которого ограничивались его способностью воспринимать и запечатлевать физические стимулы, отвечать на них мышечными реакциями и т.д. По другую — особое бестелесное существо, психические акты которого объяснялись имматериальными социокультурными силами.

Эта ситуация отразилась в концептуальных схемах Вундта. Предусматривалось, что следует различать не одну, а две психологии – «естественнонаучную» (naturwissenschaftliche) и «культурно-научную» (geistes-wissenschaftliche). Сходные идеи развивал немецкий философ-идеалист В. Дильтей, выражавший уверенность, что над психологией «объяснительной», для которой образцом служат законы механики (их аналогом считался принцип ассоциации), возьмет верх психология «описательная» и «понимающая», занятая

изображением в особых понятиях форм общения между личностью и культурой.

Идея двух психологии – «биотропной» (ориентированной на биологию) и «социотропной» (ориентированной на социологию) – надолго укоренилась в исследованиях человеческого поведения. Уже в начале XX столетия эта идея не только декларируется, но и приобретает рабочий смысл, поскольку стимулирует эмпирическое изучение психических проявлений. Начинает выходить десятитомная «Психология народов» Вундта, где рассматривались применительно к психологическим проблемам такие культурно-этнические феномены, как язык, миф, обычай. Предпринимается попытка реализовать и дильтеевский проект «понимающей» психологии . Она принадлежала Э. Шпрангеру, выделившему в книге «Формы жизни» (1913) шесть типов людей соответственно их ориентации на различные области культуры (науку, эстетику, экономику, религию, политику, общение с другими).

В этот же период во Франции под воздействием учения Э. Дюркгейма нарастает стремление объяснить интеллектуальные процессы с точки зрения их социальной обусловленности. Л. Леви-Брюль в книге «Умственные функции в низших обществах», анализируя по памятникам культуры строй мышления людей, принадлежащих к отсталым в культурно-экономическом отношении обществам, вычленил особые познавательные структуры – «коллективные представления», которые, по мнению автора, детерминируют поведение индивидов в этих обществах.

В Англии в 1898 году снаряжается Кембриджская антропологическая экспедиция для изучения с помощью новых экспериментально-психологических методов характера «диких» народов. В составе экспедиции был психолог Макдугалл, опубликовавший впоследствии книгу «Введение в социальную психологию» (1908), которая стала на два десятилетия главным учебным пособием по этому предмету в американских колледжах. Макдугалл считал, что движущими силами поведения людей являются социальные инстинкты (стадности, страха, самоутверждения), которые он понимал как изначально заложенные в организме побуждения, направляющие к определенным целям[31].

Психология зарождалась как наука о душевных проявлениях отдельного индивида, и это определило исходный уровень разработки ее категориального аппарата. На рубеже XX века возникла тенденция к тому, чтобы перейти к изучению психологического аспекта социальных объединений, связей и структур. Новый «культурологический» подход к психике складывался под влиянием крупных социально-экономических сдвигов, происходивших в мире.

Общей для всех складывавшихся в этот период концепций являлась идея об особой сверхиндивидуальной психике, первичной и определяющей по отношению

[31] *Иногда концепцию Макдугалла называют «гормической психологией» (от. греч.* horme *– побуждение).*

к умственным и волевым процессам отдельного индивида. Эта идея проводилась в различных формах в Германии, Франции, Англии соответственно особенностям и традициям развития философско-научной мысли в этих странах.

Англичанин Макдугалл, например, опирался в своей социально-психологической концепции на дарвиновский вывод о том, что сложившиеся в ходе естественного отбора инстинкты обеспечивают выживание вида.

Немецкие авторы в разработке понятия о сверхиндивидуальной психике отправлялись не от Дарвина, а от Канта, Фихте, Гегеля, Гумбольдта. Учение о надындивидуальном разуме, воплощающемся в национальной культуре, языке и государственности, привело в Германии к представлению о «душе», или «духе», народа как особой сущности, которая определяет впечатления и переживания индивида.

Во Франции исследования зависимости индивидуального сознания от общественного вдохновлялись идеями Огюста Конта, призвавшего создать особую науку о социальных фактах – социологию.

Призыв Конта первоначально получил отзвук в работах Г. Спенсера, который попытался объяснить эти факты в терминах эволюционной биологии. В противовес ему Дюркгейм настаивал на том, что социология должна быть не биологической, а именно социологической. С этих позиций Дюркгейм критиковал популярное тогда во Франции учение Тарда о том, что ключом к социальным тайнам служит психологический механизм подражания (имитаций). Тард, в свою очередь, выступал против так называемой итальянской школы (Ломброзо и другие), объяснявшей общественные явления биологическими факторами (наследственностью).

Согласно Дюркгейму, человеческий мир отличается от природного, но его законы не могут базироваться на психологических принципах, которые (как полагал Дюркгейм, не представлявший иной психологии, кроме ассоциативной) одни и те же для людей всех времен и народов. В реальности же существует множество обществ и культур, развивающихся на собственных основаниях. Социальное, по Дюркгейму, так же невозможно сводить к психическому, как само психическое – к физиологическому. Подобно тому, писал Дюркгейм, как вы не можете определить вклад каждой нервной клетки в образ, вы не можете определить вклад индивида в коллективное представление.

Социальные факты при этом рассматривались не только как независимые от индивидуального сознания, но и как внешние по отношению к нему. На роль ключевой категории новой дисциплины Дюркгейм выдвинул «коллективные представления». Речь шла именно о представлениях, т. е. интеллектуальных образованиях. Им, однако, в отличие от традиционного взгляда на психическое, придавался надындивидуальный статус. Тем самым предполагалась их доступность для объективного наблюдения и анализа, и это, согласно Дюркгейму, обещало поставить социологию в один ряд с науками о внешнем мире.

Новые единицы анализа — «коллективные представления» — напоминали о

категории образа, успешная разработка которой определялась достижениями физиологии органов чувств и экспериментальной психологии. Но Дюркгейм резко выступил против принятых в психологии воззрений на компоненты и структуру сознания. «Коллективные представления», согласно Дюркгейму, являют собой независимые по отношению к индивиду сущности, извне входящие в субъективный мир человека и принуждающие его действовать в заданном социумом направлении.

Как же в таком случае соотносится в голове отдельного человека индивидуальное и социальное? К решению этого вопроса было привлечено внимание исследователей человеческого поведения в его отличии от животного. Их усилия сосредоточиваются на объяснении социализации как процесса подчинения индивидуальной психики общественным нормам и императивам. В частности, работы Пиаже и его школы имели первоначально своей предпосылкой дюркгеймовский, дуалистический подход к структуре человеческого сознания.

Дуализм и интеллектуализм Дюркгейма отвергли такие французские психологи, как Пьер Жане, Шарль Блондель, Анри Валлон и другие. Социальное, с их точки зрения, – не внешняя сила, под давлением которой трансформируется внутренняя жизнь личности, имеющая якобы независимую от социального природу, но первичная детерминанта психических актов этой личности (причем не только интеллектуальных, выраженных в представлениях, но и двигательных, аффективных и т.д.). Общество творит индивида уже на уровне простейших форм поведения, когда, вступая в мир человеческих отношений, ребенок воспроизводит этот мир – посредством вначале практических, затем умственных действий. Это направление исследований намечало новые способы объяснения человеческой психики, соотносимой теперь не с абстрактно-физической или биологической, а с культурно-исторической средой.

Индивидуальное сознание включалось в социальный контекст. Поиски в новом направлении свидетельствовали, что назревают важные сдвиги в структуре научно-психологического познания. Уже сложившиеся компоненты этой структуры не удовлетворяли исследователей социально-психологических аспектов человеческого поведения. Возникает потребность преодолеть антагонизм индивидуального и социального, который был характерен для картины человека у Дюркгейма, Фрейда и других.

Критикуя Дюркгейма и Фрейда, Жане развивал мысль о том, что первичным является реальное действие, производимое в условиях сотрудничества между людьми. В дальнейшем, по Жане, это действие из реального становится вербальным, сокращается, переходит во внутренний план – план беззвучной (внутренней) речи и наконец превращается в кажущийся бесплотным умственный акт. Все внутренние операции суть преобразованные внешние, притом – подчеркнем еще раз – совершаемые, согласно Жане, не изолированными персонажами, а индивидами в ситуации сотрудничества.

Введение фактора сотрудничества в характеристику действия предвещало сдвиг в системе психологических категорий, которая до того оттачивалась на исследовании процессов поведения и сознания у отдельных индивидов.

В групповом акте сотрудничества имелся особый аспект, приводивший к выводу о том, что во взаимодействии индивидов присутствует не только социологическая основа (на которую указывали дюркгеймовские «коллективные представления»), но также психологическая, не сводимая к уже известным психологическим понятиям. Ведь «коллективные представления» и другие социологические новшества касались общественного сознания, а не индивидуального. Характеризовались социальные нормы, но не отношение к ним отдельного лица. Между тем это отношение, проявляющееся в поведении (внешнем и внутреннем) конкретной личности, представляет такую же реалию человеческого существования, как и сами общественные связи и институты.

Долгое время психические процессы экспериментально изучались на изолированном индивиде. Но уже в конце прошлого века были предприняты первые попытки проверить в лабораторных условиях влияние воздействий других людей (помимо экспериментатора) на реакции индивида. Сравнивалась, в частности, быстрота выполнения простейших заданий подростками в двух ситуациях: когда они работают порознь и когда соревнуются. Экспериментатор предполагал, что само по себе восприятие других детей, занятых той же работой, служит стимулирующим («динамогенным») фактором. И действительно, половина испытуемых в условиях группы показала лучшие результаты; однако у части (25 %) детей показатели ухудшились. И этот факт не могла объяснить популярная в то время концепция идеомоторного акта, которой руководствовался в описанных опытах экспериментатор, предполагавший, что «идея» (восприятие каждым из испытуемых движений своих сверстников) непременно оказывает «динамогенное» влияние.

Почему же у части подростков соревнование с другими детьми снизило результаты? Здесь на поведение повлиял психосоциальный фактор. Подростки заняли определенную позицию по отношению к группе. Они стремились к лидерству, что отрицательно сказалось на эффективности их действий. Стало быть, не образ («идея»), а отношение выступало в качестве детерминанты двигательного эффекта.

«Значимый другой» в системе межличностных отношений

Взаимодействие людей может быть эффективным лишь в том случае, если его участники являются взаимно значимыми. Безразличие и слепота к индивидуальным особенностям и запросам партнера, игнорирование его внутреннего мира, оценок, позиции искажают результат взаимовлияния, тормозят, а порой и парализуют само взаимодействие. Именно поэтому в современной психологии с особой остротой встает проблема «значимого другого».

Если обратиться к истории вопроса, то нетрудно выстроить развернутую во времени цепочку нарастания заинтересованности проблематикой значимых отношений, первые знания о которой на десятилетия предваряют 30-е годы нашего столетия, когда во многом усилиями американского ученого Г. Салливана в психологическом лексиконе прочно утвердилось понятие «значимый другой». С этой точки зрения имена У. Джеймса, Ч. Кули, Г. Салливана, Г. Хаймана как бы символизируют качественные точки в континууме, отражающем поступательное движение научной психологической мысли от момента зарождения проблематики значимых отношений до периода 30-х – 40-х годов, когда она стала одной из ключевых в психологии. Понятно, что условные промежутки между этими ориентирами легко могут быть заполнены работами других, куда более многочисленных исследователей.

Несмотря на интенсивную разработку проблематики значимых отношений остается открытым вопрос: какие характеристики личности ответственны за преобразования, которые она производит в мотивационно-смысловой и эмоциональной сферах субъекта? Важно понять, что реально значимо для других людей, на которых он так или иначе влияет. Имеются в виду не узкоиндивидуальные характеристики этого «значимого другого» (например, его характер, интересы, темперамент и т. п.), а его представленность в тех, с кем он имеет дело, т. е. собственно личностные проявления. По существу, этот вопрос связан с проблемой научного определения критериев значимости другого, т. е. оснований, позволивших бы четко и обоснованно дифференцировать именно тех партнеров по взаимодействию и общению, которые являются действительно значимыми для человека, и тех, кто не может на это претендовать.

В 1988 году А.В. Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого».

Первый фактор – авторитет, который обнаруживается в признании окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. За этой важной характеристикой стоят фундаментальные качества индивидуальности человека, которые позволяют окружающим полагаться на его честность, принципиальность, справедливость, компетентность, практическую целесообразность предлагаемых им решений. Если вести отсчет от исходной точки «О» к «Р» (рис. 1), то можно было бы, в случае точного измерения, зафиксировать множество состояний нарастаний этой представленной личности, иными словами, градации усиления «власти авторитета». Впрочем, авторитет – лишь высшее проявление этого типа позитивной значимости человека для других людей, и поэтому обозначим этот вектор более осторожно, как референтность Р+. Вместе с тем существует и прямо противоположное позитивной референтности качество, то, что можно было бы условно назвать «антиреферентностью». Если, к примеру, обладающий таким негативным качеством человек порекомендует своему знакомому посмотреть

некий кинофильм или прочитать книгу, то именно из-за похвал и оценок этого человека и книга не будет прочитана, и кинокартина не вызовет у него интереса. Обозначим антиреферентность Р–. Его крайняя точка выражает максимальное и категорическое неприятие всего, что исходит от негативно значимого человека. В некоторых случаях при этом «с порога» могут отвергаться и вполне разумные, доброжелательные его советы и предложения.

Второй фактор – эмоциональный статус «значимого другого», его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызвать симпатию или антипатию – то есть аттракция. Эта форма репрезентации личности может не совпадать с феноменами референтности или авторитетности, которые в наибольшей степени обусловлены содержанием совместной деятельности. Однако их значение в структуре личности «значимого другого» не следует недооценивать: враг в известном смысле не менее значим для нас, чем друг, эмоциональное отношение к человеку может не способствовать успеху совместной деятельности, деформировать ее. На рис. 1 аттракция представлена множеством эмоциональных установок, располагающихся по нарастанию от точки «О» как к точке «А+», так и в противоположном направлении – к точке «А–».

Третий фактор репрезентативности личности — властные полномочия субъекта или статус власти. Как это ни парадоксально, но генерал менее значим для солдата, чем сержант, с которым рядовой взаимодействует непосредственно. Разрушение той или иной организации автоматически отключает механизм

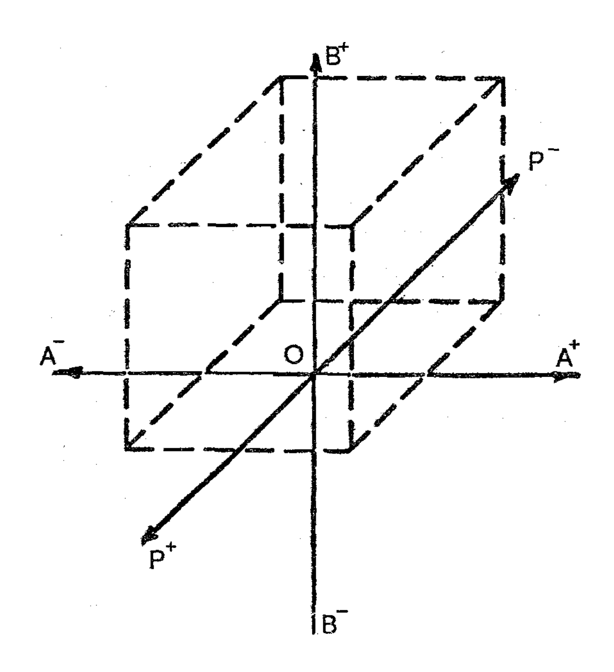

Рис. 1.

Трехфакторная модель «значимого другого» по А.В. Петровскому

действия статусных отношений. Выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев. Это происходит, разумеется, если его служебный статус не сочетался с более глубинными личностными характеристиками — референтностью и аттракцией. Примеры подобного «низвержения с Олимпа», а следовательно, утраты значимости конкретного лица может привести каждый. Но пока статус индивида достаточно высок, он не может не быть «значимым другим» для зависимых от него лиц. У него в руках не «власть авторитета», но «авторитет власти». На рис. 1 возрастание статусных рангов получает отражение на векторе, ориентированном условной точкой «B+».

В то время как в одном направлении от исходной точки властные полномочия усиливаются, в другом нарастает прямо противоположный процесс все большей дискриминации «значимого другого» (здесь понятие «значимость» приобретает весьма специфический смысл – так может быть «значим» раб для господина, поскольку под угрозой жестокого наказания будет выполнять прихоти последнего). Обозначим подобную статусность «B–». По сути дела речь идет о том, что в случае «плюсовой» B-значимости с полным основанием можно говорить о субъектной значимости другого (субъект влияния), а в ситуации «минусовой» B-значимости — о его объектной значимости (объект влияния).

Построив модели «значимого другого» в трехмерном пространстве, мы получаем необходимые общие ориентиры для понимания механизмов взаимодействия людей в системе межличностных отношений. Таким образом, открываем для себя возможность более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе. В качестве примера построим несколько позиций в пространстве позитивных значений выделенных нами критериев значимости (рис. 2). Для обозначения их с целью возможной наглядности приходится прибегать к метафорам.

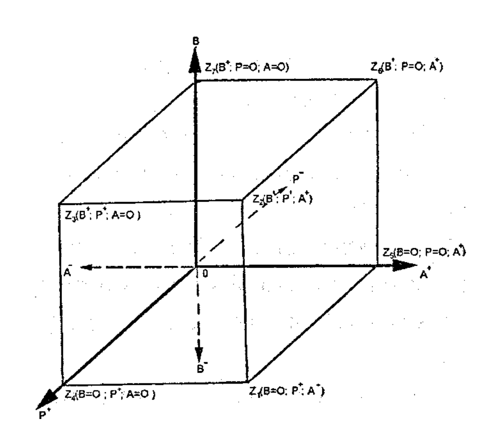

Рис. 2.
Пространство «значимости».
Условные обозначения: A – аттракция, B – власть,
P – референтность, Z_1–Z_7 – позиции «значимого другого»

Позиция «Z_1» – «кумир». Некто наиболее эмоционально привлекательный, обожаемый, непререкаемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом (В=0; Р+; А+).

Позиция «Z_2» – «божество». Те же характеристики, которыми наделен окружающими «кумир», но при этом высочайшие возможности влияния на судьбу человека, которые дают ему прерогативы власти (В+; Р+; А+).

Позиция «Z_3» – «компетентный судья». Высокостатусный по своей социальной роли и авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и неантипатичный (В+; Р+; А=0).

Позиция «Z_4» – «советчик-компьютер». Этот человек не располагает высокой властной позицией, он несимпатичен, хотя и неантипатичен для окружающих, но, тем не менее, последние подчиняются ему или, во всяком случае, считаются с его решениями, понимая, что в данной области он реальный авторитет и, отказываясь от его советов и рекомендаций, можно проиграть (В=0; Р+; А=0).

Позиция «Z_5» – «деревенский дурачок». Не располагающий статусом по своей социальной роли, глупый, но при этом симпатичный человек (В=0; Р=0; А+).

Позиция «Z_6» – «заботливый начальничек», обладающий властью руководитель, который вызывает у работающих с ним сотрудников благодарность за доброжелательное отношение, но профессионально не компетентный и потому не референтный. Авторитет его личности минимален, что легко обнаруживается в случае утраты им служебного положения (В+; Р=0; А+).

Позиция «Z_7» – «кондовый начальник» – субъект, наделенный властными полномочиями, но не авторитетный для окружающих; беззлобный, в связи с чем не вызывает ни симпатий, ни антипатий (В+; Р=0; А=0).

Понятно, что описанные выше позиции не охватывают возможности, которые могли бы быть включены в полную модель «значимого другого». Рассмотренные несколько случаев – лишь частная иллюстрация эвристичности предлагаемого подхода. Так, например, в его рамках находят место и характеристики, связанные с антипатией, антиреферентностью и даже с «антистатусностью» личности, ее полным бесправием, фактически рабским положением, потерей не только власти, но и элементарной свободы действий. К счастью, в настоящее время в окружающей нас действительности последний случай встречается не слишком часто. Хотя, к примеру, положение «отверженный» («опущенный») в исправительно-трудовой колонии дает известные основания говорить именно о полной беззащитности и рабской покорности. Заметим, что прошлое открывает широкие возможности для отыскания параметров «значимого другого», являющегося заведомо безвластным, но и обладающего высокими значениями по выраженности других и, в частности,

позитивных факторов. Так, ученые типа С.П. Королева, являясь заключенными в бериевской «шарашке», при заведомом бесправии могли иметь и имели высочайшую референтность для начальника, поскольку от их творческих решений зависела его карьера и судьба. Это противоречие между статусом власти и авторитетом хорошо показано А.И. Солженицыным в книге «В круге первом».

Важность выделенных параметров определяется двумя обстоятельствами: во-первых, представлением о необходимости и достаточности именно этих характеристик «значимого другого», без учета которых нельзя понять сущность межличностных отношений; во-вторых, потому, что эта гипотеза ориентирована на получение необходимых данных для каждого конкретного случая значимости — и реализуемые властные полномочия, и референтность, и аттракция доступны для измерительных процедур.

Последнее обстоятельство позволило экспериментально подтвердить эвристичность трехфакторной модели «значимого другого», которая первоначально носила гипотетический характер.

Так, например, в одной из экспериментальных работ (М.Ю. Кондратьев) трехфакторная модель, будучи использована в качестве теоретического алгоритма исследования статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.), позволила выявить ряд важных социально-психологических закономерностей. В результате была получена развернутая картина межличностных отношений воспитанников как в их среде, так и при взаимодействии с воспитателями.

Подросток в этих условиях заведомо признает властные полномочия представителя вышестоящего статусного слоя и безоговорочно ему подчиняется. Но, как правило, этот человек подростку антипатичен (В+; Р+; А−). Для высокостатусного же воспитанника «опущенный» не только не является «значимым другим», но и нередко вообще не воспринимается как личность, наделенная индивидуальными особенностями и способная к самостоятельным поступкам, его мнение не принимается во внимание, а образ негативно окрашен (В−; Р=0; А−).

Таким образом, определяющей для характеристики отверженного члена этой группы является роль невольной и постоянной жертвы, которая ему уготована в этой общности.

Все это дает основания более подробно остановиться на одной из форм репрезентации «значимого другого» — ролевом поведении.

Концепция ролевого поведения

В Соединенных Штатах Америки в период зарождения бихевиоризма складывалась концепция ролевого поведения, разработанная философом

Джорджем Мидом. Основанное Мидом направление не имеет определенного названия. Для его обозначения иногда используют такие термины, как «теория ролей» или «чикагская традиция» (поскольку ее лидеры – Мид, Дьюи и Парк – работали в Чикагском университете). Учитывая своеобразие подхода Мида, мы называем его концепцию теорией ролевого поведения.

Согласно ортодоксальному бихевиоризму, поведение строится из стимулов и реакций, связь которых запечатлевается в индивидуальном организме благодаря полезному для него эффекту. По Миду же, поведение строится из ролей, принимаемых на себя индивидом и «проигрываемых» им в процессе общения с другими участниками группового действия.

Мид начал с положения о том, что значение слова для произносящего его субъекта остается закрытым, пока последний не примет на себя роль того, кому оно адресовано, т. е. не установит отношения с другим человеком. Перейдя от вербальных действий к реальным социальным актам, Мид применил тот же принцип, что и в трактовке речевого общения: человек не может произвести значимое, всегда адресованное людям действие, не приняв на себя роли других и не оценивая собственную персону с точки зрения других.

Принятие на себя роли и ее «проигрывание» (имплицитное или эксплицитное) — это и есть отношение, в отличие от тех сторон психической реальности, которые фиксируются в категориях образа – действия – мотива. Нераздельность различных сторон этой реальности обусловливает их внутреннюю взаимосвязь.

Отношение выражено в действиях, предписанных «сценарием» роли и мотивированных интересами участников социального процесса, и предполагает понимание ими (представленность в форме образа) значения и смысла этих действий. Иначе говоря, отношение невозможно вне образа, мотива, действия, равно как и они на уровне человеческого бытия немыслимы без отношения. Так обстоит дело в реальности. Но чтобы эта реальность раскрылась перед научной мыслью и стала ее предметом, потребовался длительный поиск. В ходе поиска удалось освоить наиболее крупные «блоки» психического, в частности, отчленить отношение от других разрядов психических проявлений и только тогда соотнести его с ними.

Уже в 50-е годы близость к теории ролевого поведения обнаруживает популярная как на Западе, так и в России концепция трансактного анализа Э. Берна. Отправляясь от идей психоанализа, Э. Берн выделял три «эгосостояния» людей в их отношении друг к другу («взрослый», «родитель», «ребенок»). Согласно его концепции в каждый момент жизни каждый человек находится в одном из «эгосостояний», определяющих его отношение к другим людям. Понятие «трансакция» применялось для характеристики отношения «эгосостояний» вступающей в общение диады. Вступая в отношения и взаимодействие с другим человеком, индивид находится в одном из «эгосостояний». «Взрослый» как «эгосостояние» обнаруживает компетентность,

рациональность, независимость; «родитель» – авторитарность, запреты, санкции, догмы, советы, заботы; «эгосостояние» «ребенок» содержит аффективные реакции, непосредственность, импульсивность. В различных обстоятельствах индивид может проявлять различные «эгосостояния», и на этой основе строятся его отношения с другими людьми.

Наряду с «этосостояниями» Э. Берн ввел понятие «игра», используя его для обозначения различных способов манипулирования людьми. Концепция трансактного анализа описывает множество игр, с помощью которых вступающие в определенные отношения люди пытаются управлять поведением партнеров.

В трансактном анализе теория ролевого поведения оказывается существенно продвинутой и операционализированной, найдя применение в психотерапии и детской психологии. Однако социальная природа личности также мало может быть раскрыта исходя из теории ролевого поведения, как и из учения о «коллективных представлениях». Нельзя проникнуть в эту природу, игнорируя общественно-историческую практику. Подобно тому, как Дюркгейм своим апсихологизмом, оказавшимся неприемлемым для научного объяснения человеческого поведения, побудил, тем не менее, искать пути разработки категории отношения (показателен в этом смысле трансактный анализ), так присущая жидовскому мышлению неразработанность категории личности порождала неудовлетворенность ролевым редукционизмом, игнорированием личностного начала человеческой активности. Назревала потребность расчленить коммуникативное (ролевое) и личностное.

Потребовались усилия огромного числа ученых, работающих в области социальной психологии, чтобы отыскать решения, позволяющие вскрыть сущность социальных межиндивидных отношений и общения людей в связи с пониманием личности как психологической категории. Однако для этого социальная психология должна была обрести статус экспериментальной дисциплины.

Программно-ролевые отношения в научной группе

В науке как форме деятельности складываются особые отношения между ее творцами. Научное знание является продуктом группового творчества. Сплачивающим группу фактором служит ее исследовательская программа. Она представляет собой сложное, системное образование, в котором можно выделить три аспекта: исторический, социальный, личностный.

Программа отражает запросы логики развития науки. Так, на рубеже XIX–XX столетий логика развития психологии выявила ограниченность программы Вундта с ее интроспективным методом. В противовес ей возник цикл других программ: гештальтпсихология, бихевиоризм, программа Сеченова, программа Фрейда, программа Кюльпе и др. Коммуникативные отношения

складываются как внутри групп, сплоченных общей программой, так и между самими группами. Наконец, программы создаются и разрабатываются конкретными учеными, которые различаются личностным складом (мотивацией, способами общения, когнитивным стилем, особенностями характера и др.).

Ученые, образующие группу, исполняют различные функции (роли), в частности, такие, как генератора идей, эрудита, критика. Творчество предполагает «запрет на повтор» в отношении того, что уже открыто, и поэтому ученый призван исполнять роль генератора идей. Определить их новизну можно не иначе, как сопоставив с наличным ресурсом знаний, а для этого необходимо им сперва овладеть, исполнив роль эрудита. В то же время вновь добытые факты и теории требуют проверки, сравнения с другими, критической апробации. В данном случае ученый выступает в роли критика. Указанные три функции образуют своего рода «ролевой ансамбль». Отдельные ученые могут исполнять одну из этих ролей успешнее, другие являются, например, блестящими эрудитами или острыми критиками, но, в меньшей степени, генераторами идей. Программно-ролевой подход (предложенный М.Г. Ярошевским) позволяет изучить функцию психологической категории отношения в системе развития науки.

В структуре современных больших научных организаций функционируют малые группы, сплоченные исследовательской программой. В то же время между членами группы зачастую возникают конфликтные отношения, которые принято интерпретировать как антипод сплоченности. Поскольку, однако, процесс реализации исследовательской программы осуществляется не по заданному алгоритму, но в условиях имеющего вероятностную природу творческого поиска, то для любой из его стадий характерна своеобразная динамика межличностных отношений. Работая над своим фрагментом программы, каждый член группы сталкивается с «микронаучными» проблемными ситуациями, для продвижения в которых уровень индивидуально-творческих способностей и научной информированности отдельного ученого может оказаться недостаточным. Общение ученого «с самим собой», внутренний диалог не всегда позволяют справиться с этой ситуацией, побуждая к внутригрупповым контактам. Последние могут создать конфликтную ситуацию. Ее своеобразие не в конфронтации между членами группы, различающимися своими индивидуально-психологическими характеристиками, а в неоднозначности восприятия, оценки и интерпретации предметного содержания совместной деятельности (А. Г. Аллахвердян). Эти конфликтные отношения могут вести к творческим решениям, обуславливающим не дестабилизацию и распад группы, а тенденцию к сохранению и укреплению ее сплоченности, способствуя качественно новому и более высокому уровню развития группы.

Развитие экспериментальной социальной психологии

Интерес к процессам взаимодействия людей в различных человеческих

общностях зародился на ранних этапах общественного развития. Первые наблюдения над социальным поведением – зачатки будущей социально-психологической науки – отмечаются еще в античности в произведениях Платона и Аристотеля, позднее, в период Просвещения, – у Ш. Монтескье, П. Гольбаха, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, в России – в трудах А.Н. Радищева и других мыслителей XVIII столетия. Не образуя сколько-нибудь законченной системы знаний, эти наблюдения, тем не менее, пробуждали стремление понять закономерности социального развития индивида в обществе себе подобных и, тем самым, подготавливали почву для первых социально-психологических концепций, создание которых относится в середине и к концу XIX века. Философской базой для разработки этих социально-психологических теорий послужил, главным образом, позитивизм Огюста Конта – философское течение, считавшее задачей исследования в психологии описание и систематизацию сведений, полученных в ощущении.

В Европе и Америке первые попытки создания социально-психологической теории в конце XIX — начале XX века связаны с именами представителей психологической школы в социологии Г. Тарда, Г. Лебона, У. Макдугалла, С. Сигеле, Э. Дюркгейма. По установившемуся мнению, первой публикацией по социальной психологии на Западе считается уже упоминавшееся нами «Введение в социальную психологию» Макдугалла (английского психолога, работавшего затем в США). Год выхода этой книги – 1908 – иногда рассматривается как своеобразная точка отсчета в истории социальной психологии.

Пионеры социальной психологии пытались найти всеобщие законы; которые можно было бы применить для объяснения социальных явлений. Например, объяснение истоков солидарности и сплоченности людей Тард искал в категориях имитации и подражания, Лебон – в «законе духовного единства», Дюркгейм – в «коллективных представлениях». Таким образом, они подменяли законы истории законами психологии, сводя общественные явления к психическим. Личность растворялась, размывалась в человеческой общности, теряя свои индивидуальные особенности и способность самостоятельно действовать и принимать решения.

Большое влияние на развитие социальной психологии оказали работы Г. Зиммеля и Ч. Кули. Они первые стали рассматривать личность не абстрактно, а в связи с процессами взаимодействия людей с группами и внутри групп, представляя личностные черты как своеобразную проекцию взаимоотношений человека с социальными группами.

Личность нельзя изучать вне социального контекста, вне среды – таков был справедливый вывод. Кули ввел в социальную психологию термин «первичная группа» (семья, неформальные объединения по месту жительства или работы и т. д.). Однако само понятие социальной среды было у Зиммеля и Кули чрезвычайно узким и сводилось к «малой группе», а контакты «лицом к лицу» определяли

сущность межличностного общения в группах. Обосновывая общественный характер психической жизни личности. Кули вместе с тем трактовал само общество как совокупность психологических связей, игнорируя тот факт, что любая группа – это не нечто замкнутое и автономное, а часть общества. Акцентирование внимания на чисто психологических отношениях, возникающих на основе взаимодействия «лицом к лицу», не давало подлинной картины межиндивидных отношений.

Психологизирование природы общественных отношений в группах присуще и современным исследователям (Дж. Морено, Р. Бейлс, М. Аргайл, Ч. Осгуд, Л. Беркович и др.).

Начиная с 20-х годов социальная психология становится ведущим направлением в психологической науке США, Англии, Германии, Франции и Японии. В. Мёде и Ф. Олпорт положили начало исследованиям по выявлению влияния (положительного или отрицательного), которое оказывают первичные группы на своих членов в процессе выполнения ими какой-то деятельности. При этом интерес привлекали случаи как позитивного, так и негативного отношения индивида к группе. Выяснилось, что общий эффект деятельности групп находится в прямой зависимости от того, «рядом» или «вместе» они действовали, выполняя определенные задания. Было обнаружено, что даже присутствие наблюдателей из числа авторитетных для группы лиц создавало атмосферу, которая приводила к повышению производительности всей группы и отдельных ее членов (эффект фасилитации).

Значительный интерес во всем мире вызвали исследования того, в какой мере межличностные отношения влияют на повышение производительности труда, на отношение к труду, трудовую дисциплину. В ходе так называемых хотторнских (Хотторн – город в США) экспериментов Э. Мэйо сделал выводы, которые легли в основу последующих исследований роли психологических факторов в современном производстве. Было выявлено, что производительность труда каждого рабочего зависит от его самочувствия в группе и соответствует чаще всего не столько его возможностям, сколько системе ценностных ориентации, норм, установок, сложившихся в группе, определяется не только оплатой и условиями труда, но и характером возникших и упрочившихся неформальных отношений. Неформальная структура способна тормозить или, наоборот, обеспечивать процессы управления на уровне малых групп.

Было установлено, что характер неформальных отношений существенно влияет на все производственные показатели, в том числе такие, как производительность труда, текучесть рабочей силы, а также на отношение рабочих к изменению норм, расценок.

Основы социальной психологии закладывались первоначально под влиянием гештальтпсихологии, бихевиоризма и психоанализа. Это влияние ощущалось и в последующей методологической направленности работ психологов.

Вторая мировая война активизировала исследования процессов группового развития. Сплоченность и боеспособность групп, устойчивость их структуры при действии сил, направленных на разрыв и разрушение внутригрупповых связей, эффективность деятельности групп в зависимости от типа или стиля руководства — все это явилось предметом экспериментального изучения. Группы (формальные и неформальные, первичные и вторичные, референтные и др.) стали объектом особого внимания, а изучение межиндивидных отношений – ведущим направлением в зарубежной социальной психологии.

Исследования групповых феноменов вышли за рамки социальной психологии и стали широко использоваться в управлении промышленностью. Эти феномены учитываются при решении сложных вопросов подготовки кадров, научной организации труда, комплектования различных человеческих общностей. В центре исследований и оказалась малая группа, своеобразное промежуточное звено в системе «личность – общество». По отношению к личности малая группа рассматривалась как та социальная среда, которая жестко детерминирует поведение и особенности человека, а по отношению ко всему обществу малая группа выступала, таким образом, аналогом, своеобразной моделью общественных отношений.

Соответствующий раздел социальной психологии получил название «исследование малых групп», или «групповая динамика». Один из крупнейших социальных психологов США Л.Фестингер отмечает, что групповая динамика возникла как ответ на вопрос, почему одни группы имеют влияние на своих членов, а другие – нет. Чтобы объяснить это различие, могущее иметь широкое практическое значение, нужно было найти такие законы группового развития, которые позволили бы не только объяснять, но и предсказывать способность группы влиять на своих членов в области их установок и поведения.

К.Левин, как уже говорилось, видел источники и движущие силы развития взаимоотношений людей в их социальной жизни. Он рассматривал потребности как стержень направленности личности, называя их главным генератором, источником активности человека. Центр внимания переместился на изучение эффективности группового взаимодействия, лидерства, коммуникаций, распространения влияния и создания авторитета. Левин применял понятия «силовое поле», «напряженность», «вектор», заимствованные у физики, пытаясь связать ее законы с человеческим поведением.

На общее развитие групповой динамики как особой области социальной психологии оказали в наши дни несомненное влияние не только теория «поля» К. Левина, но и другие социально-психологические концепции, связанные с именами Дж. Морено, Л. Фестингера и других.

Одна из характеристик особенностей развития социальной психологии за рубежом, в первую очередь в США, – огромное количество накопленного эмпирического материала (библиография только по прикладным аспектам

социальной психологии достигает в США свыше 10 000 наименований).

Принцип деятельностного опосредствования отношений людей в группе

Начиная с экспериментов С. Аша и М. Шерифа (40-е годы, США), считалось установленным, что под давлением группы по меньшей мере треть индивидов меняет свое мнение и принимает навязанное большинством, обнаруживая нежелание высказывать и отстаивать собственное мнение в условиях, когда оно не совпадает с оценками остальных участников эксперимента, т. е. проявляя конформность. Индивид, находясь в условиях группового давления, может быть либо конформистом, либо нонконформистом. Дальнейшие исследования носили характер уточнения этого вывода. Выяснялось, усиливается ли конформность при увеличении группы, как сами испытуемые интерпретируют свое конформное поведение, выявлялись половые и возрастные особенности конформных реакций и т. д.

Указанная альтернатива оборачивалась педагогической дилеммой: либо видеть смысл воспитания в формировании личности, находящейся в непрерывном противостоянии с социальным окружением, т. е. негативиста, либо воспитывать индивидов, склонных всегда соглашаться с остальными и не умеющих и не желающих противостоять влиянию группы, т. е. конформистов. Очевидная неудовлетворительность подобной постановки вопроса наводила на мысль об ошибочности исходной альтернативы. Видимо, в самом понимании сущности взаимодействия личности и группы крылась некая серьезная методологическая ошибка, заводящая психолога в тупик. Выход из этой ситуации состоял в том, чтобы пересмотреть сущность концепции групповой динамики и выяснить, насколько правомерно использование предложенной в ней модели группового взаимодействия.

Казалось бы, теория малых групп учитывала общественный фактор. Однако на поверку вышло не так. Что представляет собой группа, которая воздействует на индивида в классических экспериментах С. Аша, Р. Крачфилда, М. Шерифа? Это случайное объединение людей, то, что может быть названо диффузной группой (от лат. diffusio — «рассеивание», «разлитие», антоним «сплоченности»). По условиям эксперимента предусматривалось изучение чисто механического воздействия группы на личность, группы как простой совокупности индивидов, ничем кроме места и времени пребывания друг с другом не связанных.

Концепция «группового давления» позволила выяснить особенности некоторых форм взаимодействия личности с группой и возникающих явлений конформности, но вместе с тем невольно заставляла исследователей вращаться в замкнутом кругу представлений о том, что единственной альтернативой конформности является нонконформность, асуггестивность (устойчивость

личности к внушению). В группе людей, лишь внешне взаимодействующих друг с другом, притом по поводу объектов, не связанных с их реальной деятельностью и жизненными ценностями, иного результата и не приходилось ожидать: подразделение членов группы на конформистов и нонконформистов делалось неизбежным. Однако давало ли такое исследование возможность сделать вывод, что перед нами была модель отношений в любой группе, деятельность в которой имеет личностно значимое и общественно ценное содержание?

В свете данного вопроса становится понятным, что составляет суть концепции «малой группы», принятой исследователями групповой динамики. Взаимоотношения людей мыслятся ими как непосредственные, взятые безотносительно к реальному содержанию совместной деятельности, оторванные от социальных процессов, частью которых они на самом деле являются. В этой связи была выдвинута гипотеза, что в общностях, объединяющих людей на основе совместной деятельности, взаимоотношения людей опосредствуются ее содержанием и ценностями (А. В. Петровский). Если это так, то подлинной альтернативой конформности должен выступить не нонконформизм (негативизм, независимость), а некоторое особое качество, которое предстояло изучить экспериментально.

Гипотеза определила тактику экспериментальных исследований. Была сделана попытка сопоставить внушающее воздействие на личность неорганизованной группы и сложившегося коллектива. И совершенно неожиданно выяснилось, что внушающее влияние случайно собравшихся людей на индивида проявляется в большей степени, чем влияние организованного коллектива, к которому данный индивид принадлежит.

Состояние индивида в незнакомой, случайной, неорганизованной группе в условиях дефицита информации о лицах, ее образующих, способствует повышению внушаемости (связь между неопределенностью ситуации и внушаемостью отмечалась многими авторами). Таким образом, если поведение человека в неорганизованной, случайной группе определяется исключительно местом, которое он выбирает для себя (чаще всего непреднамеренно) в градации «автономия – подчиненность группе», то в коллективе существует еще одна специфическая возможность – самоопределение личности. Личность избирательно относится к воздействиям конкретной общности, принимая одно и отвергая другое в зависимости от опосредствующих факторов – оценок, убеждений, идеалов.

Таким образом, было выявлено, что дилемме «автономия – подчиненность группе» противостоит самоопределение личности, а противоположность неосознаваемым установкам внушаемости составляют осознаваемые волевые акты, в которых реализуется самоопределение. Все это позволило сформулировать задачу новой серии исследований.

Если побуждать личность якобы от имени коллектива, к которому она принадлежит (методика «подставной группы»), отказаться от принятых в нем

ценностных ориентации, то возникает конфликтная ситуация, которая разделяет индивидов, проявляющих конформность, и индивидов, способных осуществить акты самоопределения, то есть действовать в соответствии со своими внутренними ценностями.

Самоопределение возникает в том случае, когда поведение личности в условиях специально организованного группового давления обусловлено не непосредственным влиянием группы и не индивидуальной склонностью к внушаемости, а главным образом принятыми в группе целями и задачами деятельности, устойчивыми ценностными ориентациями. В высокоразвитой группе в отличие от диффузной самоопределение является преобладающим способом реакции личности на групповое давление и потому выступает как формообразующий признак. Обратимся к конкретному эксперименту.

Сначала выявлялись общие позиции согласия или несогласия членов группы с предложенными этическими суждениями. Как правило, выделялась основная масса испытуемых, которые выражали согласие с общепринятыми нормами, отраженными в предложенных экспериментатором суждениях, и небольшая группа лиц, которые занимали негативную позицию. В дальнейшие эксперименты последняя группа не включалась, так как изучение негативизма как психологической проблемы не входило в задачи данного исследования. По отношению ко всем остальным возникал вопрос: что означает психологически их согласие с предложенными этическими суждениями? Является ли оно результатом подчинения групповому давлению, неявно выраженному в самом факте общепринятости моральной нормы? Другими словами, не результат ли это конформности? Но можно было выдвинуть диаметрально противоположное предположение: быть может, согласие есть не подчинение групповому давлению, не конформность, а результат совпадения ценностей личности с общепринятыми этическими суждениями, выраженными экспериментатором? И тогда то, что внешне выглядит как конформность, несет в себе иной психологический смысл и выступает как подлинная альтернатива конформизму.

Последующий эксперимент был построен таким образом, чтобы давление группы (это была, разумеется, «подставная группа») направить вразрез с общепринятыми ценностями и создать конфликтную ситуацию, в которой должно было быть подтверждено или опровергнуто одно из выдвинутых выше предположений. Тем самым производилась экспериментальная дифференциация группы на конформистов и людей, которые обнаруживают самоопределение, беря на себя защиту общегрупповых ценностей даже в тех случаях, когда от них «отказывается» остальная часть группы.

Постановка вопроса о самоопределении связывала проблему внутригруппового взаимодействия с содержанием того, что воздействует на личность через групповые коммуникации. Это позволяло отвергнуть представление о фатальном приоритете коммуникации и коммуникатора перед объективным содержанием информации.

Формула «стимул – реакция» была пригодна для психологической интерпретации искусственно созданной экспериментальной ситуации. Однако при обращении к реальным отношениям эта схема (или конформист, или нонконформист) обнаруживала свою несостоятельность.

Феномен самоопределения оказался той самой искомой «клеточкой», в которой обнаруживаются важнейшие социально-психологические характеристики живого социального организма – группы. Отношения между двумя или несколькими индивидами не могут быть сведены к непосредственной связи между ними. Относительно непосредственные взаимоотношения могут быть зафиксированы в диффузной группе. В группах же, осуществляющих совместную деятельность, отношения неизбежно опосредствуются содержанием, ценностями и целями совместной деятельности. Таким образом, по своим психологическим характеристикам группа высокого уровня развития качественно отличается от других малых групп. Поэтому попытка распространить те выводы, которые были сделаны при их изучении, на группу высокого уровня развития обречены на неудачу.

Многоуровневая структура межличностных отношений

Тот факт, что межличностные отношения опосредствуются содержанием реальной деятельности, позволяет увидеть объемную структуру высокоразвитой группы. Если в традиционно трактуемой группе отношения между индивидами выступают как неиерархизированные по отношению к групповой деятельности, ее целям и принципам, то в высокоразвитой группе групповые процессы иерархизируются, образуя многоуровневую структуру. В этой многоуровневой структуре можно выделить несколько страт (слоев), имеющих различные психологические характеристики, применительно к которым обнаруживают действие различные социально-психологические закономерности.

Центральное звено групповой структуры (А) образует сама групповая деятельность, ее содержательная характеристика. По сути своей это хотя и ядерное – по отношению ж психологическим стратам, но не собственно психологическое образование. Это предметно-деятельностная характеристика группы. В настоящее время выделен набор эмпирических показателей, которые могли бы быть сведены в блоки оценок предметной деятельности, дающие общую характеристику ядра групповых процессов.

Так, были выделены три критерия оценки группы: 1) оценка выполнения основной общественной функции – участия в общественном разделении труда; 2) оценка соответствия группы социальным нормам; 3) оценка способности группы обеспечить каждому ее члену возможность для развития. Все психологические характеристики группы оказываются зависимыми от этих социально обусловленных образований.

Выделение указанных блоков оценки совместной предметной деятельности позволяет определить социально-психологические параметры групп разного уровня развития.

Следующая за описанным выше слоем страта Б – психологическая по своей сущности – фиксирует отношение каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям, задачам, принципам, на которых она строится, мотивацию деятельности, ее социальный смысл для каждого участника.

В страте В локализуются характеристики межличностных отношений, опосредствованных содержанием совместной деятельности (ее целями и задачами, ходом выполнения), а также принятыми в группе принципами, идеями, ценностными ориентациями. Именно сюда, видимо, следует отнести различные феномены межличностных отношений, например, самоопределение личности и другие, о которых речь пойдет дальше. Деятельностное опосредствование – принцип существования и принцип понимания феноменов этой психологической страты.

Наконец, последний, поверхностный слой межличностяых отношений (Г) предполагает наличие связей (главным образом эмоциональных), по отношению к которым ни цели деятельности группы, ни общезначимые для нее ценностные ориентации не выступают в качестве основного фактора. Это не значит, что такие связи в полном смысле слова непосредственные. Вряд ли можно предположить, чтобы отношения любых двух людей не имели опосредствующего звена в виде тех иди иных интересов, вкусов, эмпатических тяготений, суггестивных влияний, привычных ожиданий и т. д. Но содержание групповой деятельности на этих связях по существу не сказывается или обнаруживается в очень слабой степени.

Подобно тому, как недопустим перенос закономерностей, свойственных диффузной группе, на высокоразвитую группу, было бы неправомерно универсализировать выводы, полученные при изучении феноменов поверхностного слоя межличностных отношений в группе. Точно так же связи в страте В являются необходимыми, хотя и недостаточными для характеристики группы без учета данных о страте Б, т. е. без выяснения социального смысла деятельности ее участников, мотивов их деятельности и т. д.

В ряде социально-психологических исследований высокоразвитых групп (производственных, учебных, спортивных), особенно имеющих прикладной характер, результаты экспериментального изучения поверхностного слоя используются для характеристики группы в целом. При этом определяющая роль приписывается шкале приемлемости, коммуникативности и прочим факторам, не связанным с предметной деятельностью группы. Естественно, что психологические оценки, предлагаемые в результате этих обследований, не являются адекватными, а иногда могут оказаться дезориентирующими.

В общем верно описывая межличностные отношения в диффузных группах, групповая динамика не отличала диффузные группы от других сообществ. Между

тем перед психологами стояла и стоит задача изучения особого типа групп, на которые не следует распространять закономерности, действующие в «классической» малой группе. Решение такой задачи требовало прежде всего выделения их собственных признаков, т. е. тех отношений, которые опосредствуются значимым для всех содержанием совместной деятельности. Выявление этих связей обычно затруднено, так как они оказываются включенными во множество других контактов и взаимодействий, вовсе или столь явно не опосредствованных целями и ценностями группы. Взаимопонимание между «болеющими» за одну и ту же футбольную команду существенно отличается от внутригрупповых отношений, возникающих при решении серьезных производственных задач или нравственных коллизий.

Анализ феномена самоопределения личности позволил предположить, что в развитой группе закономерно должны обнаруживаться и другие социально-психологические феномены, качественно отличающиеся от явлений, характерных для случайного скопления людей. Сущность данных отличий заключается в различном характере взаимоотношений и взаимодействия между индивидами.

В диффузной группе определяющими являются непосредственные отношения и непосредственное взаимодействие (к примеру, податливость или сопротивление групповому воздействию). Как уже было сказано, эта непосредственность лишь относительная, поскольку во взаимоотношения индивидов в любой, даже случайно образовавшейся группе неизбежно оказываются включенными в качестве некоторых промежуточных переменных установки, взгляды, опыт прошлых контактов, предубеждения, стереотипы и т. д. Традиционная социальная психология абсолютизировала схему взаимоотношений и взаимодействия, которая вводила в условия эксперимента лишь групповые стимулы и групповые реакции, но не принимала во внимание бесчисленное многообразие промежуточных звеньев. «Надсознательный категориальный строй» психологии, замыкая исследователя в круг поведенческих характеристик, заранее отсекал возможность направить эксперимент на изучение содержательной и мотивационной сторон межличностных отношений.

Что же составляет принципиальное отличие высокоразвитой группы от других их видов? В высокоразвитой группе в качестве определяющих выступают взаимодействие и взаимоотношения людей, опосредствованные целями, задачами и ценностями совместной деятельности, т. е. ее реальным содержанием. С данной точки зрения, группа высокого уровня развития — это группа, где межличностные отношения опосредствуются общественно ценным и личностно значимым содержавшем совместной деятельности. Это качественное отличие, как выяснилось, поддается исследованиям, в которых принципиальное значение приобретает как раз учет указанного опосредствующего звена и возможность экспериментально выделить – его существенно важные параметры. К нх числу может быть отнесено преобладание проявлений самоопределения личности я снижение конформных реакций в значимых для коллектива ситуациях. Но как

далее станет очевидным, этот параметр является лишь первым в ряду других. Сторонники групповой динамики не сумели прийти к соглашению по вопросу о типологии групп, потому что не сумели выделить главные факторы, обеспечивающие формирование группы. В концепциях групповой динамики они либо отсутствуют, либо оказываются рядоположными с второстепенными факторами (размер группы, число групповых коммуникаций и т. д.).

Для создания типологии групп (здесь она представлена скорее как топология) мы используем геометрическую модель (рис. 3). Векторы, ее образующие, с одной стороны, показывают степень опосредствованности межличностных отношений (С), а с другой – содержательную сторону опосредствованна, развивающегося в двух противоположных направлениях: А – в направлении, соответствующем (в самой общей форме) общественно-историческому прогрессу, и В – в направлении, препятствующем ему. Обозначим вектор ОА как просоциальное развитие опосредствующих факторов, а вектор ОВ

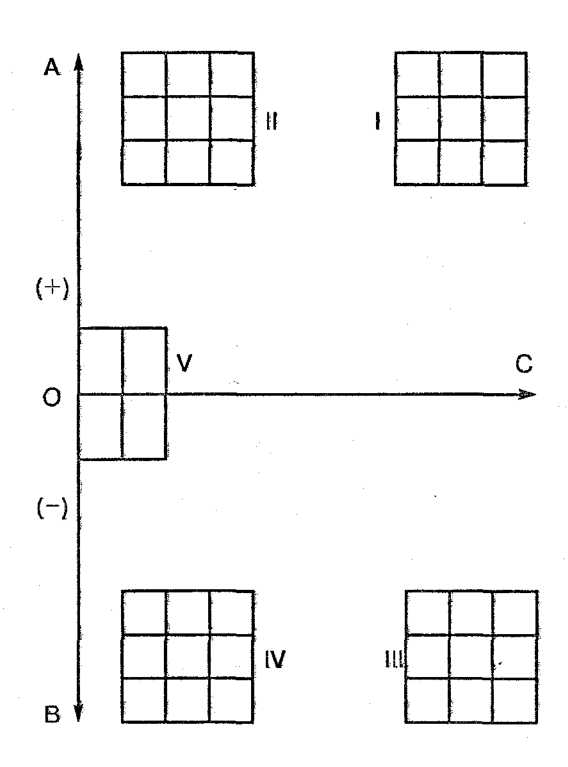

Рис. 3

Типология групп.

Условные обозначения:

ОС – степень опосредованности межличностных отношений;

ОА - просоциальное развитие факторов, опосредствующих межличностные отношения;

ОВ - антисоциальное развитие факторов, опосредствующих межличностные отношения

– как их антисоциальное развитие.

Теперь» используя три вектора (А, В, С), построим изображение и

рассмотрим его компоненты. Фигура, обозначенная как первая (I), несет на себе необходимые признаки группы, отвечающие требованиям общественного прогресса. Высокая социальная значимость факторов в максимальной степени определяет и опосредствует межличностные отношения, делает группу высокосплоченной. Фигура II представляет общность, где высокий уровень развития социальных ценностей лишь в очень слабой мере опосредствует групповые процессы. Возможно, это только что созданная группа с далеко еще не сложившейся совместной деятельностью. Здесь успех одного человека не определяет успешной деятельности других и неудача одного не влияет на результаты другого. Нравственные ценности в такой группе функционируют, но они не отработаны в процессе общения и совместного труда, а привнесены из широкой социальной среды. Их дальнейшая судьба зависит от того, будет ли налажена деятельность, которая их повседневно созидает и укрепляет.

Фигура III представляет группу, где налицо высокий уровень опосредствования взаимоотношений индивидов, но факторы, которые их опосредствуют, враждебны социальному прогрессу. Позицию рассматриваемой фигуры может занять любая антиобщественная корпорация, например мафия.

Фигура IV показывает общность, где взаимоотношения людей фактически не опосредствуются факторами совместной деятельности, а если такое опосредствование все же имеет место, то антисоциальный характер опосредствующих факторов лишает деятельность группы какой-либо общественной ценности (например, группа хулиганов).

Наконец, фигура V представляет типичную диффузную группу, где на нулевой отметке оказываются и социальная ценность опосредствующих факторов, и степень их выраженности в системе межличностного взаимодействия. Пример – собранная из случайных людей экспериментальная группа, которой предлагают не значимые в социальном отношении задания.

В указанном пространстве может быть размещена любая социальная группа. Каждый тип деятельности обладает своим диапазоном опосредствованности межличностных отношений и ее социальной ценности, а тем самым своей сплачивающей силой.

Социально-психологическая концепция, основывающаяся на таких представлениях о многоуровневой структуре групповой активности и типологии групп, в основу которых положена опосредствованность межличностных отношений содержательно-ценностными аспектами деятельности, получила название страто-метрической концепции.

Теория и эмпирика в психологии межличностных отношений

Если обратиться к различным социально-психологическим системам, составляющим в совокупности американскую социальную психологию (к

топологическим идеям или «теории поля» К. Левина, социометрии Дж. Морено, теории «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера, теории «согласия и привлекательности» Т. Ньюкома и т. д.), то напрашивается такой вывод. Различия между системами относятся не столько к выбору объектов исследования и, что особенно важно, не к представленному в них пониманию сущности взаимодействия и взаимоотношений людей, сколько к способу интерпретации полученных эмпирических данных. Если сравнивать, например, «теорию поля» у Д. Картрайта и А. Зандера и отправляющуюся от идей Б. Скиннера «теорию подкрепления» у Д. Тибо и Г. Келли, то можно зафиксировать различия в трактовке сил, сталкивающихся в сфере групповых процессов, но не в выборе объекта изучения. Объектом исследования неизменно остается взаимодействие индивидов, определяемое в одном случае «структурой поля», а в другом – типом и размерами вознаграждения. Задачи исследования взаимодействия в малой группе всегда остаются одними и теми же — выявляются психологические параметры групповой динамики в зависимости от размера группы, интенсивности оказываемого ею давления, взаимности в социометрических выборах.

Таким образом, заметно различаясь в теоретической интерпретации конкретных эмпирических исследований, отдельные направления американской психологии используют одни и те же методологические предпосылки, имеют дело с одной и той же моделью межличностных отношений.

Именно так обеспечивается приток экспериментальных фактов, пополняющих содержание многочисленных учебников и руководств по социальной психологии в США. То обстоятельство, что эмпирически полученные данные как будто не отражают теоретических ориентации отдельных социально-психологических направлений, создает впечатление методологической нейтральности факта, добытого в эксперименте. Последнее может ввести в заблуждение психолога, готового спорить с теми или другими учениями, но принявшего на веру общую модель групповых процессов и межличностных отношений и поэтому способного ассимилировать инвариантные по отношению к этим теориям психологические факты.

Можно сказать, что за фактами и закономерностями, выявленными путем строго экспериментального исследования, лежит область непредумышленного постулирования, которая заменяет для представителей разных направлений американской социальной психологии единую теоретическую и методологическую платформу. Не случайно социальные психологи Франции, Нидерландов, Бельгии, ФРГ, Англии, объединяющиеся вокруг «European Journal of Social Psychology», уже ряд лет критикуют современную американскую психологию, в частности, за то, что они называют «эмпирической предубежденностью». Последняя выражается в иллюзии, будто теория может возникнуть на основе собирания фактов и измерений, получаемых без предварительных теоретических разработок.

Можно допустить безукоризненность экспериментальных данных, однако

нельзя согласиться, когда эти данные, а следовательно, и идея, за ними стоящая, неправомерно обретают статус всеобщности, становятся объяснительным принципом для целого класса явлений.

Так родились и мифы, которые оказались определяющими для понимания сущности межличностных отношений. Когда российские психологи впервые начали экспериментально изучать межличностные отношения и взаимодействия, им пришлось иметь дело с этими постулатами. В этих условиях сложилась психологическая теория деятельностного опосредствования межличностных отношений (А.В. Петровский).

Эта теория представляет собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств, она располагает методами объяснения и предсказания различных социально-психологических феноменов, а также эффектов внутригрупповой активности. Выявленная исследователем закономерность предполагает – что и присуще теории – переход от одного утверждения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту. Исходя из этих соображений можно сопоставить теорию деятельностного опосредствования не с отдельными теоретическими ориентациями, а с традиционной социальной психологией.

Другими словами, объектами сопоставления должны быть, с одной стороны, традиционная, как бы само собой разумеющаяся модель группы (групповых процессов, групповой динамики, группового взаимодействия), а с другой – модель групповых процессов, основу которой составляет теория деятельностного опосредствования. В то время как психологии малых групп свойственно рассматривать межличностные отношения как непосредственное взаимодействие (давление, подчинение, симпатия), эта теория рассматривает межличностные отношения как опосредствованные содержанием совместной групповой деятельности. Это положение, позволяющее в пределах социально-психологического исследования преодолеть постулат о «непосредственности», является исходным и определяющим.

Деятельностное опосредствование в качестве объяснительного принципа для понимания сущности межличностных отношений в группах определяет все другие принципиальные отличия принятой в рамках данной теории модели группы и групповых процессов в сравнении с традиционным подходом. При традиционном рассмотрении социально-психологических феноменов группа трактуется в качестве совокупности коммуникативных актов и эмоциональных тяготений, как имеющая характер эмоционально-коммуникативной общности. В данном отношении нет различий у приверженцев теории поля, групповой динамики, интеракционизма, социометрической концепции и т. д. В свете теории деятельностного опосредствования группа рассматривается как часть общества, которая имеет содержательные характеристики, относящиеся к ее деятельности и ценностям, принимаемым ее членами.

Следует подчеркнуть, что традиционная социальная психология, различая группы по размеру, времени существования, типу лидерства, степени сплоченности, композиции, не знает различения по уровню развития предметно-ценностной деятельности, не выделяет групп высшего уровня, которые качественно отличаются от традиционно изучаемых малых групп. В социально-психологических теориях проступает идея о том, что закономерности межличностных отношений, экспериментально выявленные в малой группе, могут быть экстраполированы на любые другие группы того же размера, той же продолжительности существования, той же композиции. Данный вывод также может рассматриваться как неправомерный и необоснованный. Если, к примеру, в социально-психологическом эксперименте выявлено, что восприятие руководителя группой зависит от размеров группы (с ее возрастанием члены группы снижают оценку «человеческим факторам» руководителя), то у исследователей не возникает сомнения в том, что усматриваемая закономерность может быть универсализирована и распространена на любую другую группу. Или если Н. Фландерс и С. Хавумаки показали, что адресованная нескольким избранным членам группы похвала со стороны руководителя действует как принцип «разделяй и властвуй» и порождает различия в статусе членов группы, то это положение превращается в общезначимую социально-психологическую закономерность, в равной мере приложимую и к случайной группе, и к группе сплоченной, объединенной общими целями и ценностями.

Каковы же в итоге принципиальные позиции теории деятельностного опосредствования отношений?

Первая ее позиция состоит в том, что установившееся в традиционной психологии представление о принципиальной сводимости социально-психологических закономерностей, свойственных любой группе, к общим закономерностям групповой динамики не может быть принято. И наоборот, социально-психологические феномены, показательные для высокоразвитой группы, не могут быть обнаружены в группах низкого уровня развития. Уже самоопределение личности не может быть выявлено в диффузной группе, где нет общего звена, опосредствующего поведение индивидов, и поэтому неизбежно единственной альтернативой конформизму выступает нонконформизм. Так же обстоит дело и со всеми другими явлениями в сфере межличностных отношений в коллективе.

Вторая позиция. Вопреки установившемуся мнению, согласно которому открытые социальными психологами закономерности мыслятся как верные для группы «вообще», в высокоразвитых группах межличностные отношения и закономерности, которым они подчиняются, не просто иные до сравнению с диффузными группами, а качественно отличные, часто как бы «перевернутые», с противоположным знаком.

Межличностные отношения (индивид – индивид) могут быть условно представлены двумя линиями связей: деятельностными (по А.С. Макаренко,

«ответственная зависимость») и сугубо личными. Взаимовлияние этих двух линий межличностных отношений в группе высокого развития и в случайном объединении будет характеризоваться очевидной асимметрией. В диффузной группе предполагается, что связи, необходимо возникающие в групповой деятельности, еще не способны оказать существенного влияния на личностные отношения членов группы, тогда как личностные отношения (симпатия и антипатия, большая или меньшая податливость влиянию) легко деформируют связи, образующиеся в деятельности. Для высокоразвитой группы надо ожидать обратного: отношения «ответственной зависимости», формирующиеся в совместной деятельности, окажут определяющее влияние на личностные связи, в то время как последние не могут нарушить системы деятельности группы и необходимо возникающих в ней деловых взаимоотношений.

Приведенный выше тезис оказывается исходным для открытия новых и реинтерпретации уже известных социально-психологических явлений. Приведем лишь один пример.

В исследованиях ряда западных психологов (Ф. Олпорта, Н. Триплета, Е. Катрелла) изучалась связь между успешностью деятельности и присутствием других людей. Однозначная зависимость тут отрицалась, но не давалось объяснения, почему в одних случаях присутствие других лиц повышает успешность деятельности, а в других снижает. В лучшем случае указывалось на зависимость успешности деятельности от частных взаимоотношений, складывающихся между субъектом деятельности и каждым из окружающих в отдельности (Б. Коллинс). Можно по-иному оценить неоднозначность указанной связи. Влияние присутствия других, по-видимому, должно оказаться различным в зависимости от того, образуют ли участники деятельности и присутствующие один коллектив или представляют собой диффузную группу. В условиях реальной групповой деятельности есть основания ожидать образования положительной взаимосвязи в высокоразвитой группе и ее отсутствия (или минимальной выраженности) в случайном сообществе.

Противоречивость выводов, полученных исследователями, работающими в рамках традиционного подхода к явлениям групповой динамики, представляется в общем не исключением, а правилом. Пусть исследовательская установка психолога не различает группы по уровню развития отношений деятельности, но сами группы объективно несут на себе эти различия и проявляют их в эксперименте. Последнее обстоятельство и приводит к противоположным выводам, в особенности если экспериментаторы имеют дело не с лабораторной, а с реальной группой.

Итак, беда традиционной социальной психологии состоит не в том, что она не отражает в принятой ею парадигме экспериментального исследования деятельностных параметров групповых процессов, а в том, что, учитывая эти параметры, она не ориентируется на них как на основание для дифференцированного подхода к группам разного уровня развития. Все это дает

право осуществить пересмотр фонда экспериментальных фактов, накопленных традиционной социальной психологией, с точки зрения теории деятельностного опосредствования.

Групповая сплоченность и совместимость

Феномен сплоченности людей с позиции традиционной социальной психологии

Трудно назвать другую психологическую проблему, которая привлекала бы внимание современных социальных психологов в такой степени, как групповая сплоченность и совместимость. Литература, ей посвященная, насчитывает тысячи названий. Экономический кризис на рубеже 20-30-х годов, фашизм в Германии и Италии, вторая мировая война – все эти события явились факторами активизации исследований, направленных на укрепление внутригрупповых и межгрупповых связей. Проблема сплоченности оказалась в центре внимания десятков специальных психологических учреждений в США, Англии, Японии и ФРГ. Именно в этих странах возникли определяющие теоретические установки, утвердившиеся в понимании природы и характера сплоченности, а также методологические подходы к ее изучению.

Приняв в качестве исходных эмоционально-психологические отношения между индивидами, находящие выражение в коммуникативной практике малой группы, прежде всего в частоте, длительности и порядке взаимодействия, психологи по существу не ставили перед собой задачи установить, от чего зависят сами эти отношения. Таким образом, содержательный аспект групповых взаимоотношений, в том числе феномена сплоченности, как правило, устранялся из социально-психологического исследования. Ведущим же способом выявления сплоченности стала регистрация взаимодействии, коммуникативных актов, взаимных выборов и предпочтений, базирующихся на симпатиях и антипатиях, а практические рекомендации психолога относительно повышения сплоченности группы по преимуществу были связаны с возможным изменением ее социометрической структуры. *«При изъятии лиц с низким социометрическим статусом из группы и включении в нее лиц с высокой степенью социометрического статуса, улучшалась сплоченность группы»*[32], — писал Дж. Морено. Таким образам, достаточно, произвести некоторые преобразования в сложившейся структуре группы (к примеру, вывести конфликтных лиц), и разобщенная группа станет собранной и сплоченной. Быть может, в отдельных случаях далеко зашедшего межличностного конфликта прибегнуть к

[32] *Морено Дж. Социометрия. М., с. 158.*

«остракизму» и следует, на это отнюдь не генеральный путь повышения сплоченности.

Такая программа исследований сплоченности не предусматривает изучения норм и ценностных ориентаций, которые складываются в группе на наиболее важной для нее основе – на основе активной совместной деятельности, имеющей предметный характер, определенную направленность, смысл и цель. Не случайно исследования сплоченности были главным образом сугубо лабораторными, где объектами изучения становились искусственно сформированные группы, функционировавшие в условных ситуациях кооперации или конкуренции, авторитарного иди демократического стиля лидерства и т. д. Сплоченность как устойчивость структуры группы, ее способность оказывать сопротивление силам, направленным на ослабление или разрыв межличностных связей, трактуется как *«такое состояние группы, к которому она приходит в результате возрастания взаимодействий между членами группы, причем чем больше частота взаимодействия между членами группы, тем больше степень их симпатий друг к другу, выше уровень сплоченности, и наоборот»*. Такие формулировки весьма типичны для многих руководств по социальной психологии.

В этих руководствах описано множество приемов для получения коэффициентов сплоченности. Сравнивая между собой коэффициенты, психологи стремятся извлечь определенную информацию об особенностях протекания процессов внутригруппового развития. В большинстве своем методики опираются на гипотезу о том, что между количеством, частотой и интенсивностью коммуникаций в группе и ее сплоченностью существует прямая связь, а поэтому количество и сила взаимных положительных или отрицательных выборов — свидетельство сплоченности.

Источники групповой и индивидуальной активности, формирование установок, ценностных ориентации и норм — все это, таким образом, рассматривается как производное от уровня межличностного общения и эмоциональной окраски коммуникаций. Коэффициент групповой сплоченности в связи с этим чаще всего определяется как частное от деления числа взаимных связей на их количество, теоретически возможное для данной группы. Этот коэффициент должен был отразить интенсивность общения членов в группе. Однако оживление межиндивидуальных контактов может говорить не только об укреплении дружеских и деловых взаимоотношений, направленных на общественную пользу. Наблюдения свидетельствуют, что в условиях конфликта число контактов заметно возрастает, и потому, используя в качестве исходных данных только число членов в группе и частоту взаимодействий, невозможно судить о «качестве» или «знаке» сплоченности.

Американский психолог Т. Ньюком для анализа групповой сплоченности использует понятие «согласие» (consensus), имея в виду однородность суждений индивидов в отношении объектов ориентации: *«Под понятием «согласие» я подразумеваю не больше, не меньше как существование между двумя или более*

личностями сходных ориентаций по отношению к чему-нибудь»[33].

Уровнем согласия Т. Ньюком характеризует сплоченность любой группы. Однако согласие оказывается здесь связанным лишь с частотой взаимодействий, и круг тем самым еще раз замыкается, а сплоченность вновь сводится к эмоционально-психологическим характеристикам. Любая форма коммуникации, считает Ньюком, имеет своим следствием возрастание степени согласия. Согласие рассматривается также как одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, или один из способов трансляции обычаев и нравов от одного поколения к другому. Но и в этих случаях согласие связывается с теорией коммуникации и взаимодействия. Поэтому, пытаясь операционально измерить степень согласия, существующего между членами группы, исследователи постоянно испытывают неудовлетворенность, ибо вынуждены вновь и вновь прибегать к анализу числа коммуникаций, их продолжительности и силы. Причина такой вполне понятной неудовлетворенности заключается в самом подходе к изучению сплоченности, игнорирующем социальную сущность внутригрупповых процессов, их деятельностную природу и сводящем ее к эмоциональной привлекательности.

Итак, групповая сплоченность рассматривается большинством социальных психологов прежде всего как взаимная привлекательность и согласие в отношении важных объектов ориентации. Казалось бы, с этим нельзя не согласиться. Однако, указав на сходство позиций и установок среди членов группы как важный признак группы, Р. Бейлс, Т. Ньюком, Г. Хомманс и другие психологи тем не менее в методологии исследования по существу игнорируют его, считая, что сходство позиций членов группы в конечном счете определяется частотой их общения. Качественные характеристики групп определены условиями и последствиями коммуникативных актов, пишет Ньюком.

Сама по себе констатация того, что согласие есть условие сплочения индивидов, сомнений не вызывает — «когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет». Вопрос в другом: по отношению к чему необходимо согласие как источник сплоченности группы, что является детерминантой согласия, как его измерять (через коммуникативную практику группы или каким-то иным образом), все ли случаи согласия в отношении тех или иных объектов ориентации могут и должны свидетельствовать о групповой сплоченности, наконец, как согласие связано с другими параметрами межличностных отношений.

Концепция групповой сплоченности, принятая в традиционной социальной психологии, оказалась неспособной решить многие важные проблемы групповой динамики, что в той или иной степени вынуждены признать и сами исследователи.

[33] *Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965, с. 304.*

Сплоченность с позиций деятельностного подхода

Частота контактов и наличие взаимных социометрических выборов могут рассматриваться как показатели, специфические для диффузной группы. Однако для понимания явлений, возникающих в группах иного уровня, эти, показатели не являются сколько-нибудь информативными, так, как количество взаимодействий и выборов здесь не выступает в качестве системообразующего признака. Сплоченность следует рассматривать в качестве меры единения, которое вызвано осознанием общности цели, задач и идеалов, а также межличностными отношениями, имеющими характер товарищества, взаимопомощи. Однако при конкретном определении коэффициентов сплоченности исследователи в качестве исходных данных использовали обычно только два параметра: число членов группы и количество коммуникаций независимо от их эмоциональной окраски.

Верно понимая сплоченность как интегральную социально-психологическую характеристику группы, тем не менее многие авторы применяли приемы исследования, не соответствующие сплоченности индивидов в группе высшего уровня развития. Это приводило экспериментальное решение в противоречие с исходными теоретическими позициями.

Информативное содержание коэффициентов сплоченности, получаемых путем подсчета взаимных социометрических выборов и выявления частоты обращений друг к другу, по существу лишало психолога возможности проследить механизм образования сплоченности, не давало возможности строить прогнозы об особенностях социального поведения исследуемых групп.

Представление о сплоченности как эмоционально-коммуникативном объединении индивидов, более или менее правильно отражающее реальный феномен психологии диффузных групп, оказывается непродуктивным, когда становится теоретической основой экспериментального исследования групп, объединенных в первую очередь целями, задачами и принципами совместной деятельности. Очевидно, что для выявления сплоченности и получения индексов ее выраженности необходимо обратиться к содержательной характеристике групповой совместной деятельности. Так возникло представление о сплоченности как ценностно-ориентационном единстве коллектива.

Ценностно-ориентационное единство в качестве показателя групповой сплоченности выступает как интегральная характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций членов группы по отношению к объектам, наиболее значимым для осуществления целей деятельности группы и реализации в этой деятельности ее ценностных ориентаций. На такой основе могла быть построена и собственно экспериментальная программа получения индекса сплоченности, в качестве которого была принята частота совпадений мнений или позиций членов группы по отношению к значимым объектам.

«Расшифровав» индексы сплоченности как ценностно-ориентационного

единства, можно сопоставлять различные группы по уровню развития, вообще получать данные для более глубоких представлений о характере взаимоотношений личностей в группе, чем при использовании социометрических индексов сплоченности, которые, как было уже отмечено, не обладают достаточной информативностью.

Высокая степень ценностно-ориентационного единства не создается в результате коммуникативной практики группы, а является следствием активной совместной групповой деятельности. Именно она составляет основу общения между членами группы и всех феноменов межличностных отношений. Поэтому и характер взаимодействий в группе оказывается следствием единства ценностных ориентации ее членов.

Ценностно-ориентационное единство группы как показатель ее сплоченности отнюдь не предполагает совпадения оценок и позиций во всех отношениях, нивелировку личности в группе. Ценностно-ориентационное единство — прежде всего сближение оценок в нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности.

Достоверный и тонкий психологический анализ сплоченности людей, объединенных общим делом, дает А.И. Герцен в книге «Былое и думы»: *«...в сущности, я и теперь убежден, что в действительно близких отношениях тождество религии необходимо, – тождество в главных теоретических убеждениях. Разумеется, одного теоретического согласия недостаточно для близкой связи между людьми; я был ближе по симпатии, например, с И.В. Киреевским, чем с многими из наших. Еще больше – можно быть хорошим и верным союзником, сходясь в каком-нибудь определенном деле и расходясь в мнениях; в таком отношении я был с людьми, которых бесконечно уважал, не соглашаясь в многом с ними, например, с Маццини, с Ворцелем. Я не искал их убедить, ни они – меня; у нас довольно было общего, чтоб идти не ссорясь по одной дороге. Но между нами, братьями одной семьи, близнецами, жившими одной жизнью, нельзя было так глубоко расходиться»*[34].

По существу речь здесь идет о противопоставлении сплоченности как эмоциональной близости людей и сплоченности как ценностно-ориентационного единства союзников и, наконец, единомышленников. Для последних необходимо наличие «тождества религии», что, как поясняет А.И. Герцен, означает «тождество в главных теоретических убеждениях».

В результате конкретных экспериментальных исследований и анализа полученных данных был сделан обоснованный вывод о том, что в группах высокого уровня развития коэффициент ценностно-ориентационного единства по сравнению с диффузными группами весьма высокий. Если в первых коэффициенты сплоченности были близки к единице (от 0,6 до 0,92), то во вторых

---

[34] *Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М., 1956, с. 211–212.*

коэффициенты групповой сплоченности колебались от 0,2 до 0,5. Все это дает основание отнести сплоченность как ценностно-ориентационное единство ко второму слою в стратометрической структуре коллектива, оставив сплоченность как эмоционалаьно-коммуникативную объединенность группы в качестве одной из характеристик поверхностного слоя внутригрупповой активности.

Уровни групповой совместимости

Одним из аспектов, сторон, или компонентов, общей сплоченности группы может быть признана совместимость образующих ее людей. Традиционно едва ли не ведущим способом выяснения совместимости индивидов в группе служил гомеостатический подход. Решая задачу на приборе типа «гомеостат», члены группы добиваются или не могут добиться согласованности сенсомоторных действий, что рассматривается как наличие или отсутствие их совместимости. По-видимому, и в самом деле таким способом может быть выявлена совместимость как согласованность людей в группе при осуществлении простейших совместных действий. Но можно ли на этой основе делать вывод о совместимости людей в группе, если иметь в виду более сложные виды деятельности? Люди, которые не могут так вращать ручки гомеостата, чтобы не мешать, а помогать друг другу, в такой деятельности и впрямь несовместимы. Но дает ли это основания заключить, что они окажутся несовместимы и в конструкторской, военно-тактической, художественно-творческой деятельности? Разве именно наличие сенсомоторной согласованности обеспечивает совместимость членов группы в других видах деятельности? Это уже кажется более чем сомнительным.

Указанные соображения вынуждают искать основу психологической совместимости в согласованности не при выполнении той или иной отдельно взятой операции, а внутри цельной, совместив выполняемой деятельности, которая для субъекта детерминируется общей задачей и в структуру которой оказывается встроенным образ ее участников (их способности, намерения, представления о способах решения задач). В контексте этого теоретического подхода исследуется сплоченность группы как согласованность функционально-ролевых ожиданий, т. е. представлений участников совместной деятельности о том, что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый из членов группы при реализации общей для всех цели. Как показало конкретное исследование, отсутствие согласованности функционально-ролевых ожиданий может стать источником конфликтов, эрозии сплоченности и появления признаков, психологической несовместимости в группе.

Согласованность функционально-ролевых ожиданий не является, однако, определяющей характеристикой совместимости в группе.

Групповая деятельность – явление динамическое. Далеко не всегда можно во всей полноте расписать все функции всех членов группы и заблаговременно

согласовать все функционально-ролевые ожидания, в особенности если деятельность носит творческий характер. В таком случае сплоченность как согласование функционально-ролевых ожиданий не может обеспечить подлинную интеграцию личности в группе.

Данное обстоятельство заставляет нас вернуться к представлению о ценностно-ориентационном единстве как основном и важнейшем показателе сплоченности высокоразвитой группы, но уже обратившись не столько к предметно-целевым характеристикам групповой деятельности, сколько к ее нравственной основе, находящей выражение в личностной позиции каждого ее члена по отношению к товарищам, с которыми он связан общей целью.

Все формы ценностно-ориентационного единства, которые были до сих пор рассмотрены, характеризовали сплоченность как результат совпадения ориентации в некотором объекте (цель, задачи, руководитель и т. п.), когда, фигурально выражаясь, «все смотрят в одном направлении». Теперь же надо рассмотреть случаи единства, проявляющегося в том, что все в группе видят друг друга, относятся друг к другу с единой нравственной позиции. Здесь имеется в виду феномен возложения ответственности, т. е. устойчивая позиция личности, проявляющаяся в признании правомерности отнесения возможных социальных санкций.(одобрения или наказания за успех или неудачи совместной деятельности) к себе лично или к другим лицам в группе.

Феномен возложения ответственности изучался в западной социальной психологии как индивидуально-психологическая характеристика человека, проявляющаяся или не проявляющаяся в зависимости от того, что представляет собой другой индивид, на которого может быть возложена ответственность за неудачу или которому могут быть возданы почести за успех, и что представляет собой ситуация деятельности – кооперативная или конкурентная (Г. Келли, А. Тилл, С. Шерман и др.). Так, канадские психологи показали зависимость возложения ответственности от внешней привлекательности другого лица. Выяснилось, что ответственность за хорошие поступки и успешные дела приписывается хорошеньким женщинам, а женщинам внешне непривлекательным приписывается ответственность за неудачи и плохие поступки. Обычно акты возложения ответственности изучали в игровых условиях, вне связи с конкретной социальной средой, значимой совместной деятельностью в группах. Поэтому интересный сам по себе феномен по существу не был объяснен и использован в целях интерпретации процессов и явлений внутригрупповой активности.

Эксперименты, проведенные с позиций теории деятельностного опосредствования, свидетельствуют, что характер возложения ответственности обнаруживает зависимость от уровня развития группы. Подтвердилась гипотеза, что в группе высокого уровня развития акты возложения ответственности носят в основном объективный характер, а индивидуальный вклад каждого оценивается адекватно практически вне зависимости от конечного успеха или неудачи совместной деятельности. Противоположная картина наблюдалась в

низкоразвитой группе, где в случае успеха совместной деятельности субъект оценки отмечает свои заслуги, а в случае неудачи готов переложить вину на других или по крайней мере на «объективные обстоятельства». Можно предположить, что в такой группе акты возложения ответственности обусловлены главным образом индивидуально-психологическими особенностями субъекта оценки, и это как раз та сфера, где обнаруживают действие все те закономерности и зависимости, которые были экспериментально обнаружены западными социальными психологами и неправомерно отнесены к характеристике малых групп вообще.

Неадекватность в приписывании ответственности за успехи или неудачи реально выполняемой и социально оцениваемой деятельности является конфликтогенным фактором в любой группе. Так как сплошь и рядом участники совместной деятельности не в состоянии объективно измерить собственный вклад в общее дело, то их оценки имеют явно субъективный характер. Нравственная сила, блокирующая крайности субъективизма, создает условия для совместимости людей на основе принятых моральных норм – не уклоняться от ответственности, не перекладывать вину «с больной головы на здоровую», не приписывать себе успех, не умалять значения другого в общих достижениях, не ссылаться на «объективные обстоятельства» и т. д. Подводя некоторые итоги, скажем, что сплоченность группы высокого уровня развития и совместимость ее членов образуют своего рода иерархию уровней. На самом нижнем уровне оказывается сплоченность, выражающаяся в интенсивности коммуникативной практики группы, совместимость как взаимность социометрических выборов, психофизиологическая совместимость характеров и темпераментов, согласованность сенсомоторных операций при выполнении действий и т. д. Сплоченность на этом уровне является необходимым условием для интеграции индивида в группе, где межличностные отношения в минимальной степени опосредствованы содержанием и ценностями социальной деятельности. Необходимые и достаточные для характеристики диффузной группы, эти условия недостаточны и не столь уже принципиальны для характеристики высокоразвитой группы.

Опосредствованность межличностных отношений содержанием совместной деятельности, которая ставит перед каждым участником вопрос: «Что надо делать, чтобы в условиях разделения труда соответствовать требованиям и ожиданиям товарищей по работе?» – поднимает группу на более высокий уровень сплоченности. Эта форма сплоченности оказывается необходимой для определенных, в достаточной степени стабильных этапов становления совместной деятельности и является признаком недиффузрости группы. Однако она оставляет в стороне вопрос, во имя чего совершается деятельность и согласуются функционально-ролевые ожидания ее участников.

Высший уровень сплоченности и совместимости людей в совместной деятельности выступает в форме ценностно-ориентационного единства, с одной

стороны, и адекватности возложения ответственности – с другой

Происхождение и психологические характеристики лидерства

То, что люди, входящие в группу, не могут там находиться в одинаковых позициях по отношению к тому, чем занята группа (к целям ее деятельности), и друг к другу, пожалуй, можно рассматривать в качестве постулата социальной психологии. Вопрос в том, как понимать и характеризовать это противостояние людей, которое закрепляется в понятиях «лидер», «руководитель», «авторитет», «ведомые», «подчиненные» и т. д. и находит отражение в их личностных характеристиках.

Каждый член группы в соответствии со своими деловыми и личностными качествами, своим статусом, то есть закрепленными за ним правами и обязанностями, престижем, который отражает меру его заслуг и вклада в общее дело, имеет определенное место в системе групповой организации. С этой точки зрения групповая структура представляет собой своеобразную иерархию престижа и статуса членов группы. Вершину этой иерархической лестницы занимает лидер группы, приобретающий право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие интересы всех членов группы. Обычно подчеркивается, что лидер может быть, а может и не быть официальным руководителем группы и что оптимальным является случай совпадения лидера и руководителя в одном лице. Если же такого совпадения нет, то эффективность деятельности группы зависит от того, как сложатся отношения между официальным руководителем и неофициальным лидером или лидерами.

Классические теории лидерства

Изучение проблемы лидерства за последние пятьдесят лет на Западе накопило большой фонд эмпирических данных, что многократно порождало надежду на ее решение и столь же часто – разочарования. Первую серию этих надежд и разочарований вызвала «теория черт лидера», основывавшаяся на представлении о том, что лидеры являются носителями определенных качеств и умений, присущих им, и только им, имеющих врожденный характер и обнаруживающихся независимо от особенностей ситуации или группы.

Сначала на первый план вышли физические черты (рост, вес и т. д.). Быть выше других, иметь большой вес — такими представлялись признаки лидера не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова. Но основное подкрепление «теория черт» пыталась найти в изучении личностных характеристик лидера (Е. Богардус и др.). Однако в 1948 г. американский исследователь Р. Стогдилл сравнил между собой более 120 исследований «черт лидера» и пришел к выводу об отсутствии серьезных научных данных,

позволяющих считать, что лидерами становятся люди, обладающие какими-то особенными чертами характера или специфическим набором этих черт.

Поиски детерминант лидерства как психологического явления уже в начале 50-х годов смещаются в область изучения групповых взаимоотношений. Так возникает «теория лидерства как функция группы» (Г. Хомманс и др.), в которой лидер понимается как лицо, в наибольшей степени отвечающее социальным ожиданиям группы и наиболее последовательно придерживающееся ее норм и ценностей. К сожалению, «теория лидерства как функция группы» не имела доказательного характера в связи с тем, что ее логическая структура содержала «круг в определении». Ибо лидер, по определению, есть индивид, обладающий наибольшим статусом и престижем, что, естественно, свидетельствует о том, что он как лидер соответствует нормам и ценностям, которые группа приписывает лидеру.

Наиболее общепринятой в западной социологии является «теория лидерства как функции ситуации» (Р. Бейлс, Т. Ньюком, А. Хейр). Наблюдая, как одни и те же люди в разных группах могут занимать разное положение, играть в них различные роли (ребенок может быть «лидером» среди ребят своего двора и «ведомым» в классе; учитель может быть «лидером» в школе и лишаться этого положения в семье), ее авторы сделали вывод, что лидерство является не столько функцией личности или группы, сколько результатом сложного и многопланового влияния различных факторов при вхождении в различные ситуации.

Данная точка зрения, как правило, не подвергается пересмотру в современной социальной психологии, хотя и получает вместе с тем ряд уточнений. При этом используется подход, найденный еще в 50-х годах Р. Бейлсом и уточненный затем Ф. Фидлером. Согласно вышеназванной теории, в каждой группе наличествуют по меньшей мере два типа лидеров: *эмоциональный* (обеспечивающий регулирование межличностных отношений) и *инструментальный* (захватывающий инициативу в специфических видах деятельности и координирующий общие усилия по достижению цели). Понимание лидерства как «функции ситуации» порождает представление о множественности лидеров (или лидерских функций) в группе, принимающих на себя ответственность за организацию тех или иных дел или отдельных сторон общей деятельности. Предполагается, что каждая ситуация общения в группе способна выдвинуть своего «ситуативного» лидера и в принципе лидеров может быть столько, сколько членов в группе. В то же время признается возможность появления *универсального*, или *абсолютного, лидера*, единолично обеспечивающего многоплановую групповую деятельность. Соответствующая типология лидерства учитывает, прежде всего, эту позицию, идет ли речь об объеме деятельности (универсальный или ситуативный лидер) или о содержании деятельности (лидер – генератор идей, лидер – исполнитель и т. д.).

Надо сказать еще об одной типология лидерства, идущей от работ К. Левина, Р. Липпита и др., в которой за основу классификации принимается

стиль руководства: авторитарный, директивный или же демократический, либеральный. Как правило, в многочисленных работах западных социальных психологов подчеркиваются нежелательные последствия активности авторитарного лидера и оптимальность действий лидера демократического. Впрочем, в последнее время данная типология лидерства вызывает серьезные возражения своей прямолинейностью. Следует отметить, что многие социальные психологи справедливо критикуют психологические теории лидерства за неправомерные попытки перенести результаты лабораторного эксперимента в область явлений общественной жизни, где действуют многообразные социально-экономические факторы, влияние которых не способно учесть позитивистски ориентированное исследование.

В последнее время американские психологи, и, прежде всего, Ф. Фидлер, сделали попытку построить «операциональную» модель лидерства, в которой были бы преодолены упрощения интерпретации лидерства как функции многообразных проблемных групповых ситуаций. Предложенная Ф. Фидлером «вероятностная модель эффективности лидера» предполагает, что эффективность групповой деятельности зависит от того, насколько стиль лидера соответствует данной ситуации. Эффективность лидера определяется степенью свободы, которую допускает групповая ситуация и которая дает лидеру возможность осуществлять влияние.

Выделенные Ф. Фидлером переменные (стиль лидерства, ситуация его реализации) достаточно убедительно характеризуют состояние лидера в группе, однако, скажем сразу, они являются недостаточными для его понимания. В предложенной «модели» отсутствует третья важнейшая переменная, которую американский психолог не принял. Такой третьей переменной должен быть уровень развития группы, определяемый степенью деятельностного опосредствования межличностных отношений. Одни и тот же «стиль руководства» в одной и той же ситуации (фактор, определяемый Ф. Фидлером как task – «задача») будет эффективным или неэффективным в зависимости от того, как и насколько поведение лидера будет опосредствовано ценностным содержанием деятельности.

Модель Ф. Фидлера исходит из представления об имманентности конфликта между лидером и группой. Ориентированный на задачу лидер, стремясь обеспечить успех ее решения группой, постоянно идет, как подчеркивает Ф. Фидлер, на риск ухудшения межличностных отношений с последователями. Это действительно более чем вероятная ситуация для определенного типа групп низкого уровня развития. Но есть ли основание переносить эти выводы на группы, где цель групповой деятельности обладает равной ценностью для всех членов группы – и для лидера, и для ведомых?

«Вероятностная модель эффективности лидера» не может быть использована для исследования высокоразвитой группы уже потому, что ее руководитель не поставлен перед альтернативой: либо группа, либо групповая

цель.

Фидлером была предложена идея АСО - assumed similarity of opposite («предполагаемое сходство противоположностей») – способ оценки стиля руководства. Величина АСО является количественным выражением установки личности по отношению к «значимым другим». Чем выше у индивида АСО, тем больше он склонен замечать недостатки «значимых других», требовать и контролировать, тем больше он ориентирован на выполнение задачи группы, а не на улучшение межличностных отношений. О противоположной установке свидетельствует низкий индекс АСО. Лица с высоким АСО соответствуют психологической характеристике авторитарного стиля руководства: низкий АСО – признак демократического стиля. Генеральная идея, заложенная в методику АСО, если иметь в виду не процедуру, а результат ее применения – это противопоставление лидера (индивида с высоким АСО) группе. Лидер с высоким АСО стремится к решению групповой задачи» и поэтому он вынужден быть требовательным, даже вступая в конфликт с сотрудниками, которые, как молчаливо предполагается, в такой степени на групповую цель не ориентированы. Лидер с низким АСО выражает эту тенденцию членов группы и поэтому заботится не столько о цели и результатах их деятельности, сколько об «отлаживании» эмоциональных контактов с ними. Но описанная ситуация не показательна для взаимоотношений в группе высокого уровня развития типа коллектива. Совместная деятельность здесь определяется общей, принятой (присвоенной) всеми социально значимой целью, опосредствующей всю систему межличностных отношений и, в том числе, отношений «руководитель — подчиненные».

В группах высокого уровня развития такое деление, как «деловой», «инструментальный», «авторитарный» и «эмоциональный», «демократический» лидер, во многом теряет смысл, потому что эмоциональная интеграция детерминируется деятельностными характеристиками, деловой интеграцией. На первый план выступают связи, которые А.С. Макаренко называл отношениями «ответственной зависимости». Непосредственные эмоциональные контакты — а их значение нельзя отрицать — являются производными от более глубоких связей — отношений деятельности. Они зависят от понимания людьми социального смысла того, что они делают, от целей, от нравственных принципов. Именно они детерминируют всю сложную иерархию групповых отношений. Но, в таком случае, главное средство оптимизации последних состоит не в их психологически обоснованной «косметике», а в такой организации групповой деятельности, которая обеспечивала бы наилучшие возможности для личностных проявлений и межличностных отношений.

Если необходимо понять, оптимизировать, «отладить» человеческие отношения, нам надо переместить центр внимания с них самих на содержание групповой деятельности, на условия ее превращения из социально значимой в

личностно значимую для каждого члена группы. При реализации этой задачи снимается противопоставление «делового», «авторитарного» лидера остальной группе и бессмысленная контроверза «операциональный» – «эмоциональный» лидеры. Все это дает основания заключить, что поправки, внесенные Ф. Фидлером в *«ситуативную теорию лидерства»* , не меняют ее сути и ее общей оценки.

Противоположные точки зрения представлены в идее «деятельностного опосредствования» групповых взаимоотношений, полагающей, что силой, которая сплачивает группу индивидов в высокоразвитую общность, служит предметная деятельность. Чтобы *«поймать»* эту силу в понятийную «ловушку», необходим иной аппарат, чем разработанный для описания личности и внеделовых межличностных отношений. Хотя группологи и вынуждены были ввести понятие о задаче как детерминанте групповых взаимодействий, однако, будучи занесено в социально-психологические схемы исследовательской практики, оно выступило в них лишь как аморфный остаток предметной деятельности, внеположный внутренней организации группового процесса. Когда выделяется тип лидера, ориентированного на задачу, то речь идет либо о его качествах, характеризующих отношение к этой задаче (потребность в успехе, чувство ответственности, инициативность, сопротивляемость препятствиям и др.), либо о реакциях последователей и группы в целом на такой стиль лидерства. Но вне зоны социально-психологического видения остается социогенная, группообразующая роль предметного фактора, т. е. его роль в сплочении группы, регуляции взаимоотношений внутри нее, в создании коллективной мотивации, в динамике общения, распределении функций между ее членами, изменении социальной перцепции, — словом, во всем многообразии процессов, определяющих внутренний облик этой общности как особого субъекта познания и действия.

Лидерство с позиции теории деятельного опосредствования

Как же дать такую характеристику групповой деятельности, которая могла бы объяснить феномен лидерства в его многочисленных и глубоко интересующих социальных психологов проявлениях, как показать значение третьей переменной при интерпретации поведения и личностных качеств лидера? Здесь можно опереться на результаты конкретной экспериментальной работы исследователей, которые попытались соорудить такие «понятийные ловушки».

Экспериментаторы сопоставляли характеристики тренеров команд, отнесенных по специальной методике к группам высокого уровня развития («эффективные» тренеры), с тренерами спортивных команд низкого уровня развития («неэффективные» тренеры). При этом задачи спортивной деятельности и квалификация спортсменов (мастера спорта) были одинаковыми. В качестве переменных выступали индивидуальный стиль деятельности и индивидуально-психологические качества личности тренера, определяемые с помощью

популярной методики Т. Лири[35], дополненной социально-психологическими шкалами «Коллективистическая направленность тренера» и «Деловые качества тренера». В качестве переменной выступал, по существу, и уровень развития группы, представленный в характеристике «эффективного» или «неэффективного» тренера[36].

Первый вывод относился к индивидуально-психологическим особенностям лидера или руководителя (тренера). Как выяснилось, различия между «эффективными» и «неэффективными» тренерами по их индивидуально-психологическим качествам (по методике Т. Лири) оказались статистически незначимыми. Лидеры эффективных и неэффективных команд, по существу, одинаково оценивались подчиненными по таким показателям, как властность, обидчивость, скромность, добродушие, уступчивость и т. д. Таким образом, было получено еще одно доказательство того, что практически любое сочетание личностных качеств не является противопоказанным для лидера в высокоразвитой общности типа коллектива (во всяком случае, в восприятии членов такой группы).

Контраст составили данные по дополнительным социально-психологическим шкалам («Коллективистическая направленность тренера» и «Деловые качества тренера»). Здесь различия были значимыми.

Индивидуально-психологические черты руководителя, воспринимаемые членами группы, явно относятся к поверхностному слою стратометрической структуры взаимоотношений в группе типа коллектива, тогда как оценка коллективистической и деловой направленности – к ее глубинным слоям.

Второй интересный вывод, относящийся к взаимоотношениям лидера и ведомых, был получен при сопоставлении самооценки группы по трем факторам межличностного восприятия: 1) содействие деловой интеграции группы; 2) содействие интеграции эмоциональной и 3) осуществление личного влияния в группе. В качестве самооценки группы выступали усредненные взаимооценки членов группы по этим трем факторам. То, насколько восприятие команды тренером оказалось адекватным самовосприятию, является существенно важной характеристикой групповой деятельности и производимых ею межличностных отношений, их конфликтности или гармоничности.

В других экспериментальных работах, ориентированных на теорию деятельностного опосредствования, показано, что самооценка группы и ее оценка руководителем фактически никогда не совпадают. Однако расхождение оказалось разнонаправлениым, в особенности в отношении фактора деловой интеграции.

---

[35] *Опросник, предлагаемый группе, оценивающей данную личность.*

[36] *«Эффективность — неэффективность» как характеристика группы, высокого или невысокого уровня развития определялась по трем критериям: эффективность спортивной деятельности; адекватность поведения спортсмена как общесоциальным, так и профессиональным нормам; создание условий для полноценного развития личности.*

Руководители высокоразвитых групп имеют тенденцию завышать оценку группы по сравнению с ее самовосприятием. Руководители недостаточно развитых групп обнаруживают склонность к занижению оценки. Таким образом, некоторую неточность в сторону завышения оценок руководителем своей группы следует считать практически целесообразной, так как она выражает веру руководителя в своих подчиненных, признание их значимости, оптимистическую позицию по отношению к группе. Эффект занижения у неэффективных руководителей является показателем их собственной неадекватности и, скорее всего, имеет негативные последствия для группы[37].

Третий вывод, полученный с помощью методики межличностного восприятия, говорит о том, что в высокоразвитых группах спортсмены видят в тренере человека, вносящего значительный вклад в деловую и эмоциональную интеграцию команды, а также пользующегося большим личным влиянием в ней. Руководитель такой группы также высоко оценивает своих товарищей, в особенности по факторам деловой и эмоциональной интеграции.

Иная картина в недостаточно развитых группах, где члены команды усматривают в своем тренере дезорганизатора прежде всего деловых, а затем и эмоциональных отношений, хотя признают его личное влияние в группе. Впрочем, последнее, как отмечается в исследовании, приводит скорее к негативным результатам для команды. Что касается руководителя, то он платит команде той же монетой, рассматривая своих подчиненных как дезорганизаторов и в сфере деловых, и в сфере эмоциональных отношений, а также как лишенных инициативы (по фактору личного влияния).

Вероятно, перечень подобных примеров можно было бы продолжить, но уже приведенных данных достаточно, чтобы необходимость учета третьей переменной, а именно – уровня развития группы или характеристики деятельностного опосредствования межличностных отношений в ней при исследовании феномена лидерства и его эффективности стала очевидной.

Еще раз используем ту схему, которая уже была нами рассмотрена, но теперь применительно к проблеме взаимоотношений между лидером и ведомыми (руководителем и подчиненными).

Изменения, отражаемые вектором ОС, свидетельствуют о нарастающей опосредствованности межличностных взаимоотношений ценностным содержанием деятельности. Достижение поставленной общей цели предполагает осознаваемую всеми необходимость упорядочения, организации, взаимоподчинения, согласования. Социальная система реализует свои требования к данной общности, содействуя максимальной ее организованности, и задает ей ценностные характеристики (см. рис. 4).

Изменения, отражаемые вектором ОА, говорят об усилении гуманного,

---

[37] *Психологическая теория коллектива, с. 179.*

нравственного начала в ценностных ориентациях, опосредствующих межличностные отношения, одной из важнейших характеристик которых становится демократизация отношений. Соответственно вектор ОВ фиксирует антидемократическое развитие, автократизм, реакционность, подавление равноправия, деструкцию и дискриминацию личности в данной общности.

В условном пространстве, образуемом тремя векторами, могут быть локализованы четыре типа отношений между лидером (руководителем) и группой. Фигура I символизирует отношения, для которых характерны полновластие и самодеятельность группы, ответственность руководителя перед коллективом и сознательное подчинение руководителю, порядок и сознательная дисциплина, превращение общих интересов в сфере общественно значимой деятельности в личные интересы у каждого члена общности, а также другие составляющие *демократического стиля руководства*.

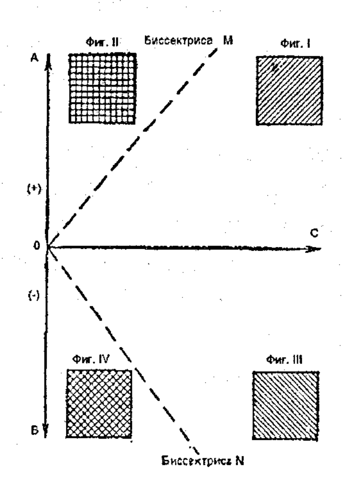

Рис. 4.
Взаимоотношения между лидером и ведомыми
(руководителем и подчиненными)

Фигура III символизирует отношения, для которых характерны произвол руководителя, его волюнтаризм, строжайшая регламентированность. Заведомо привилегированный руководитель оторван от подчиненных, пребывает над ними. *Типичный стиль руководства – авторитарный*.

Фигура II демонстрирует фактическое отсутствие совместной деятельности, навыков ее осуществления; при высоком уровне гуманных отношений между людьми отсутствуют организация и управление, ответственная зависимость; лидерство имеет временный, ситуативный характер, нет требовательности и контроля за исполнением, неформальные лидеры (если они имеются) конкурируют с официальным руководителем (если его назначают), взаимная терпимость, снисходительность и всепрощение из самых лучших побуждений, но объективно в ущерб делу. *Стиль лидерства типа laisser faire, или*

попустительский.

Фигура IV говорит об анархии в системе взаимоотношений, праве сильного, иерархизации отношений власти, о бездуховности и негуманности внутренних связей, об отсутствии организованности и управления. *Стиль руководства может быть охарактеризован как анархический*.

Различение стилей руководства в соответствии с предложенным способом понимания их происхождения, а также их отношением к важнейшим детерминантам имеет принципиальное значение и позволяет лучше понять многие психологические особенности лидерства.

Теория черт лидера в новом освещении

Свою интерпретацию в рамках предложенной схемы, отражающей деятельностный подход к исследованию межличностных отношений в группе, получает и «теория черт лидера», которая, по общему мнению (как в России, так и на Западе), обнаружила свою несостоятельность еще пятьдесят лет назад. Имея задачу выделить общие (природные) черты подлинного лидера, исследователи изучали конкретные, существенно различающиеся группы, в которых они отделяли лидеров от «нелидеров». Это были группы дошкольников, мальчиков в летнем лагере, студентов, военнослужащих, дискуссионные, психотерапевтические группы и т. д. и т.п. Совершенно очевидно, что деятельность в каждой из таких групп предъявляла свои специфические требования к лидеру, стимулировала проявление соответствующих личностных черт. В число этих групп попадали общности, где межличностные отношения до некоторой степени были опосредствованы содержанием совместной деятельности, и это не могло не отражаться на облике лидера. Так, например, была найдена такая последовательность черт лидеров бойскаутов (по убывающей): интерес к групповой деятельности и знание ее, установка на сотрудничество, навыки приспособления и искренность. Но в большинстве исследованных выборок совместной деятельности, по существу, не было и отношения имели относительно непосредственный характер Соответственно изменялся и набор личностных качеств лидера. Другими словами, смешав всевозможные типы групповой деятельности, представленные к тому же в группах разного (по признаку деятельностного опосредствования) уровня развития, сторонники «теории черт» не смогли выделить какие-либо инвариантные черты «лидера вообще». Иного результата и не следовало ожидать.

Вместе с тем, если дифференцировать группы по видам деятельности, а затем и по уровню группового развития, разместив их в некоем условном пространстве (см. рис. 5), то, быть может, удастся для каждого конкретного типа групп выделить некоторый набор личностных характеристик, которые могут выступать как «качества», присущие лидеру подобной группы. Можно далее предположить, что эти качества будут изменяться по всем направлениям,

задаваемым этой схемой (степень опосредствования межличностных отношений и социальное или асоциальное значение этих опосредствующих факторов).

Каков же может быть характер этих изменений? Прежде всего, чем ниже группа по своему развитию (ВП), тем более вероятно, что характеристика лидера будет включать сравнительно небольшой набор качеств. В некоторых работах они были выделены и неправомерно отнесены к чертам «лидера вообще» (физическая сила, агрессивность, самоуверенность, жестокость, авторитарность). Продолжив линии ED и FG за рамки нашей схемы, другими словами, выводя их за пределы социума, мы символизируем (положение X) систему биологически обусловленных межиндивидных отношений в стае, где установлен определенный «порядок клевания», выражающий «табель о рангах» у кур и других животных («линейная ранжировка» при наличии резко доминирующей над всеми особи:

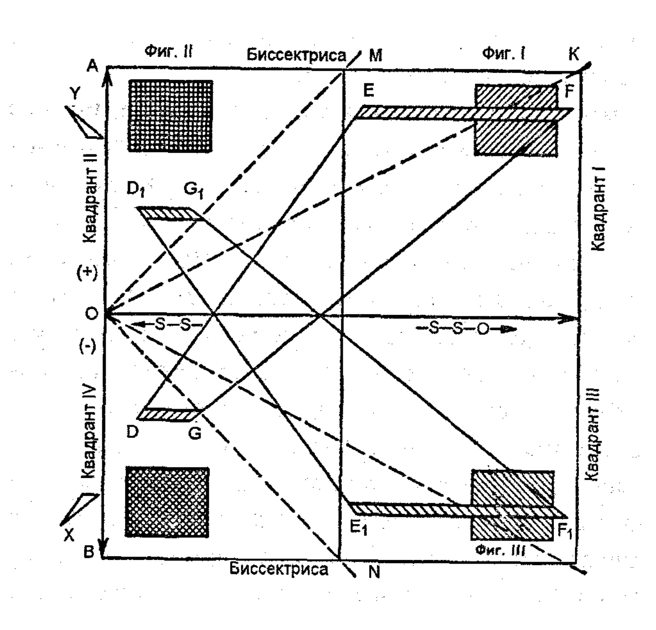

Рис. 5.
Личностные характеристики лидера в группах
различного уровня развития

А –В – С– В и т.д.; «треугольная ранжировка»; свидетельствующая о наличии не одного, а нескольких факторов лидирования: А – В – С – А). Эти факторы – прежде всего физическая сила и агрессивность. Если вновь вернуться в сферу социальных детерминант, то нельзя не вспомнить, что исследователи констатировали наличие как «линейной», так и «треугольной» ранжировки, например, в бандах. Это еще одно подтверждение архаичного характера взаимоотношений между лидерами и ведомыми в группах низкого уровня развития.

Чем выше по своему развитию группа, тем более сложный и обширный набор нравственно оправданных личностных характеристик требуется для описания ее лидера (ЕР). Именно здесь возможно компенсирование одних качеств

другими, что объясняет широкую их вариативность, кстати, не раз отмечавшуюся исследователями. Их опосредствованность содержанием конкретной групповой деятельности, в свою очередь, ведет к их вариативности по признаку специфики этой деятельности. В силу этого группа высшего уровня развития обеспечивает многообразие личностных черт своих лидеров. Сила и гибкость структуры этих групп может выражаться, в частности, и в том, что, к примеру, два индивида, весьма различающиеся по своим личностным качествам, могут оказаться способными осуществлять функции лидера.

Фигура DEFG может быть перевернута относительно оси ОС, и тогда мы с ее помощью отразим проблему «черт лидера» применительно к группе, характеризуемой проявлениями бюрократизма, и к диффузной группе с положительной направленностью. Тогда на полюсе E_1F_1 (корпорация, взаимоотношения в которой интенсивно опосредствованы антисоциальными ценностными характеристиками) можно ожидать у лидера *любого набора любых черт*, так как качества его личности вообще не имеют значения в связи с тем, что он бюрократически навязан группе и пользуется властью не в силу каких-либо своих личных достоинств, а исключительно за счет извне полученных прерогатив. На другом полюсе может быть выделен (он и в самом деле неоднократно выделялся экспериментально) сравнительно небольшой набор качеств, создающих наиболее благоприятные условия для свободного общения и всеобщего благоденствия в группе, где люди связаны друг с другом только эмоциональным притяжением, а не какой-либо деятельностью (интеллектуальное превосходство, доброта, сострадание, внешняя привлекательность). Если мы продолжим линии E_1D_1 и F_1G_1 за пределы реального социума (положение Y), то, очевидно, окажемся... в «царствии небесном», или в мире идеальных представлений о душевных качествах лучших среди смертных. Набор богоугодных качеств у серафимов, херувимов, архангелов и всех других небесных «лидеров», точнее, «заступников» и «хранителей» в ангельском чине весьма скуден.

Отсюда мы можем сделать вывод, что критики представлений «о чертах лидера» и правы, и не правы. Правы, когда они говорят о бесперспективности усилий выделить черты «лидера вообще», а тем более объяснить их какой-то природной предрасположенностью к лидерству. Не правы же, когда не видят, что в огромном материале по «чертам лидера» представлены группы разного уровня развития, где в одном случае может быть жестко зафиксирован конечный набор качеств лидера, соответствующий узкому содержанию деятельности данной группы, а в другом – широкая вариативность положительных личностных характеристик, которые не могут быть сведены к конечному множеству, к каким бы способам анализа ни прибегал исследователь (группировка, факторизация и т. д.).

Но основной порок «теории черт лидера» лежит в иной плоскости. Черты лидера не являются исходными и тем более единственными детерминантами лидерства, потому что не столько лидер создает ситуацию доминирования в

группе, сколько группа порождает, выбирает, приемлет, культивирует и т. п. определенный тип лидера. Лидерство как социально-психологический феномен возникает в результате взаимодействия человека и конкретных общественно обусловленных обстоятельств предметной деятельности, субъектом которой он является как член группы определённого уровня развития. Социально-психологический облик группы первичен, черты ее лидерства вторичны. Все сказанное не имеет своей целью как-то дискредитировать проблему «черт лидерства», но позволяет выявить ее подлинное место в строе социально-психологического знания.

Лидерство в системе референтных отношений

Едва ли не важнейшая характеристика лидера связана с избирательностью, предпочтительностью, которой его наделяют члены группы, выделяя его среди всех по каким-то признакам, подлежащим психологическому изучению. Что составляет основу такого выбора?

При решении данного вопроса социальная психология фактически апеллирует к социометрическому выбору, в соответствии с которым группа (все или большинство ее членов) выбирает определенного индивида, признанного наиболее пригодным и желаемым для выполнения руководящих функций. В привлекательности личности лидера теоретический анализ легко обнаруживает эмоциональные тяготения как основу межличностного выбора. Однако не случайно исследователи подчеркивают неправомерность отождествления «лидера» и социометрической «звезды». «Звезда», то есть наиболее эмоционально-притягательный член группы, не обязательно выступает в качестве доминирующего в процессе общения. Точно так же лидер не обязательно является социометрической «звездой». *«В то же время не исключено, что лидер может одновременно быть и социометрической «звездой»*[38].

С этими суждениями нельзя не согласиться. Однако остается непроясненным, какая система межличностного выбора – если не социометрическая – обусловливает избираемость, выделение лидера, какие внутригрупповые связи закрепляют его лидерское положение, в каких случаях лидер и социометрическая «звезда» едины в одном лице, а в каких нет.

Социометрические выборы (субъект-субъектная связь) представляют собой лишь внешнюю, лежащую на поверхности систему связей, обусловливающих выделение лидера. За ней же скрывается другая, более глубинная система межличностных связей, в большей степени выявляющая деятельностный, ценностный характер межличностных отношений. Ею, прежде всего, является

---

[38] *См.: Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 1976. с. 133.*

система субъект-субъект-объектных отношений. Напомним: субъект, стремясь как-то воспринять, понять, осмыслить, принять или отвергнуть некоторый объект (им может быть идея, цель и способ деятельности, конкретная ситуация, чьи-либо, в том числе и самого субъекта, личные качества и т.д.), обращается к другому субъекту как к возможному источнику ориентации в этом объекте. Социальное опосредствованно выступает здесь как опосредствование конкретным человеком. Референтность, авторитетность — все это проявление данного типа отношений.

Чем выше группа по уровню развития, чем в большей степени межличностные отношения в ней опосредствованы содержанием и ценностями совместной социально заданной деятельности, тем более вероятно, что появление и стабилизация лидера в группе происходит как реализация именно этих отношений.

В группах диффузного типа преобладают субъект-субъектные отношения. Различие групп по уровню развития объясняет отмеченное, но не получавшее на протяжении долгого времени истолкования совпадение «звезды» и «лидера», характерное для «диффузной группы», и отсутствие достоверной связи между ними в группах высокого уровня развития.

Сущность лидерства в условиях совместной деятельности составляет выбор группой одного или нескольких членов, к которому или к которым она обращается, чтобы обрести ориентацию в объекте групповой деятельности (в понимании ее цели, в применении средств, необходимых для успешного осуществления, и т. д.). Симпатии или антипатии могут сопутствовать такому выбору, но не детерминируют его. По существу, лидер – *это наиболее референтное для группы* лицо в отношении совместной деятельности, некий общий для группы средний член межличностных отношений, оказывающих влияние на ее эффективность.

Однако основания для возникновения этой референтности окажутся различными в зависимости от характера ценностей, опосредствующих межличностные отношения.

Если иметь в виду психологическую характеристику личности в группе высокого уровня развития типа коллектива (ось ОК), то ценностные ориентации лидера, к которым обращается общность, характеризуются исторической прогрессивностью в широком смысле этого слова (отвечают интересам общественного развития, направлены на реализацию социально значимых целей и т. д.), проникнуты демократизмом и гуманностью. Независимо от того, облечен ли лидер официальной властью, группа наделяет его атрибутами авторитета, то есть признает за ним право оценивать значимые обстоятельства совместной деятельности (и систематически запрашивает эти оценки), а также принимать решения, которые становятся определяющими для всей группы. Весьма вероятно, что у лидера статус референтометрической «звезды» в сфере задач групповой деятельности может сочетаться со статусом социометрической «звезды». Однако это не необходимое сочетание, так как лежащие в основе социометрического

выбора симпатии и антипатии возникают не только в связи с содержанием групповой деятельности, а являются результатом многопланового общения членов группы.

Если иметь в виду психологическую характеристику личности в группе, где ведущими являются бюрократические отношения (ось OL), то ценностные ориентации лидера характеризуются здесь качествами, отрицательными по отношению к общественному прогрессу, качествами реакционными и антигуманными. Лидер оказывается референтным для группы не столько в результате свободного выбора ее членов, сколько в связи с тем, что он является носителем власти, и поэтому к его оценкам и мнению члены группы вынуждены обращаться, чтобы не навлечь на себя те или иные санкции. Если в высокоразвитой группе типа коллектива можно говорить о подлинной власти авторитета, то в корпоративных группировках речь может идти лишь об авторитете власти и только власти, поддерживаемой извне. Совпадение лидера и социометрической «звезды» в таких группах весьма маловероятно, так как лидер не является избранным по социометрическим критериям. Вместе с тем, он как личность не оказывается предпочтительным и по критериям референтности. Референтна здесь не личность, а положение, статус, роль лидера, наделенного властными полномочиями безотносительно к личности, оказавшейся носителем данной роли. В этих условиях при смене лидера путем вмешательства извне смещенный лидер немедленно утрачивает черты «референтности», а новый столь же незамедлительно их обретает.

Если иметь в виду, что по координате ОС в направлении от С к О выраженность субъект-субъект-объектных отношений убывает и нарастает выраженность субъект-субъектных отношений, то при оси ОМ лидерство должно характеризоваться фактическим совпадением лидера и социометрической «звезды». При этом отсутствие совместной групповой деятельности объясняет то обстоятельство, что лидер не является наиболее референтным лицом для всей группы, а если и оказывается наделенным характеристиками референтности, то по случайным причинам, в связи с различными ситуациями общения и прошлым опытом каждого из членов группы.

Иную картину взаимоотношений лидера и группы мы увидим, прослеживая их по оси ON. Здесь также возможно совпадение лидера и социометрической «звезды». Однако социометрический выбор, как можно предполагать, будет основываться не столько на симпатии, сколько на страхе перед группой и всем, что стоит за группой, на страхе, который блокирует только надежда обрести сильного покровителя. В этой роли и выступает лидер. Не исключено, что социометрические и референтометрические выборы здесь будут совпадать, так как совместная предметная деятельность группы отсутствует. Вместе с тем, типичное для группы анархического типа насилие всех над каждым и страх каждого перед всеми могут усиливать референтность лидера именно в отношении оценки, которую он дает каждому члену группы. Как показывают наблюдения,

правонарушители, находящиеся в следственном изоляторе, весьма чувствительны к оценке, которую мог бы дать им субъект, занимающий лидирующее положение в камере.

Необходимо подчеркнуть вероятностный характер предложенной здесь модели лидерства. Конкретные группы, как правило, не располагаются на концах осей OM, ON, OK, OL и могут занимать любое положение в рассмотренном условном пространстве.

Во всяком случае, изученные группы, как правило, могли быть отнесены к квадранту I (взаимоотношения в них в большей или меньшей степени опосредствованы социально ценным содержанием совместной деятельности) и сравнительно редко – к квадранту II (недавно сформированные группы, еще не объединенные общей деятельностью). Действия и взаимоотношения в изучаемых группах (спортсменов, рабочих, учащихся, работников сферы правопорядка и т. д.) обнаруживают зависимость от нравственных ценностей, хотя уровень их развития оказывался различным. Именно в этом смысле надо понимать их разделение на группы высокого уровня развития и группы относительно низкого уровня развития.

Использование здесь понятия «низкий уровень развития» не вполне соответствует сути дела, так как речь идет лишь о сравнительно менее высоком уровне развития группы, а не собственно о группах низкого уровня развития, которые никоим образом не могут рассматриваться как модификации высокоразвитых групп типа коллектива, ни по характеру ценностей, которые разделяют их члены, ни по целям совместной деятельности.

Глава 16

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ

Становление понятия «личность» в психологии

Личность – важнейшая среда психологических категорий. В ней оказываются интегрированы, к ней стянуты все другие категории: образ, действие, мотив, отношение.

Человек, как это очевидно, не конгломерат разрозненных признаков, психических элементов. И в практике общения люди усматривают друг в друге более или менее целостный образ, который позволяет отличать одного субъекта от другого по его не только внешнему, но и внутреннему облику.

Персонология В. Штерна

В поисках оснований такой целостности В. Штерн (1871 – 1938) предложил идею персонологического подхода. Психология, с его точки зрения, должна базироваться на персонологии – особой дисциплине, предметом которой служит персона как живая, индивидуальная, уникальная (eigenartige) целостность, стремящаяся к цели, открытая по отношению к миру. Персонология охватывает не только психологический аспект поведения. Она, по Штерну, основа всех наук о человеке — биологии, физиологии, медицины. Персоне свойственна психофизическая «нейтральность». Это означает, что психическое и органическое в ней должно трактоваться не как разные сущности, а как различные стороны или проявления одного и того же начала. Вводя идею «нейтральности», Штерн рассчитывал разрубить гордиев узел психофизического дуализма, присущего учениям о личности, которые, сперва разъяв в человеке физическое (тело) и психическое (способности, характер и т. д.), затем пытаются соотнести их в формулах различных типологий.

Решение, к которому пришел Штерн, было, однако, мнимым. Изучение корреляций между индивидуально-вариативными психическими и физиологическими признаками человека не могло быть заменено простой прокламацией того, что за этими различиями скрыта нейтральная по отношению к ним сущность (персона). Однако в перспективе категориального развития психологии теоретическая декларация Штерна выражала потребность в разработке категории личности. Выводя психологическое понимание личности из более широкого — персонологического, Штерн по существу высказал идею о том, что личностно-психологическое раскрывается лишь в контексте целостного

учения о человеке. Утверждая, что личность неповторима, открыта по отношению к миру, он ставил вопрос не только о различиях между людьми по таким (взятым порознь или в различных сочетаниях) параметрам, как быстрота реакции, эмоциональность, объем внимания, память, конкретность мысли, но и о различиях, обусловленных целостностью личности как особой системы, не сводимой к своим компонентам. Ставился также вопрос о способности этой системы активно воздействовать на жизненный процесс, а не только испытывать влияния внешних или внутренних стимулов.

Научное мышление только там успешно осваивало психическую реальность, где ему удавалось преодолеть презумпцию ее «бесподобности», несопоставимости ни с одним из явлений бытия, но – преодолеть с антиредукционистских позиций. При становлении категории социального отношения научной мысли приходилось преодолевать не только биологический (см. учение Макдугалла об инстинктах), но и социологический (см. учение Дюркгейма о «коллективных представлениях») редукционизм. Социальное отношение (выраженное в феноменах общения, индивидуального стиля ролевого поведения и т.д.) оказалось столь же реальной детерминантой системы отношений между человеком и миром, как образ, действие, мотив.

В ходе исследования индивидуальных различий все явственнее выступала значимость еще одной детерминанты, несводимость которой к другим создавала потребность в категориальной перецентровке психологического познания. Эта потребность не могла быть реализована, о чем и свидетельствует персонология Штерна. Понятие о «персоне» было крайне аморфным, рыхлым и не приобрело серьезного объяснительного значения, несмотря на многолетние усилия Штерна воздвигнуть на его основе систему общей психологии.

Вместе с тем в русле развития учений о личности персонология Штерна может рассматриваться как один из источников и провозвестников идей, которые в современную эпоху консолидировались на Западе в психологических направлениях, известных под именами «персонологическое», «гуманистическое», «феноменологическое», «экзистенциальное» и др.

Учение о личности В. Джемса

Другим провозвестником таких идей послужило учение о личности В. Джемса (1842 – 1910). Если у Штерна личность трактуется как «тотальная индивидуальность», то Джемс, отнеся к ней «все, что человек считает своим», вычленяет четыре формы Я (Self): материальное Я (мое тело, одежда, имущество), социальное Я (все, что относится к притязаниям на престиж, дружбу, положительную оценку со стороны других), духовное Я (процессы сознания, психические способности) и, наконец, чистое Я, или чувство личной идентичности, основой которого служат органические ощущения.

Отказавшись от тотальной модели личности и заменив ее дифференцированной (в которой личностное начало оказывалось выстроенным из нескольких систем отношений между Я и теми ценностями, к которым оно устремлено), Джемс сделал шаг вперед от чисто гносеологического понимания Я в качестве «голого» субъекта познавательной активности к его системно-психологической трактовке, к поуровневому анализу этого сложнейшего образования.

Понятие о социальном Я (которому Джемс отвел в намеченной им иерархии среднюю позицию между Я материальным и Я духовным) указывало на включенность индивида в сеть межличностных отношений. Эта форма Я определяется, по Джемсу, реакциями других лиц на мою персону, их признанием меня в качестве отличного от других. И так как их реакции могут существенно различаться, то выходило, что каждый человек обладает множеством социальных Я. Вместе с тем, поскольку индивиды, в мозгу которых запечатлевается мой образ, живут не сами по себе, а в качестве членов определенных социальных групп, все мои социальные Я распадаются на разряды соответственно числу групп, мнением которых я дорожу и в глазах которых стремлюсь утвердиться.

Эта концепция Джемса оказала существенное влияние на американскую социологию и социальную психологию. В частности, под влиянием Джемса социолог Ч. Кули выдвинул понятие об отраженном, или зеркальном, Я, подразумевая тот образ нашего Я, который складывается в сознании другого и в который мы как бы смотримся, соотнося его с нашим собственным представлением о себе.

Далее, в Джемсовой идее о том, что социальное Я человека определяется мнением тех групп, которые для него не безразличны, содержалось зерно будущего понятия о референтной группе – социальном объединении, с установками и суждениями которого соотносятся (позитивно или негативно) ценностные ориентации индивида.

Выделяя социальное «измерение» личности, Джемс столкнулся с вопросом о том, как связаны психосоциальное и личностное в человеческом поведении.

Человек действительно познает себя и познается другими в общении с людьми. Но, во-первых, общение укоренено в образе жизни людей, в их деятельности, и поэтому неверно думать, что оно образует некую замкнутую на себя форму, источник движения которой скрыт в ней самой. Во-вторых, включенность индивида в разнообразные системы «коммуникативных сетей» не означает его расщепленности на множество Я по числу этих систем.

Джеме ощущал всю сложность проблемы, для продвижения в которой его методологические средства были явно непригодны. Ведь человек – не только фиксатор производимых им на окружающих впечатлений и не только исполнитель предназначенных для него социальной матрицей ролей. Он притязает на то, чтобы утвердить себя и реализовать среди других в качестве отличной от них личности. Он не только иерархия нескольких Я (как представлялось Джемсу), каждое из

которых состоит из объектов и ценностей, принимаемых за «свои», но и активное существо, устремленное к расширению круга этих объектов, то есть обогащению собственной личности. Следуя Джемсу, Г. Олпорт ввел в качестве нейтрального, не отягченного традиционными ассоциациями, термин «проприум» (от лат. proprium — характерный, специфический, собственный) для обозначения тех ценностей и убеждений человека, которые конституируют ядро его личности, в отличие от других, не входящих в «проприум» ценностей и объектов, составляющих периферию психической жизни индивида.

Все эти вопросы: сложность строения личности при сохранении ею идентичности, отграничение во внешнем и внутреннем мире «своего» от «не своего», соотношения в личности актуального и потенциального, воздействие самооценки на регуляцию поведения – указывали на то, что здесь перед исследователем открывается новый «материк», научное освоение которого требует более сильной «разрешающей способности» категориального аппарата психологического мышления.

Обсуждая важнейший в теории личности вопрос о факторах, определяющих чувство собственного достоинства, удовлетворенность или неудовлетворенность человека жизнью. Джеме предложил ставшую популярной формулу:

самоуважение = успех / притязания.

Что означала эта дробь? Степень самоуважения ставилась в зависимость от возрастания числителя (успеха) или от уменьшения знаменателя – уровня притязаний. Иначе говоря, предполагалось, что оценка личностью самой себя будет возрастать как при действительном успехе, так и при отказе от стремления к нему.

Расщепление социального и личностного отношения препятствовало продуктивной разработке этих категорий. В своем анализе социального уровня деятельности индивида Джемс выдвинул ряд положений, коррелировавших с ее реальными, доступными эмпирическому исследованию особенностями. Здесь он предвосхитил вошедшие в современную психологию понятия об уровне притязаний, мотиве достижения успеха, самооценке и ее динамике, референтной группе и т. д.

Гуманистическая психология о личности

Стремление Джемса трактовать личность как духовную тотальность, создающую себя «из ничего», оказалось в дальнейшем созвучным умонастроениям приверженцев философии экзистенциализма. *«Именно Джемс был тот, кого мы сегодня должны назвать экзистенциалистом»*, – утверждает один из американских авторов. По мнению Р. Мэй, Джемс предвосхитил сформулированное Ж.-П. Сартром кредо экзистенциализма: *«Существование (экзистенция) предшествует сущности (эссенции)»*.

Сартр (как и М. Хайдеггер, К. Ясперс и другие лидеры экзистенциализма) выступил в существенно иных, нежели Джемс, общественно-исторических условиях. Это был период между двумя мировыми войнами, когда значительная часть интеллигенции переживала духовный кризис, утратив перед лицом эскалации милитаризма и фашизма веру в исторический прогресс и человеческий разум. Личность, каковой она дана в формах естественнонаучного и социального познания, истолковывалась как ирреальная проекция подлинного (экзистенциального) Я, пронизанного ощущениями тревожности, «заброшенности», трагизма и бессмысленности существования. Подобный взгляд на человека и получил впоследствии резонанс в психологических кругах, где его сторонники образовали направление, выступившее под именем гуманистической психологии и объявившее себя «третьим путем» по отношению к бихевиоризму и фрейдизму.

Центром направления стали США, а лидирующими фигурами – К. Роджерс, Р. Мэй, А. Маслоу, Г. Олпорт. Американская психология, отмечал Г. Олпорт, имеет мало собственных оригинальных теорий. Но она сослужила большую службу тем, что способствовала распространению и уточнению тех научных вкладов, которые были сделаны Павловым, Бйне, Фрейдом, Роршахом и др. Теперь, писал он, мы можем сослужить аналогичную службу в отношении Хайдеггера, Ясперса и Бинсвангера.

Влияние экзистенциалистской философии на новое направление в психологии не означает, что последнее явилось лишь ее психологическим дубликатом. В качестве конкретно-научной дисциплины психология решает собственные теоретические и практические задачи, в контексте которых и следует рассматривать обстоятельства зарождения новой психологической школы.

Каждое новое направление в науке определяет свою программу через ее противопоставление установкам уже утвердившихся школ. В данном случае гуманистическая психология усматривала неполноценность других психологических направлений в том, что они избегают конфронтации с действительностью в том виде, как ее переживает человек, игнорируют такие конституирующие признаки личности, как ее целостность, единство, неповторимость. В результате картина личности предстает фрагментарной и конструируется либо как «система реакций» (Скиннер), либо как набор «измерений» (Гилфорд), особых агентов типа Я, Оно и Сверх-Я (Фрейд), ролевых стереотипов (Ньюком). Кроме того, личность лишается своей важнейшей характеристики – свободы воли – и выступает только как нечто, определяемое извне: раздражителями, силами «поля», бессознательными влечениями, ролевыми предписаниями. Ее собственные стремления сводятся к попыткам разрядить (редуцировать) внутреннее напряжение, достичь уравновешенности со средой; ее сознание и самосознание либо полностью игнорируются, либо рассматриваются как звукомаскировка «грохотов бессознательного».

Гуманистическая психология выступила с призывом понять человеческое

существование во всей его непосредственности на уровне, лежащем «ниже» той пропасти между субъектом и объектом, которая якобы была создана философией и наукой нового времени. В результате, утверждают психологи-гуманисты, по одну сторону этой пропасти оказался субъект, сведенный к «рацио», к способности оперировать абстрактными понятиями, по другую – объект, данный в этих понятиях. Исчез человек во всей полноте его существования, исчез и мир, каким он дан в переживаниях человека. С воззрениями «бихевиориальных» наук на личность как на объект, не отличающийся ни по природе, ни по познаваемости от других объектов мира – вещей, животных, механизмов, коррелирует и психологическая «технология»: разного рода манипуляции, касающиеся обучения и устранения аномалий в поведении (психотерапия).

Среди энтузиастов гуманистической психологии большинство составляли именно психотерапевты. В практике работы с людьми им приходилось ориентироваться на некоторые наличные общие представления о природе психической жизни и причинах ее патологии, выбирая в основном между бихевиористскими и фрейдистскими интерпретациями. У бихевиористов эти причины сводились к образованию связей (путем подкрепления) между раздражителями и двигательными ответами, у фрейдистов — к особенностям психосексуального развития. Но ведь на практике психотерапевт имеет дело с самобытной личностью, способной выбирать ценности и реализовывать свой «жизненный план», а не с ее двигательными реакциями или сексуальными влечениями как таковыми. Эта практика заставляла искать новые пути решения проблемы личности. Гуманистическая психология выступила в качестве одного из таких путей.

В своей критике гуманистическая школа обнажает действительную слабость главных психологических течений, прежде всего бихевиоризма (который трактует человека либо как «большую белую крысу», либо как «маленький компьютер») и фрейдизма (поставившего сознательное человеческое Я в рабскую зависимость от безличного, безымянного Оно). В конструктивном отношении моделям «расщепленного», «фрагментарного» человека гуманистическая психология противополагает идею нерасчлененной личности, ее Я, ее «самости».

Согласно гуманистической психологии человеку присуща интенция сознания, неистребимая потребность личности в самоактуализации, в самосозидании своего «феноменального мира». Главная установка, по словам наиболее крупного представителя этой школы Карла Роджерса, должна состоять в «непрерывном фокусировании на феноменальном мире». Утверждалось, что при сосредоточенности на своем «феноменальном мире» индивид открывает Я как целостность, силу переживаний которой он стремится поддерживать и увеличивать. На этом основании Роджерс и построил свою психотерапевтическую концепцию, названную «терапия, центрированная на клиенте».

Чтобы успешно помочь клиенту, психотерапевт, по Роджерсу, должен выработать по отношению к нему «безусловное положительное отношение»

(inconditional positive regard). Только в теплой эмоциональной атмосфере можно понять, как пациент переживает и организует свой мир; с другой стороны, лишь в такой атмосфере клиенту легче реинтегрировать собственную личность.

Идеи Роджерса приобрели большую популярность среди учителей, духовенства, бизнесменов и всех тех, кто по характеру своей деятельности непосредственно связан с людьми и необходимостью воздействовать на их поведение.

В плане категориального развития психологического познания гуманистическое направление обнажило трудности, связанные с разработкой категории личности, с ее консолидацией в особую форму отражения «личностности» психического – форму, отличную от других категорий (мотива, социального отношения, действия и т. д.) и вместе с тем внутренне связанную с ними.

Идея личности в российское психологии[39]

Накопление теоретических экспериментальных данных о личности в истории российской психологии происходило в контексте основных отраслей психологии: в общей психологии, педагогической, социальной, в психологии труда, в этнической, организационной, а также в ряде смежных с нею наук: педагогике, философии, социологии, этике.

Исторический контекст оказывал прямое и косвенное влияние на способы существования, репрезентацию и трансформацию идеи личности, на переосмысление феномена «личность», его теоретическую, методологическую и эмпирическую трактовку, на смену основных теоретических концепций личности.

Ко второй половине XIX века четко обозначились два направления в изучении человека. Первое связано с естественнонаучным пониманием (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.А. Бакунин, И.М. Сеченов и другие). Второе направление связано с традициями русского идеализма (К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев, Л.И. Шестов, Н.Я. Грот, М.М. Троицкий, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, А.И. Введенский и другие). Фактически на протяжении последующих десятилетий эти два направления находились в противостоянии.

Формирование предпосылок развития психологии личности происходило не только в рамках философии и социологии. Не меньшее значение для последующего становления и развития личностной проблематики имели исследования отечественных ученых по психофизиологии, физиологии органов чувств, физиологии мозга, физиологии высшей нервной деятельности и другим

[39] *Параграф написан И.Б. Котовой.*

естественнонаучным дисциплинам (П.К. Анохин, В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, П.Ф. Лесгафт, И. П. Павлов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский и другие).

Философско-социологические и естественнонаучные предпосылки создали два типа рассмотрения личности: субъектный и объектный, следствием которых явились плохо совмещаемые друг с другом представления о различных сторонах и свойствах конкретного бытия человека. В дальнейшем это привело к потере «целостности» личности, постепенно приобретавшей характер смысловой декларативной установки, которая, хоть безоговорочно принималась и провозглашалась представителями обоих направлений, все же не была реализована в их исследованиях.

Можно выделить четыре исторически сложившихся способа существования идеи личности, четыре типа построения научных знаний о личности, то есть можно типологизировать факты исторической динамики российской психологии.

Исторически сложившийся первый тип построения психологии личности выделился в конце XIX – начале XX века. Для этого периода наиболее существенным было появление самой идеи личности. Превращение человека в личность рассматривалось как идеальная модель, как социально желаемый итог развития.

Логика «самоопределения» идеи личности в обозначенный период истории равным образом раскрывается в общих, закономерно сменяющих друг друга способах существования: в виде философской идеи (недостаточно определенной и операционально проработанной), в совокупности своих феноменологических воплощений. Таким образом, «самоопределение» идеи личности можно трактовать как поиск дефиниций и наиболее адекватного для нее проблемного поля.

«Личностное», выступая в виде философской идеи, выразилось в ряде понятий, таких как «целостность», «гармоничность», «свобода», «всесторонность развития», «субъект», «субъект воления», «свобода воли», «оригинальность», «суверенность», «гуманность», «идеальная личность», «интегральная личность», «превращенная личность», «симфоническая личность», «индивидуальность». Совокупность феноменологических «воплощений», означавших для исследователей суть «личностного» и являвшихся предметом собственно психологического анализа, отразилась в понятиях «сознание», «воля», «душа», «потребность», «активность», «темперамент», «характер», «нравственное поведение», «способности», «идеалы», «мотивы», «установки», «настроения», «нравственные чувства», «переживания».

И, наконец, данный период существования идеи личности отразился в опыте построения целостных психологических концепций личности, сочетающих в себе философский и конкретно-психологический аспекты. Таковы: концепция человека как интегрального феномена, характеризующегося логико-значимой взаимосвязью всех существенных компонентов его личности (П.А. Сорокин); концепция развития личности путем психических превращений и преобразований

внутренних личностных форм (М.М. Троицкий); идеи целостной личности и ее пространственных границ (Л.П. Карсавин); попытка понять специфику познающего мир субъекта (Л.И. Шестов); учение о «вечном» человеке и о человечестве как едином существе (В.С. Соловьев); метафизическая трактовка личности (Н.Я. Грот); «цельные учения о человеке» (В.М. Бехтерев); намеченный Л.С. Выготским путь преодоления разрыва между описательной и объяснительной психологией в трактовке личности как «вершинной проблемы» психологии; опыт построения общепсихологической теории личности Д.Н. Узнадзе; теория Я как активного деятеля в среде М.Я. Басова; первая типология личности А.Ф. Лазурского и др.

На рубеже 20 – 30-х годов XX века становится популярным тезис: «Изучать человека как активного деятеля». Однако он не решал проблему активности, так как не была преодолена тенденция биологизации человека.

Второй тип построения психологии личности, выделившийся в 30 – 60-е годы, определялся логикой сохранения идеи личности в столкновении с обществом, уничтожавшим «личностное» в человеке.

Оформившаяся стратегия «борьбы» за идею личности с «внешним противником» фактически отражала борьбу против идеи личности как таковой, так как происходила подмена реального изучения феномена «личность» замещающим и активно принимаемым «образом личности», скроенным по чертежам и эскизам господствующей идеологии.

Идея личности, разрабатываемая в эти годы, выступает в своих превращенных формах: в проявлениях политико-идеологического редукционизма (в выдвижении лозунгов вместо прояснения сущности, в поиске признаков «советского человека»); в конструировании «советского менталитета»; в проявлениях физиологического редукционизма (в подмене психологических особенностей личности биологическими «чертами», т. е. силой, уравновешенностью, подвижностью, лабильностью нервных процессов и т. д.); в проявлениях философско-методологического редукционизма.

Наметившийся в это время подход к объяснению биологической и социальной детерминации психического позволил в дальнейшем разграничить общебиологические, психологические и социально-психологические аспекты в изучении личности, прежде всего ее активности.

Начинаются поиски новых подходов к реализации марксистского положения о социальной сущности индивида. Одна за другой выдвигаются гипотезы и концепции понимания природы психической активности субъекта. Это прежде всего исследования П. П. Блонского, М.Я. Басова, Л.С. Выготского, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева. Активность продолжала оставаться наиболее изучаемым и основным аспектом исследований личности, которые опирались на появившуюся дифференцированную концепцию биологической активности как общего свойства любого животного организма, в том числе и человека (П.К.Анохин, Н.А. Бернштейи). Проблема активности

становится той ареной, на которой сталкивается эмпирическая и поведенческая психология. С механическим подходом к трактовке проблемы активности выступил К.Н. Корнилов, реактологические построения которого задали модель человека «реагирующего».

Психологам 50 – 60-х годов импонировала мысль об изучении личности как проблемы ее индивидуальных различий, которая была блестяще реализована в работах Б.М. Теплова и его школы (В.Д. Небылицын, Н.С. Лейтес, В.С. Мерлин). В работах Б.М. Теплова по индивидуально-психологическим различиям отрабатывалась значимая идея психологии личности – идея направленности личности, которая обнаруживает себя в склонностях к определенной деятельности. Б.М. Теплов называл человека «творцом своей индивидуальности», не умаляя при этом роли природных предпосылок, индивидуально-типологических особенностей.

Идеей интеграции знаний о человеке пронизаны основные работы Б.Г. Ананьева, который репрезентировал себя в психологии именно как автор разносторонних идей человекознания, их комплексного решения, интеграции и синтеза. В его работах дана развернутая характеристика понятий «индивид», «личность», «субъект деятельности». Им сделан вывод, что свойства личности развиваются на всем протяжении жизненного пути человека, создавая его биографию.

Начиная с работ Б.Г. Ананьева, характеристика человека как субъекта деятельности становится основополагающей. Внесение категории субъекта деятельности оказалось очень продуктивным: оно помогло раскрыть способ организации личностью жизни. Именно в это время была сформулирована задача построения общепсихологической типологии личности. Стало очевидно, что категория субъектности раскрывает личность не только индивидуально, но и типологически. Уровни активности личности, то есть мера субъектности, были выбраны в качестве типологических критериев. Построение типологии через категорию субъекта жизнедеятельности обнаружило область исследования, где непосредственно пересекались интересы общей и социальной психологии. Была поставлена задача объяснить, как личность отражает и выражает, реализует в личной и общественной жизни общественные тенденции.

Типизацию личности, поиск оснований для нее провели К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, Б.И. Додонов, В.С. Мерлин, Б.Д. Парыгин и др. Третий период – середина 60-х – конец 80-х годов. Третий тип построения психологии личности характеризовался «возрождением» идеи личности в ситуации амбивалентного отношения общества к «личностному» в человеке. «Возрождение» идеи личности обнаруживает себя следующими процессами: превращением понятия «личность» в фоновое условие обсуждения любых психологических проблем (укореняется традиция «приговаривания» слова «личность» в любых контекстах); пониманием личности как особой ценности и

условия осмысления целостности психического («стягивание» к проблеме личности всех проблем, реализация структурного, комплексного, а затем и системного подходов); проблематизацией понятия «личность», поиском «мира человека и человека в мире», феноменологических коррелятов существа «личностного» (в виде вопросов о пространстве существования личности, о начале личностной истории, о развитии как имманентном условии бытия личности, о соотношениях понятий «индивид», «индивидуальность», «личность»).

Возрождающаяся идея личности заявляет о себе в эффектах «самоопределения личности в группе» (А.В. Петровский), «устойчивости и автономии личности» (В.Э. Чудновский), «неадаптивности в индивидуальной деятельности и социуме» (В.А. Петровский), «самодвижения деятельности (А.Н. Леонтьев), «выхода личности из кризисных ситуаций» (Б.С. Братусь), «смыслообразования» (А.Н. Леонтьев. А.Г. Асмолов), «взаимоотражения в межиндивидуальных контактах», «психологического времени личности» (А.А. Кроник).

В теоретических разработках логика «возрождения» идеи личности обнаруживает себя стремлением исследователей установить «ядерные» характеристики личности как уникального сущего.

К концу 80-х годов стало понятно, что личность рассматривалась разными авторами с позиций, часто противоречащих друг другу, то есть личность как психологический феномен исследовалась исходя из различных посылок, которые давали неравнозначные возможности предсказывать, понимать и развивать ее.

Не удовлетворявшее психологов статическое рассмотрение личности постепенно стало замещаться требованиями ее динамического понимания. Тезис о диалектике личности при наличии в ней тенденций к сохранению направленности возбуждал вопрос о структуре личности, а позже – о понимании личности как системного качества, или системного образования (А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов). Шло сопоставление основных моделей структуры личности, предложенных В.Н. Мясищевым, Б.Г. Ананьевым, А.Г. Ковалевым, К.К. Платоновым, В.С. Мерлиным, А.Н. Леонтьевым. Однако предлагаемые структуры личности оставались в значительной степени лишь многомерными теоретическими моделями.

Пытаясь описать реальность, стоящую за понятием «личность», А.Н. Леонтьев попытался решить задачу выявить ее действительные «образующие». Им была предложена концепция развития личности как системного качества индивида.

Четко вырисовалась задача системно-уровневой концепции развития личности, диахронического, то есть развертывающегося во времени строения жизненного пути личности и соединения структурно-статического подхода к личности с процессуально-динамическим (А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, К.А. Абульханова-Славская, Б.Ф. Ломов).

Четвертый тип построения психологии личности выделился в последнее

десятилетие XX века и характеризуется логикой «самоосуществления» идеи личности, что стало возможным в обществе, ищущем путь к человеку как личности.

На этом этапе сохраняются многие особенности третьего периода, но при этом усиливается внимание к методологическим проблемам. Феноменологические аспекты личности становятся господствующими в ее проблематике. Открываются «новые» грани личности: персонализация, субъектность, неадаптивная активность и др. Осуществляются пересмотр и оценка теоретического и эмпирического материала, наработанного в предыдущие периоды. Одновременно усиливается противостояние психологических школ. Происходит выход на иную парадигму.

«Самоосуществление» идеи личности манифестирует себя «вечными» ценностями (таковы категории «духовности», «целостности», «свободы», «ответственности», «самостроительства», «развития», «бессмертности»). В своих феноменологических воплощениях «самоосуществление» идеи личности представлено такими предметами психологического исследования, как «выбор», «нравственность личности», «отраженная субъектность», «событийная общность». В теоретических разработках логика «самоосуществления» идеи личности представлена общепсихологическими концепциями «социогенеза личности» (В.С. Мухина), «виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности» (В.А. Петровский), «развития субъективной реальности в онтогенезе» (В. И. Слободчиков), «жизнедеятельности личности» и другими. Одновременно происходит рефлексия самой истории психологии личности, возвращающая из забвения имена, восстанавливающая прерванные диалоги внутри эпох и между эпохами.

К концу этого периода изменился «образ» концепций личности; они превратились в более операциональные и усложненные. Это подтверждают исследования А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, А.Г. Асмолова, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, Б.С. Братуся, В.В. Столина, В.А. Петровского, В.С.Мухиной.

В настоящее время наблюдается, тенденция к рассмотрению целостной личности, что является проявлением интегративной тенденции, которая коснулась не только понимания самого феномена личности, но и ее социальных детерминант. Все это не замедлило преобразовать задачу «изучения целостной личности» в задачу изучения целостной личности в целостном мире, рассмотрения человека как целостной развивающейся системы, определения места человека в современном мире с его все усложняющимися проблемами.

Основные методы изучения личности[40]

Конкретно-психологическое изучение личности потребовало разработки специальных методов, позволяющих приобрести эмпирически контролируемое знание об ее свойствах и классифицировать различия между людьми для решения практических задач. Одним из первых методов объективной психологической оценки стали тесты (или пробы), изобретенные с целью получить доступные измерению данные.

Тесты предварительно проверяются на большом числе испытуемых (например, в педагогической психологии – на детях одного возраста или людях одного уровня образования и т. д.). При этом из всех предложенных задач отбираются те, которые успешно решаются значительной частью всех испытуемых (например, двумя третями). Эта процедура называется нормированием, или определением «нормы». С ней впоследствии сравниваются решения тех испытуемых, знания, умения и навыки которых измеряются. Результаты этих измерений оцениваются в условных баллах или в ранговых оценках, объединенных в шкалу порядка и указывающих, какое место данный испытуемый мог бы занять по отношению к соответствующей группе испытуемых (т. е. к «норме»).

Задача психологических тестов, таким образом, – измерить различия между индивидами или между реакциями одного индивида в разных условиях. Решение этой задачи привело к развитию дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии. Велико значение психологических тестов и для других направлений психологии.

Количество и разнообразие различного рода тестов, опросников и шкал в настоящее время огромно.

Начало тестированию положили разработки Ф. Гальтона (1822 – 1911). Его заслугой была также разработка методов математической статистики для анализа данных по индивидуальным различиям. В дальнейшем заметный вклад в развитие психологического тестирования внесли работы Джеймса Кеттела (1860 – 1944) с его «умственными тестами», которые включали измерение мышечной силы, скорости движения, памяти и т. д. Измерением памяти у школьников занимался Г. Эббингауз. Во Франции в 1908 году свою первую шкалу умственного развития для детей создали А. Бине и Т. Симон. Когда США вступили в первую мировую войну, были разработаны под руководством Р.М. Йеркса (1876 – 1956) армейские так называемые альфа- и бета-тесты, позволяющие отобрать годных к военной службе лиц. Впоследствии эти тесты неоднократно перерабатывались и стали образцом для большинства групповых тестов интеллекта. Тестирование получило мощнейший стимул для своего развития, и вскоре были разработаны групповые

---

[40] *Параграф написал Л.А. Карпенко*

тесты интеллекта для всех возрастов и уровней образованности (от дошкольников до аспирантов). Их начали широко использовать в школах, колледжах. Коэффициент интеллекта IQ учитывался при приеме в учебные заведения и на работу. Однако вскоре стало ясно, что тесты являются очень грубым инструментом и область их применения весьма ограниченна. Тем не менее они широко распространены, продолжают совершенствоваться и применяться для разных целей.

Наряду с тестами интеллекта в ответ на запросы практики возникли также тесты достижений. Их еще называют тестами объективного контроля успешности: школьной, профессиональной, спортивной. От разных типов контроля знаний и умений (устных и письменных) эти тесты отличаются своей формой. Учащимся предлагается вопрос, ответ на который в нескольких вариантах представлен на этом же бланке. Один из ответов верный, остальные – нет; нужно отметить верный ответ. При подготовке тестов достижений практикуется экспертная оценка знаний, которая проводится параллельно с тестированием. Когда тест отработан и стандартизован, необходимость в этом отпадает. К сожалению, применение теста достижений ограничено только той областью знаний, которая поддается формализации.

Как методический инструмент тесты широко используются в современных исследованиях. Однако, прежде чем решить, какой из сотен имеющихся тестов может быть применен для исследования, психолог задается вопросом: какова цель теста? Для какой группы лиц он лучше подходит? Чем отличается от других методов изучения индивидуальности человека? Насколько ответственно конструировался? Насколько точен и надежен? Насколько адекватны его результаты?

От каждого измерительного инструмента требуется, чтобы он был как можно более точным, чтобы на полученные результаты можно было положиться как на данные, близкие к «настоящей» величине измеряемого признака. Следовательно, точность можно понимать как меру достоверности, с какой тест измеряет то, что он измеряет. Существует ряд источников погрешностей, снижающих точность тестов и надежность результатов. К ним относятся: неблагоприятные условия тестирования, недостаточное внимание к состоянию испытуемых в момент испытания, неверное поведение экспериментатора, а также субъективность в истолковании результатов теста. Кроме учета и устранения источников погрешностей надежность теста повышают посредством повторного испытания с последующим вычислением коэффициента корреляции между данными первого и второго тестирования. Подобная тщательная и объективная проверка надежности теста необходима психологам, чтобы знать, для каких целей и в каких пределах его можно применять.

Наряду с надежностью к тесту предъявляется требование валидности (или адекватности). Валидность – это степень, в которой тест действительно измеряет то, для чего он предназначен.

Для установления валидности обычно требуется независимый внешний критерий по отношению к тому, что тест должен измерить. Например, если разрабатывается тест для измерения склонности к риску, то он может быть валидизирован проверкой этой склонности в группе мотогонщиков, каскадеров и т. д. Совокупность таких внешних показателей риска будет критерием, с которым следует соотнести исходные тестовые показатели риска. Далее определяется коэффициент валидности с помощью коэффициента корреляции. При конструировании тестов применяется еще целый ряд специальных статистических процедур, позволяющих сделать тест более чувствительным и надежным инструментом.

При работе с тестами следует отметить также и этический аспект. Проведение и интерпретация психологических тестов должны обязательно идти под контролем квалифицированного психолога. В руках недобросовестного или некомпетентного экспериментатора тесты могут принести серьезный вред. Особенно это касается личностных тестов или опросников; поэтому важно предотвратить доступность их для любого желающего.

Описанные выше базовые методы исследований, а также методы измерения и тестового оценивания индивидуальных различий лежат в основании многих современных объективных методов эмпирических исследований. К ним относятся метод опроса, проективный метод, метод отраженной субъектности.

Опрос представляет собой способ получения информации об изучаемом индивиде, группе, социальной общности в ходе непосредственного (интервью) или опосредованного (опросник, анкета) общения экспериментатора и респондента (т. е. лица, отвечающего на вопросы исследователя). Опрос является одним из самых распространенных (хотя и не очень надежным) методов исследования личности. Цель опроса – выявить мнения, установки, представления человека о себе, окружающих людях и явлениях действительности. Наиболее эффективно применение опроса в сочетании с другими методами, что позволяет существенно снизить исходный субъективизм полученных данных, а также повысить валидность и надежность применяемых опросников. Различают три вида инструментального обеспечения метода опроса: а) интервью, б) опросники-анкеты и в) личностные опросники.

Интервью представляет собой способ получения информации в процессе устной беседы. Метод интервью столь же древний, как и наблюдение. В психологии интервью применяют в клинической практике, при консультировании, при исследовании личности, в профессиональных и образовательных целях и т. д. Различают интервью свободное (или глубинное), не регламентированное формой и темой, в ходе которого интервьюер создает для респондента комфортную коммуникативную обстановку, поощряя говорить свободно и непринужденно, и интервью структурированное (или стандартизованное), по форме похожее на устно предъявляемый опросник и подчиненное определенной теме.

Интервью дает возможность получить информацию двух типов. Во-первых,

можно наблюдать за респондентом, его речью, позой, мимикой, манерой вести себя с незнакомым человеком. Во-вторых, интервью позволяет получить данные о прошлой жизни человека, восприятии им прошедших событий, их оценке, описании сопутствующих обстоятельств. Интервью нередко применяют и для установления тесного личного контакта с собеседником, чтобы обеспечить последующую работу с ним.

Опросники-анкеты берут начало в разработанных Ф. Гальтоном, К. Пирсоном и Дж. Кеттелом стандартизованных анкетах и шкалах порядка. Их разработки стали использовать другие исследователи при составлении самых разнообразных опросников-анкет, а также личностных тестов. Опросники-анкеты предназначены для получения такой информации о субъекте, которая не имеет непосредственного отношения к его личностным чертам и особенностям. Таковы, например, биографические анкеты-опросники, опросники интересов, опросники установок.

Биографическая анкета-опросник предназначена для получения сведений из истории жизни человека, и ее применяют, когда нелегко провести интервью. Психологи-экспериментаторы используют тщательно разработанные биографические опросники для самых разнообразных целей, например, для формирования относительно однородных подгрупп, классификации субъектов на основании их прошлого опыта и т. д.

Опросники интересов предназначены для выявления профессиональных и образовательных потребностей испытуемых, а также задач профессионального отбора. При разработке опросников интересов пользуются косвенными методами, т. е. не формулируют прямых вопросов. Опыт показал, что ответы на прямые вопросы об интересах часто ненадежны, поверхностны и нереальны. Это происходит потому, что большинство людей недостаточно информировано о различных профессиях и видах деятельности, а кроме того им мешают стереотипы представлений о некоторых профессиях и их привлекательности. Бланк профессиональных интересов, разработанный З. Стронгом, включает 23 шкалы основных интересов. Уровень интереса оценивается по пятиступенчатой шкале. Существуют опросники и со 124 шкалами профессиональных интересов.

Личностные опросники предназначены для исследования и измерения выраженности тех или иных индивидуальных особенностей субъектов. Их прототипом считают «бланк личностных данных» Р. Вудвортса, разработанный им в годы первой мировой войны и предназначенный для выявления людей, страдающих неврозами и непригодных к военной службе. Методический подход Вудвортса был использован потом многими исследователями для построения опросников, направленных на измерение черт личности, ее мотивов, ценностей, установок. К настоящему времени существует несколько сотен разнообразных личностных опросников, получивших широкое распространение во всем мире. Наиболее известные среди них – личностный опросник Г. Айзенка, шестнадцатифакторный личностный опросник Кеттела, Миннесотский

многоаспектный личностный опросник.

Личностный опросник Айзенка предназначен для исследования эмоциональной устойчивости и степени общительности субъекта. При разработке опросника Г. Айзенк опирался на допущение, что психические расстройства являются как бы продолжениями индивидуальных различий, наблюдаемых у нормальных людей. Так, например, нейротизм (или эмоциональная неустойчивость) при очень высоких показателях может свидетельствовать о развитии невроза (нервно-психического расстройства, в основе которого лежит нарушение значимых жизненных отношений человека).

Шестнадцатифакторный личностный опросник Кеттела был впервые опубликован в 1950 году, постоянно совершенствовался и сейчас существует в двух эквивалентных формах (А и В). Опросник содержит 187 утверждений и предназначен для людей от 16 лет и старше. Имеются также варианты опросников для детей и подростков. Особенность подхода Кеттела к разработке опросника в том, что он собрал все имеющиеся в языке описания личностных черт человека и далее с помощью специального статистического метода (факторного анализа) свел их к серии из 16 факторов. Каждый из них построен на биполярной основе и измеряется с помощью шкалы порядка в интервале от 1 до 10 баллов.

Миннесотский многоаспектный личностный опросник – один из самых известных и употребляемых личностных опросников. Он был разработан в 1940 году С. Хатуэем и Дж. Маккинли и состоит из 550 утверждений, отвечая на которые, испытуемый решает, «верно» или «неверно» каждое утверждение опросника по отношению к нему. Основанием для классификации исследуемых личностных свойств послужила классификация психических заболеваний, предложенная Э. Крепелиным. Для определения нормативных показателей опросник предъявлялся большой группе здоровых людей. Затем эти показатели сопоставлялись с полученными при обследовании различных клинических групп. Так были отобраны утверждения, которые достоверно различали здоровых и каждую из изученных групп больных людей. Эти утверждения объединили в 10 шкал, получивших название в соответствии с клинической группой, по которой та или иная шкала была валидизирована. К примеру, шкала ипохондрии отражает отношение обследуемого к своему здоровью; шкала депрессии определяет степень субъективной депрессии и морального дискомфорта; шкала истерии определяет симптомы, присущие лицам с истерическими расстройствами, когда, например, используются симптомы физического заболевания в качестве средства разрешения сложных личностных ситуаций (я часто ощущаю «комок» в горле; считаю, что большинство людей способно солгать, если то в их интересах; я никогда не падал(а) в обморок и т. д.).

Спецификой этого опросника является наличие трех шкал контроля, представляющих собой способ проверки небрежности, непонимания, фальсификации ответов, а также отношения к опроснику. Такова, например, шкала «лжи», которая выявляет установку испытуемого представить себя в более

благоприятном ответе, т. е. оценивает искренность субъекта. Если данные, полученные по этой шкале, превышают определенную величину, то обследование считается недостоверным.

Кроме десяти основных клинических шкал, на основе этого опросника создано около 400 дополнительных шкал – академических способностей, лидерства, социальной ответственности, впечатлительности, способности к достижению цели и т. д.

Относительная простота применения опросников и легкость обработки полученных данных создают иллюзию, что исследователь всегда получает объективные и достоверные знания о личности. Однако это далеко не так. Нередко результаты получаются фальсифицированными. Некоторые испытуемые стремятся дать о себе неверные сведения, например обнаруживают тенденцию выбирать социально одобряемые варианты ответов.

Проективные методы представляют собой способ опосредованного изучения личностных особенностей человека по результатам его продуктивной деятельности. Например, человеку предлагают что-либо нарисовать (дом, дерево, несуществующее животное), или сделать свободное описание какого-либо объекта, события, или вылепить скульптурное изображение.

Главной особенностью проективных методик является то, что на заданный вопрос допускается неограниченное количество разнообразных ответов. Чтобы фантазия индивида могла свободно разыграться, дается очень короткая и в самых общих выражениях инструкция.

Существуют следующие наиболее известные проективные методики.

Методика чернильных пятен Роршаха – одна из самых популярных проективных методик, которая была впервые описана Германом Роршахом в 1921 году. До него стандартизованные серии чернильных пятен использовались психологами для изучения воображения и других функций. Роршах был первым, кто отметил связь между продукцией воображения и типом личности, применив чернильные пятна для диагностического исследования.

Тест состоит из черно-белых, черно-красных или выполненных в пастельных тонах 10 стандартных картинок, предъявляемых испытуемому в определенной последовательности. Методика Роршаха позволяет получить данные о степени реалистичности восприятия действительности, эмоциональном отношении к миру, уровне тревоги и т. д.

Метод отраженной субъектности (В.А. Петровский, 1985) представляет собой анализ личности индивида через его идеальную представленность в жизнедеятельности других людей (в их мотивациях, самоконтроле, поступках). Экспериментатор оценивает или измеряет психологические особенности какого-нибудь индивида, например учащегося, выступающего в роли испытуемого. Его индивидуальные особенности, измеренные каким-либо известным традиционным методом, фиксируются и принимаются за точку отсчета. Далее испытуемый вступает в реальное или воображаемое взаимодействие с другим субъектом,

например учителем (исследуемым). Задача экспериментатора – изучить личность учителя. Сдвиг в проявлении индивидуальных характеристик ученика после взаимодействия с учителем выступает в качестве исходной характеристики личности учителя. Предполагается, что мерой личности исследуемого учителя служит фиксируемая экспериментатором степень изменения поведения и сознания (например, изменение самооценки).

Психология использует большое количество разработанных с целью решения своих исследовательских задач методов. Тем не менее все они базируются на нескольких основных общенаучных подходах: принципе системности, операционализации и формализации исследований, повышении их надежности, а также на использовании современных математических методов.

Современные проблемы исследования личности

Как говорилось выше, проблема природы личности и сущности ее психологических характеристик приобрела в России остроту и актуальность в 60-80-е годы XX века и породила оживленные дискуссии.

От «коллекционерского» к «системному» подходу

Уже к середине 70-х годов был преодолен «коллекционерский» подход к личности, превращавший ее в некую емкость, принимающую в себя черты темперамента, характера, преобладающие потребности и интересы, способности, склонности, когда личность выступала как набор качеств, свойств, характеристик, особенностей. В условиях такого подхода задача психолога сводилась к каталогизации всех этих богатств и выявлению индивидуальной неповторимости их сочетаний для каждого отдельного человека.

Представление о личности как коллекции индивидуальных черт оказывалось удивительно неэвристичным уже хотя бы потому, что стирало грань между понятиями «личность» и «индивид», дробило личность на составляющие, рядоположные друг другу, и лишало понятие «личность» его категориального содержания, той высшей степени обобщенности, без которой не может быть построена ни одна психологическая концепция.

При подобной «коллекционерской» ориентации быстро обнаружились затруднения, связанные с переходом от общепсихологического понимания личности к рассмотрению проблем ее формирования в возрастной и педагогической психологии, ее реабилитации – в медицинской психологии и патопсихологии, наконец, к изучению ее в системе межличностных отношений в социальной психологии. Все это поставило в повестку дня вопрос о необходимости структурирования многочисленных личностных качеств (число

которых, как было уже тогда подсчитано, равнялось полутора тысячам, а то и больше). С середины 60-х годов предпринимаются попытки выяснить общую структуру личности. Бесспорно, это было шагом вперед по сравнению с преобладавшими в прошлом перечислительными трактовками.

Однако очень скоро обнаружилось, что общая структура личности интерпретируется главным образом как некая контаминация биологически и социально обусловленных ее особенностей. Проблема соотношения биологического и социального с этого момента приобретает едва ли не центральное положение в психологии личности. Полемика по проблемам личности (1969) во многом проходила под знаком понимания ее как биосоциального существа и структурного подхода к ней. И хотя понимание структуры личности вызывало споры, все больше утверждалось мнение, что в личности должны быть выделены «исключительно социально обусловленная подструктура» и «биологически обусловленная подструктура». Правда, иногда указывалось на наличие еще двух подструктур – опыта и индивидуальных особенностей форм отражения, но отнесение их к сфере социального или биологического не уточнялось, а глухо отмечался их промежуточный характер.

Такое структурирование было бы понятно, если бы речь шла о человеке как индивидуальности. Биосоциальная природа человека и его индивидуальности спора вызвать не может. Но личность – субъект и продукт общественного развития, превратившего биологическую особь в творца исторического процесса, – явно не могла сохранять биологическую подструктуру, рядоположную подструктуре социальной. Нельзя было ставить знак равенства между понятиями «личность» и «человек», «личность» и «индивид».

Разумеется, сома индивида, его эндокринная система, преимущества и дефекты его физической организации влияют на течение его психических процессов, формирование психических особенностей. Но из этого не следует, что четверть или треть его личности – как особая подструктура – должна быть отдана в ведение биологии. Биологическое, входя в личность человека, становится социальным, переходит в социальное. Например, мозговая патология порождает в человеке, в структуре его индивидуальности биологически обусловленные психологические черты, но личностными чертами, конкретными особенностями личности они становятся или не становятся в силу социальной детерминации. Оставался ли этот индивид как личность просто умственно неполноценным или он стал почитаемым «юродивым», «блаженным», т. е. своего рода исторической личностью, к пророчествам которого в давние времена прислушивались люди, зависело от исторической среды, в которой его индивидуально-психологические черты сформировались и проявились. Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы.

К концу 70-х годов ориентация на структурный подход к проблеме личности сменяется тенденцией применения системного подхода. Можно ли здесь говорить

о каком-либо новом этапе развития психологической теории? Этот вопрос уместен, если учесть, что не так просто уловить разницу в использовании понятий «структурный подход» и «системный подход». Не случайно часто пишут через дефис «системно-структурный подход». И все-таки есть определенные основания для выделения нового этапа теоретического развития. Дело в конечном счете не в фактическом сближении (а может быть, и неразличимости) понятий «структура» и «система», а в том, что на самом деле лежит за обращением к каждому из этих понятий в плоскости конкретно-психологического исследования.

Методологическая и экспериментальная работа, протекавшая под знаменем структурного подхода, сосредоточила внимание психологов на классическом вопросе, как относится часть к целому и целое к части – целостная структура личности к различным ее подструктурам и наоборот. И все в основном вращалось вокруг этого. Главное, очевидно, в том, что «структуралистские» декларации не были в свое время обоснованы и поддержаны предварительной методологической проработкой; философский анализ понятия «структура личности» не предшествовал анализу психологическому. И это не могло не сказаться на итогах.

Иная ситуация характеризует применение системного подхода к разработке психологической теории личности. За его подключением к психологии стоит длительная и эффективная работа специалистов-«системников». Это именно та обязательная методологическая проработка, без которой нельзя всерьез приниматься за решение конкретных психологических проблем. Необходимо было усвоить общие принципы системного анализа, после чего можно переносить его в психологию личности. Однако нельзя сказать, что так уж легко и просто осуществить такой процесс. Например, принципы системного анализа, обязательные для построения теории личности, требуют выделения системообразующего признака личности, но тот системообразующий признак должен быть обнаружен не в общих системных представлениях, а в самой ткани психологической реальности.

Признание несомненного единства, но не тождества понятий «личность» и «индивид» (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев и другие) порождало ряд вопросов и среди них вопрос о том, что представляет собой это особое системное качество индивида, которое обозначается термином «личность» и оказывается несводимым к биологическим предпосылкам, включенным в природу его носителя – индивида.

А.Н. Леонтьев писал: *«Личность ≠ индивид: это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается... Иначе говоря, личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами».* И там же: *«С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических*

процессов, отдельных свойств и состояний человека; это — исследование его места, позиции в системе, которая есть система общественных связей, общений, которые открываются ему; это исследование того, что, ради чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им...»[41].

Предложенному А.Н. Леонтьевым пониманию соотношения индивида и личности, заключающемуся в «новом психологическом измерении», ином, чем измерение, в котором ведутся исследования психических процессов, свойств и состояний человека (другими словами, за пределами традиционного «индивидуально- или дифференциально-психологического» раздела общей психологии), во многом отвечает концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений. С этой точки зрения личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Межличностные связи вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны»; они заключены в конкретных свойствах индивида, но к ним несводимы; они даны исследователю в проявлениях личности каждого члена группы, но вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, определяющие особую позицию каждого в системе межиндивидных связей, шире – в системе отношений в социуме.

Три репрезентации личности

Как же можно вычленить собственно личностные характеристики субъекта, которые не совпадали бы с общепсихологической, или, точнее говоря, дифференциально-психологической, традицией изучения индивида и не растворялись без остатка в межсубъектных связях как предмете социально-психологического исследования?

Понятие «индивид» является логически исходным для последующего обсуждения проблемы. При этом под индивидом понимается отдельный представитель человеческой общности. Личность характеризует индивида в аспекте его включенности в социальное целое. Мы говорим о личности индивида (о «личностном») как о специфическом качестве, которое характеризует индивида со стороны его связей с другими индивидами, с общностью, которой он принадлежит, т. е. мы говорим о его «системном качестве». Таким образом, мы оказываемся перед проблемой описания и соотнесения реальных предметов, соответствующих этим понятиям, и главное – перед вопросом о том, как личностное вписывается в сферу бытия индивида. Иногда этот вопрос

[41] *Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв. Т.I. М., 1983, с. 385.*

формулируется так: *«Где (в каком пространстве) существует личность?»* (Э.В. Ильенков).

Если принять во внимание факт единства, но не тождества личности и индивида, то открывается возможность увидеть личность даже не в одном «пространстве», или «психологическом измерении», но в трех пространствах, не совмещающихся, а, скорее, пересекающихся. Могут быть соответственно заданы три аспекта рассмотрения личности, три ее репрезентации.

Первый аспект, первое измерение – личность трактуется как свойство, погруженное в пространство индивидуальной жизни субъекта. Личность прежде всего выступает в аспекте ее индивидуальности, в ее отличиях от других. В этом же измерении обнаруживаются социально-культурные варианты понимания личности, где подчеркивается социальная детерминация особенностей ее поведения и сознания. Здесь же и понимание личности как субъекта активности. В этих интерпретациях содержатся различные способы понимания единичного и всеобщего в индивиде. Взятый в своих индивидуальных различиях, индивид выступает в своей нетождественности всеобщему и через свое неслияние с ним выявляет себя как личность. Вместе с тем в идее присвоения индивидом элементов культуры, предметного бытия, общественного целого личность выступает позитивно: через утверждение своей общности с социальным целым. В идее активности индивид как личность оказывается как бы поверх барьеров своей природной или ситуативной ограниченности.

Второе измерение – способ понимания личности, где сферой ее определения и существования становится «пространство межиндивидных связей». Не сам по себе индивид, способный к деятельности и общению, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида (а фактически общность, группа), рассматриваются в качестве носителей личности каждого из них. Из этого следует, что личность как бы обретает свое особое бытие, отличающееся от телесного бытия индивида: *«Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в «ансамбле») предметных, вещественно осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности»*[42].

Примечательно, что, переводя рассмотрение личности в это интериндивидное пространство, мы обретаем возможность ответить на вопрос о

[42] *Ильенков Э.В. Что же такое личность?// С чего начинается личность? М., 1979, с. 216*

том, что представляют собой многие хорошо исследованные социальной психологией феномены (самоопределение личности и т. д.). Что это: собственно групповые или личностные явления? По-видимому, в интериндивидном измерении ложная альтернатива (личностное или групповое?) оказывается преодоленной. Личностное выступает через групповое, групповое – через личностное. Вопрос, таким образом, снимается.

Наконец, третье измерение. Необходимость обратиться к нему продиктована некоторыми реальными ограничениями, которые приходится иметь в виду. Спрашивается: а что происходит с личностью индивида за пределами интериндивидного пространства? Продолжает ли личность как системное качество индивидов, пребывающих в ситуации взаимодействия, «существовать» и за границами общей для них ситуации, «по ту сторону» актуального общения? Второй вопрос. До сих пор бытие личности предполагалось существующим, т. е. развертывающимся и фиксирующимся главным образом в предметно-вещной или функционально-эмоциональной, объектной стороне связей между индивидами. Но, может быть, существуют собственно субъектные формы фиксации бытия данного индивида в других людях? И последний вопрос. Интерсубъектные представления о личности исходят из имплицитного допущения тождества социальной активности и ее конечных эффектов. Но это не всегда так. Индивид способен вызывать значимые для другого индивида изменения, однако от собственных побуждений первого лица прямо не зависящие, возникающие как бы помимо, а иногда даже вопреки его воле. *«Так кто ж ты, наконец? – Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»* (Гете. Фауст). Нет необходимости говорить об очевидных противоположных случаях бесплодной активности. Поэтому не следует ли эффекты воздействия выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествляемых с проявлениями социальной активности индивидов?

Третье измерение личности индивида и будет ответом на все эти вопросы.

Итак, по-видимому, существует еще одно пространство, в котором развертывается личность как системное качество индивида. Личность при этом не только выносится за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы наличной совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз — в «другого» («других»). В этом случае в центре внимания психолога оказываются вклады в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством деятельности. Индивид выступает как субъект этих активно осуществляемых преобразований так или иначе связанных с ним людей. Таким образом, мы уже видим личность под новым углом зрения: важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усмотреть в наборе имманентных качеств индивида, предлагается искать не только в нем самом, но и в других людях.

Итак, прокладывается новый путь интерпретации личности: она выступает

как идеальная представленность индивида в других людях, как его «инобытие» в них (и, между прочим, в себе как «другом»), как его персонализация. Сущность этой идеальной представленности, этих «вкладов» — в тех реальных смысловых преобразованиях, действенных изменениях интеллектуальной и аффективно-потребностной сферы личности другого человека, которые производят деятельность индивида и его участие в совместной деятельности. «Инобытие» индивида в других людях — это не статический отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода продолжении себя в другом. Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) – обрести вторую, имеющую свою динамику жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения.

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспомним слова А.С. Пушкина: *«Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит»*. Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается, порождая у них переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленостью индивида и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности – это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев.

Разумеется, личность может быть характеризуема только в единстве всех трех предложенных аспектов рассмотрения: как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого. Одна и та же черта личности выступает по-разному в каждом из «пространств», но это та же самая черта.

Определяющей характеристикой личности служит ее активность, которая в интраиндивидном плане выступает в явлениях выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний (реактивности), т. е. в феноменах «над ситуативной», «надролевой» активности; в интериндивидном плане – в поступках, социальных актах; в метаиндивидном плане – в деяниях, т. е. в реальных вкладах в других людей. Понятие «деяние» используется здесь в смысле, близком к гегелевской трактовке: *«Деяние – это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим»*[43].

---

[43] *Гегель Г. Работы, разных лет. Т. 2. М., 1971, с. 10.*

Следуя логике данного подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах, и в частности в самом себе как «другом», что формирует в других идеальную его представленность – его «личностность», то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности. Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, имеющей возможность взвесить эти личностные вклады достаточно точно. Напомним, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик (*«Через других мы становимся самими собой»,* – писал Л.С. Выготский).

Если подлинную личность метафорически можно трактовать как источник некоей мощной радиации, преобразующей связанных с этой личностью в условиях деятельностного опосредствования людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т. д.), то индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрино, гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколь угодно плотную, среду, не производя в ней никаких – ни полезных, ни вредных – изменений. «Безличность» – это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни и тем самым лишает его самого личности.

Может возникнуть вопрос: если личность и индивид нетождественны, то, считая теоретически возможным наличие индивида, не осуществившего себя как личность, допустимо ли предположить существование личности без индивида? Допустимо, но это будет квазиличность. Если даже предположить, что, не было Иисуса Христа как конкретного индивида, его личность, сконструированная евангельскими текстами, оказывала огромное влияние на социальную жизнь и христианскую культуру в течение двух тысячелетий, структурируя личности и судьбы людей, их взгляды, чувства и убеждения. Преобразующее влияние здесь оказывается не менее действенным, чем иной абсолютно достоверной исторической личности.

Разумеется, индивид без личности, как и квазиличность без индивида, – явление исключительное, но обращение к такой гипотетической ситуации как мысленному эксперименту достаточно показательно для понимания проблемы единства и нетождественности личности и индивида. Вместе с тем рассмотренная здесь идея трех измерений в описании личности не может быть, как мы считаем,

сведена к проблеме соотношения индивида и личности. Она открывает возможность ответить на многие другие, давно – еще в 20 – 30-е годы – поставленные вопросы психологии личности.

Л. С. Выготский о личности

Рассматривая состояние психологической науки, Л.С. Выготский отмечал, что для нее до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии – проблема личности и ее развития. И далее: *«Только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии может привести нас к исследованию развития того самого высшего психического синтеза, который с полным основанием должен быть назван личностью ребенка»*[44].

Обратившись к трудам Выготского, можно выделить по меньшей мере четыре идеи, исключительно конструктивных и образующих в целом определенные предпосылки для становления психологической концепции личности, оформление которой заботит нас сегодня.

Первая идея – идея активности индивида, с особенной силой выступившая не только в теоретических конструкциях Выготского, но и в построенном им инструментальном методе исследования развития высших психических функций. В позднейших интерпретациях и конкретных приложениях инструментального метода подчеркивалось прежде всего значение орудия для формирования высших психических функций и фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т. д.). Между тем, в отличие от некоторых современных методов формирования психических функций (алгоритмизация обучения, поэтапное формирование умственных действий), в экспериментальных исследованиях Выготского обращение к орудию и способ действия с ним не предписывались и тем более не являлись сколько-нибудь принудительными. Орудие рассматривалось Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности. В инициативе индивида, обращающегося или не обращающегося к орудию, в самом способе использования орудия сказывалась и отчетливо выступала перед исследователем непосредственно ненормированная социумом активность.

Сама суть разработанного им инструментального метода, по крайней мере в плане возрастного подхода — как раз и состояла в том, чтобы установить активную роль субъекта, ребенка, обращающегося к орудию. В частности, предлагалось выяснить возрастные границы обращения ребенка к внешнему

---

[44] *Выготский Л.С Собр. соч. Т. 3. М:, 1983, с. 41.*

средству, как, впрочем, и возрастные рубежи отмирания потребности во внешних средствах, организующих деятельность. Переход извне вовнутрь изначально трактовался Выготским как обусловленный активностью субъекта.

Одной из важнейших теоретических предпосылок инструментального метода явился именно принцип активности индивида – *«активное вмешательство человека в ситуацию», его «активная роль, его поведение, состоящее во введении новых стимулов»*[45].

«Человека забыли», – пишет Выготский, критикуя механическую схему «стимул–реакция». Таким образом, Выготский наметил своего рода возврат человека в психологию, вплотную подведя ее к проблеме личности как активного индивида.

Вторая идея, возникающая на путях преодоления натуралистического подхода к психологическим феноменам, – мысль Выготского об основной особенности психических свойств человека: их опосредствованном характере. Функцию опосредствования, как известно, обеспечивают знаки, с помощью которых происходит овладение поведением, его социальная детерминация. Применение знаков, т. е. переход к опосредствующей деятельности в корне перестраивает психику, усиливая и расширяя систему психической активности. Именно эта идея оказалась особенно плодотворной для разработки наиболее развитых отраслей психологической науки, прежде всего детской и педагогической психологии. Принцип опосредствования оказался здесь ведущим, активно противостоящим бихевиористским схемам.

Как было показано выше, теоретический принцип, столь продуктивный для областей психологии, составлявших предмет особого интереса Выготского, был распространен на область социальной психологии, в частности на изучение групп и отношений между людьми, на психологию личности в группах. Эта позиция определила в 70-е годы поиск, направленный на адекватное теоретическое решение проблемы межличностных отношений.

Третья идея – положение об интериоризации социальных отношений. При рассмотрении генезиса высших психических функций ребенка эта идея выступила в трудах Выготского прежде всего с «безличной», орудийной стороны. Он отмечаем, что знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и служит, по существу, общественным органом или социальным средством. Однако в рамках тех же представлений существовала возможность разрабатывать наряду и в связи с вопросом об интериоризации орудийных моментов проблему интериоризации собственно субъектных (активных интенциональных) моментов, представленных в социальных отношениях.

Акты интериоризации, как отмечал Выготский, совершаются главным образом в процессах общения. Общение рассматривается им как процесс,

---

[45] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 3, с. 75.*

основанный на разумном понимании и намеренной передаче мыслей и переживаний с помощью известной системы средств. Последнее означает, что социальные отношения, оставаясь орудийно опосредствованными, суть отношения конкретных индивидов и несут, следовательно, отпечаток их индивидуальности. Выготский пишет о «передаче переживаний». Допустимо предположение, что в этих процессах происходит как бы перенос индивидуальных характеристик общающихся и формирование идеальной представленности их в чужом Я. Не в том ли состоит специфика обучения в отличие от воспитания, что первое связано преимущественно с орудийно безличным характером передачи и усвоения социального опыта, а второе – с трансляцией прежде всего субъектных качеств индивидов? И тогда – в иных терминах – первое – трансляция «значений», второе – «личностных смыслов» и переживаний. И то и другое, впрочем, выступает в единстве, распадающемся лишь в условиях теоретического анализа или дидактического изложения.

Представляется, если следовать самой логике развертки идей активности, опосредствованности и интериоризации социальных отношений, что личность (в данном случае, разумеется, для нас, а не для Выготского) выступает в качестве своеобразного синтеза собственных качеств данного индивида и интериоризированных субъектно-интенциональных качеств других индивидов. К этому выводу мы неизбежно приходим, если брать понятие интериоризации в полном объеме, а не только утилитарно практическом. Личность тогда оказывается невозможной без интериоризированных в данного индивида других индивидов, формирующих свое «представительство» в первом, ибо, как было уже отмечено, «через других мы становимся самими собой» (Выготский). Личность индивида должна быть раскрыта также и со стороны бытия данного индивида в других индивидах и для других индивидов. И тогда оказывается, что конкретно охарактеризовать личность — значит ответить не только на вопрос о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) во мне, но и как я сам и в ком именно состою в качестве «другого», как бы изнутри определяя чье-либо сознание и поведение.

Здесь, следовательно, открывается и новая проблема: каким образом индивид обусловливает свое «присутствие» в других индивидах. Выясняя, что представляет собой данный индивид «для других» и «в других», как и то, что они представляют «для него» и «в нем», мы в первую очередь сталкиваемся с эффектом «зеркала», когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Эта линия исследования представлена во множестве психологических работ по социальной перцепции (Г.М. Андреевой и других).

Другой путь, практически лишь намеченный, ориентирует исследователя на анализ феноменов и механизмов реальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других людей. На этом пути «для

других» бытие индивида выступает как относительно автономное («отщепленное», «независимое») от него самого. По существу, перед нами проблема «идеального бытия» индивида.

И, наконец, четвертая идея, только пунктирно намеченная Выготским: становление личности заключается в переходах между состояниями «в-себе», «для-других», «для-себя-бытия». Эта идея была им проиллюстрирована на примере всего развития высших психических функций: *«Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других. Это и есть процесс становления личности»*[46].

С этим положением Выготского нельзя не согласиться, но нужно задать вопрос: а что именно личность «предъявляет для других»? Действие? Поступок? Или, может быть, что-то еще?

В ранней работе «Педагогическая психология» Выготский весьма близко подошел к рассмотрению этой проблемы. Надо сказать, что наиболее интересные страницы этой книги касаются эстетического восприятия и переживания, художественного воспитания ребенка. Л.С. Выготский уделяет особое внимание изучению волновавшей его проблемы «морального последействия искусства», в котором действие перетекает в его результат, не предусмотренный намеренно. *«Моральное последействие искусства, несомненно, существует и обнаруживается не в чем другом, как в некоторой внутренней проясненности душевного мира, в некотором изживании интимных конфликтов и, следовательно, в освобождении некоторых скованных и оттесненных сил, в частности сил морального поведения»*[47].

Что же превращает «моральное последействие искусства» в своеобразное деяние для того, кто потребляет эти продукты? Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Выготский приводит ряд примеров из художественной литературы. Так, он вспоминает рассказ А.П. Чехова «Дома», где повествуется о неудачной попытке отца путем сухих нравоучений объяснить семилетнему мальчику предосудительность курения. И только рассказав наивную сказочку о старом короле и его маленьком сыне, который от курения заболел и умер, отец достигает эффекта, для него самого неожиданного, – сын упавшим голосом говорит, что курить больше не будет. Сказка обеспечила «моральное последействие искусства». *«Самое действие сказки возбудило и прояснило в психике ребенка такие новые силы, дало ему возможность почувствовать и боязнь и заинтересованность отца в его здоровье с такой новой силой, что моральное последействие ее, подталкиваемое предварительной настойчивостью отца, неожиданно сказалось в том эффекте, которого тщетно добивался отец*

---

[46] *Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 3. с. 144.*

[47] *Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1926, с. 257.*

раньше»[48].

К такого рода примерам Выготский обращается не раз. Складывается впечатление, что его вообще интересовали эффекты несовпадения намерений субъекта и произведенного результата, иными словами, его занимала проблема личностных, смысловых преобразований другого человека как аспект соотнесения «в-себе», «для-других» и «для-себя-бытия» индивида. Он пытается интерпретировать психические акты в свете представлений об «активности эстетического переживания», выдвигая гипотезу о существовании особой деятельности, составляющей природу эстетического переживания. *«Мы еще не можем сказать точно,* – пишет Л.С. Выготский, – в чем она заключается, так как психологический анализ не сказал еще последнего слова о ее составе, но уже и сейчас мы знаем, что здесь идет сложнейшая конструктивная деятельность, осуществляемая слушателем или зрителем и заключающаяся в том, что из предъявляемых внешних впечатлений воспринимающий сам строит и создает эстетический объект, к которому уже и относятся все его последующие реакции»[49].

Эту деятельность Выготский обозначает как «вторичный творческий синтез».

В этой связи личность как система обнаруживает себя дважды: в первый раз – в актах социально ориентированной активности, в действиях и поступках, второй раз – в завершающих поступок актах «вторичного творческого синтеза», основанного на встречной активности другого лица.

Взгляды Выготского вплотную подводят к пониманию личности как особой формы организации взаимной активности данного индивида и других индивидов, где реальное бытие индивида органически связано с идеальным бытием других индивидов в нем (аспект индивидуальности) и где в то же время индивид идеально представлен в реальном бытии других людей (аспект персонализации).

Идеи Выготского, складывавшиеся главным образом в психологии познавательных процессов и в возрастной и педагогической психологии, успешно экстраполированы в область психологии личности и оказываются там существенно важными для разработки ряда теоретических принципов. Так, можно предположить, что на определенном этапе общественного развития личностное как системное качество индивида начинает выступать в виде особой социальной ценности, своеобразного образца для освоения и реализации в индивидуальной деятельности людей.

---

[48] *Выготский Л.С. Педагогическая психология, с. 358.*

[49] *Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1926, с. 252.*

Потребность «быть личностью»

Запечатлевая, продолжая себя в других членах общества, человек упрочивает свое существование. Обеспечивая посредством активного участия в деятельности свое «инобытие» в других людях, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации. Субъективно последняя может выступать в мотивации достижения, притязаний на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и может быть или не быть рефлектирована, осознана. Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность, жизненно необходимую для поддержания единства, общности, преемственности, передачи способов и результатов деятельности и, что особенно важно, установления доверия друг к другу, без чего трудно надеяться на успех общего дела.

Таким образом, выделяя себя как индивидуальность, добиваясь дифференциальной оценки себя как личности, человек полагает себя в общности как необходимое условие ее существования, поскольку он производит всеобщий результат, что позволяет сохранять эту общность как целое. Общественная необходимость персонализации очевидна. В противном случае исчезает и становится немыслимой доверительная, интимная связь между людьми, связь между поколениями, где воспитуемый впитывает в себя не только знания, которые ему передаются, но и личность передающего. На определенном этапе жизни общества эта необходимость выступает в виде ценностно закрепленных форм социальной потребности.

Процесс, благодетельный для общества в целом, не менее благодетелен для каждого индивида. Прибегая к метафоре, можно сказать, что в обществе изначально складывается своеобразная система «социального страхования» индивида. Осуществляя посредством деятельности позитивные вклады в других людей, щедро делясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе внимание, заботу, любовь, уважение. Не следует понимать это узко прагматически. Продолжая свое бытие в других людях, человек не обязательно предвкушает будущие дивиденды; он действует, имея в виду конкретные цели деятельности, ее предметное содержание, а вовсе не то, чем для других индивидов оборачиваются его деяния (хотя не исключена и осознанная потребность в персонализации).

Итак, гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях, жить в них, что предполагает поиск деятельностных средств продолжения себя в другом человеке. Подобно тому как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически (продолжить род, произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, обеспечив идеальную представленность, свое «инобытие» в других людях. Это позволит понять сущность общения, которое невозможно свести только к обмену информацией, к актам коммуникации; оно представляет собой процесс, где человек делится своим

бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и благодаря этому выступает для них как личность.

Потребность «быть личностью», потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей, в практику и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями. Стремясь включить свое Я в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объекта персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный субъект, либо в углублении самого процесса, т. е. в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

Реализуя потребность быть личностью и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту «транспортировку» отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной деятельности, производимой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в группе высшего уровня развития, где персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. В группах корпоративного типа, напротив, каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации других. Этот психологический факт фиксирует концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений.

Потребность в персонализации и мотивы поведения индивида

В том случае, когда потребность индивида осуществить себя в качестве личности дана имплицитно, как скрытая мотивация его поступков и деяний (а чаще всего так происходит), она выступает как сущностная характеристика, представленная в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях – мотивации достижения, притязаниях, аффилиации, склонности к риску, эмпатии и т. д. Для многих исследователей личности типичны попытки или выводить эти феномены друг из друга, или сводить один к другому, или находить их основания то в прагматической нацеленности человеческой мотивации, то в имманентном стремлении к «самореализации» и «самоактуализации».

Идея потребности индивида в персонализации, как можно надеяться, позволит понять, реинтерпретировать эти феномены, увидеть за конкретными психологическими явлениями их внутреннюю сущность.

Можно рассмотреть возможность подобной реинтерпретации применительно к каталогу мотивов, предложенному оксфордским профессором

психологии М. Аргайлом, – не потому, что этот перечень как-то особенно интересен или оригинален, а как раз наоборот – вследствие его типичности для большинства традиционных концепций личности.

М. Аргайл выделяет семь мотиваций поведения личности: 1) несоциальные потребности, которые могут продуцировать социальное взаимодействие (биологическая нужда в пище и воде, порождающая потребность в деньгах); 2) стремление к зависимости (потребность в протекции, помощи и руководстве, особенно со стороны лиц, находящихся в позиции власти и авторитета); 3) тенденция аффилиации (стремление войти в соприкосновение с другими, добиться определенной степени интимности); 4) тенденция доминирования, лидирования, стремление брать на себя решение, влиять на группу; 5) сексуальные потребности; 6) тенденция к агрессии; 7) потребность в самооценке, связанная со стремлением получить одобрение со стороны окружающих.

Классификация Аргайла не отличается логической строгостью (неясно, что берется за ее основание, исчерпываются ли мотивы этим перечнем и т.д.). Представляет интерес другая сторона его построений. Что образует основу всех этих мотиваций? О «несоциальных потребностях» нечего и говорить: их происхождение для автора очевидно. Но остальные? *«Секс, агрессия и аффилиация также имеют инстинктивную основу»*, – замечает Аргайл и ссылается на данные Х. Харлоу (1962), показавшего, что обезьяны, которые воспитывались без контакта с матерями, впоследствии обнаруживали слабый интерес к противоположному полу. Мотивация зависимости также иллюстрируется известными опытами Харлоу с детенышами обезьян и, следовательно, также интерпретируется как инстинктивная. Не изменяется позиция у автора и при трактовке доминирования – утверждается «инстинктивное происхождение доминирующего поведения». И только последняя мотивация – самооценки, поддержания образа собственного Я – как будто считается свободной от биологических корней и параллелей.

Могут ли получить иную интерпретацию шесть перечисленных выше социальных мотиваций (если вынести за скобки первую из них как собственно несоциальную), причем такую интерпретацию, которая не сводила бы их на биологические основы, к инстинктивному поведению и вместе с тем не ограничивалась бы простым указанием на социальное происхождение и характер, а давала бы содержательную трактовку? Если принять, что потребность индивида быть личностью является фундаментальной социогенной (т. е. заведомо не инстинктивной) потребностью, то каждая из перечисленных выше социальных мотиваций может быть понята как ее дериват.

Тогда аффилиация может быть понята как мотив, направленный на снятие барьеров на пути персонализации индивида. Агрессия – как и доминирование – в качестве стремления быть персонализированным в «других» вне зависимости от моральной оценки способа, которым это достигается, буквально «навязать» себя

другим. Сексуальная потребность – как амбивалентное стремление продолжить себя в другом дважды: как индивида (потребность в продолжении рода, в чувственном наслаждении) и как личность (обрести «инобытие» в любимом существе, причем таким образом, чтобы вызвать у него ответную потребность в персонализации). Что качается самооценки, то она может быть понята как потребность выяснить успешность или неуспешность персонализации. Однако оценивается индивидом не факт идеальной представленности в других людях (это входит в задачи и возможности психологического исследования), а наличие характер, эффективность тех средств персонализации, которые он обретает в деятельности и общении и через которые он утверждает себя как субъекта деятельности и общения. Особое место, видимо, должна занять мотивация зависимости. Однако существует или не существует эта потребность как фундаментальная «социальная мотивация», утверждать нельзя, так как не исключено, что это всего лишь необоснованная экстраполяция одной из инстинктивных форм поведения животных на поведение человека.

Отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Это отношения между сущностью и явлениями. Представленная в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они выступают как форма кажущейся спонтанности индивида. Если в потребности деятельность человека зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому открывающаяся в поведении личности многоликая система мотивов богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем потребность в персонализации, составляющая ее сущность.

Если принять обоснованную здесь гипотезу о мотивации как деривате потребности в персонализации, то в фундамент мотивов человеческих поступков и действий может быть заложен даже не один, а, по меньшей мере, два краеугольных камня.

Впрочем, первый из них – витальные потребности человека, обеспечивающие сохранение его как индивида и продолжение рода, – никогда оттуда не изымался. В условиях общественной жизни витальные потребности (голод, жажда, половая потребность, потребность в одежде, жилище, отдыхе) рассыпаются множеством разнообразных мотивов поведения, в которых средства их удовлетворения могут выступать в превращенной форме (например, мотивация обогащения). Вопрос о потребности в познании как третьем фундаментальном основании человеческой мотивации мог бы быть рассмотрен особо.

Второе основание человеческой мотивации – потребность быть личностью. Мы видим две основные формы человеческой активности, мотивированные подобным образом. Об одной было сказано уже много: это собственно потребность продолжить себя в другом. Есть и вторая форма активности.

Персонализация осуществляется в деятельности. Для того чтобы в

позитивном плане быть идеально представленным в другом человеке, первому, по меньшей мере, нужно уметь нечто сделать или о чем-то сказать, что было бы значимым для второго. Чтобы осуществить акт трансляции, надо, во всяком случае, иметь что транслировать. Средством персонализации, по-видимому, служат мысли, знания, художественные образы, произведенный человеком предмет, решенные задачи и т. д. Но раньше чем стать средствами персонализации, они должны были уже быть у человека, он должен был их приобрести, выдумать, произвести, сконструировать, открыть, решить. Все это он осуществил. Во имя чего? Какая здесь действовала мотивация? Не следует ли предположить, что и здесь действует та же потребность в персонализации, только она фиксируется на предметном ее содержании, на приобретении средств для предстоящей трансляции себя «другому», а этот «другой» остается пока в тени, не высвечивается обыденным сознанием как подлинный объект персонализации.

Возьмем простой случай. Художник трудится над полотном. Для чего? Что служит мотивом? Возможность выгодно продать картину? Вероятно, и она. Но неужели сведем все к витальным мотивациям? А что же еще? Мотивация творчества как предметного действия выступает в качестве производной от его потребности быть личностью, т. е. потребности осуществить полноценный действенный вклад в других людей, впечатлить их, произвести в них существенные смысловые и мотивационные преобразования. Тогда перед нами еще один дериват потребности в персонализации.

Не слишком ли прямолинейна антитеза: либо материальный расчет, либо стремление поделиться бытием с другими? Нет ли чего-нибудь третьего? Стремление к самовыражению, самоактуализации? Наслаждение от процесса творчества? Что касается последнего довода, то его надо, что называется, «отмести с порога». Любой случай удовлетворения любой достаточно напряженной потребности сопровождается эмоциональной разрядкой, аффективным тоном, более или менее выраженным чувством наслаждения. Так что указание на аспекты эмоциональности в проявлении социальной мотивации ничего не добавляют к существующим объяснениям. Другое дело – стремление к самовыражению, самоактуализации. Это мотив, лежащий на поверхности, а за ним скрывается глубинный социальный мотив, в соответствии с которым человек не столько выражает себя в предмете творчества, сколько стремится через предмет искусства перенести себя, свое мироощущение, видение мира в других людей, и именно они (шире – социум) – конечная цель его творчества. Материальная связь между людьми, которая воплощена в общественные отношения, безличные по самому своему существу, порождает личностные идеальные отношения, где другие люди выступают как цель деятельности для творца, а идеальная представленность в них, воплощенная в передаваемом им богатстве эстетического восприятия мира, – как единственное оправдание мук творчества, поиска совершенства, усилий, затраченных на накопление этих бесценных ценностей.

Деятельность – основной путь, единственный эффективный способ быть личностью; человек своей деятельностью продолжает себя в других людях. Произведенный предмет (построенное здание, поэтическая строка, посаженное дерево, мастерски выточенная деталь и т. д.) – это, с одной стороны, предмет деятельности, а с другой – средство, с помощью которого человек утверждает себя в общественной жизни, потому что этот предмет произведен для других людей. Этим предметом опосредствуются отношения между людьми, создается общение как производство общего (В.А. Петровский).

Личность в общении и деятельности

В психологии в последние годы дискутировалась проблема соотношения процессов общения и деятельности. Одни утверждают, что общение – это деятельность или, по меньшей мере, частный случай деятельности, другие исходят из того, что это два самостоятельных и равноправных процесса. Нет оснований соглашаться ни с одной, ни с другой точкой зрения, не потому, что кто-либо здесь не прав, а потому, что на самом деле противоречие отсутствует.

Действительно, вопрос о том, является ли общение частью (стороной) процесса деятельности или, наоборот, деятельность — стороной общения, применительно к традиционному пониманию общения как акта коммуникации явно не имеет однозначного решения. Совершенно очевидно, что если мы понимаем взаимоотношения людей как опосредствованный субъект-объект-субъектный процесс, то отношения двух или более людей опосредствуются предметом деятельности, и здесь деятельность выступает как сторона коммуникационного акта. Если понимать их как субъект-субъект-объектный процесс (а именно так понимаются деятельностные отношения), то отношение субъекта к объекту, содержанию, цели деятельности опосредствуется взаимоотношением с участником деятельности и тогда общение — это сторона, часть деятельности.

Принципиальная обратимость субъект-объект-субъектных и субъект-субъект-объектных отношений полностью снимает поставленную проблему. Попытки же выяснить приоритет в истории человечества либо общения, либо деятельности были бы подобны классической проблеме яйца и курицы.

Но вопрос о соотношении общения и деятельности может быть углублен в контексте предлагаемой концепции.

Для того, чтобы производить, человек должен объединиться с другими людьми (установить с ними контакт, добиться взаимопонимания, получить должную информацию, сообщить им ответную). Здесь общение, как уже было сказано, выступает как часть, сторона деятельности, как важнейший ее информативный аспект, как коммуникация. Но создав предмет в процессе

деятельности, включившей в себя общение как коммуникацию, человек этим не ограничивается. Он транслирует через созданный им предмет себя, свои особенности, свою индивидуальность другим людям, для которых он создал этот предмет. Среди них могут быть и те, кто участвовал в создании этого предмета. Среди них может быть и сам этот человек. Через созданный предмет человек трансцендирует в социальное целое, обретая в нем свою идеальную представленность, продолжая себя в других людях и в себе как в «другом».

Это уже общение второго рода (в отличие от коммуникации, имеющей вспомогательный, «обслуживающий» характер), т. е. общение как персонализация. Здесь деятельность выступает как сторона, часть, необходимая предпосылка общения. Общение в деятельности производит общее между людьми, которое выступает дважды: в условиях коммуникации – своей информационной стороной и в условиях персонализации – личностной. В этом отношении русский язык, в отличие от других, в более выгодном положении: в нем глогут быть использованы два понятия – коммуникация и общение[50].

Итак, еще раз подтверждается давняя истина: многие споры происходят из-за того, что один и тот же предмет называют разными словами, или, как это получилось с понятием «общение», из-за того, что одно и то же слово используют для обозначения разных предметов.

Итак, потребность быть личностью возникает на основе социально генерированной возможности осуществления соответствующих действий — способности быть личностью. Эта способность, можно полагать, есть не что иное, как индивидуально-психологические особенности человека, которые позволяют ему осуществлять социально значимые деяния, обеспечивающие его адекватную персонализацию в других людях. Таким образом, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность быть личностью, обнаруживающаяся с помощью метода отраженной субъектности.

Менталитет личности

Строение личности многопланово. В нем выделяются различные уровни активности. В психологии наиболее содержательно изучено сознание в его соотношении с бессознательным. При этом следует иметь в виду, что разнообразие форм и проявлений бессознательного исключительно велико. В некоторых случаях можно говорить не только о бессознательном, но и

---

[50] *В английском языке – только communication.*

надсознательном[51] в поведении и деятельности человека. Созидание духовных ценностей творческой личностью (художником или ученым), совершаясь реально, не всегда становится предметом рефлексии и фактически оказывается соединением сознания и бессознательного. Другой важнейшей формой интеграции этих уровней служит менталитет.

Понятие «менталитет» применяется для выделения особых явлений в сфере сознания, которые в той или иной общественной среде характеризуют ее отличия от других общностей. Если «вычесть» из общественного сознания то, что составляет общечеловеческое начало, в «остатке» мы найдем менталитет данного общества. Любовь к родным людям, боль при их утрате, гневное осуждение тех, кто стал причиной их гибели, являются общечеловеческим свойством и не оказываются чем-то специфическим для одних и отсутствующим у других общностей. Однако нравственное оправдание кровной мести (вендетта – от итал. «мщение») – это, бесспорно, черта менталитета, утверждаемая народной традицией, отвечающая ожиданиям окружающих. Если бы сознание каждого отдельного человека автоматически управлялось менталитетом общности, то, вероятно, эта общность через некоторое время подвергалось бы полному самоуничтожению. Очевидно, общечеловеческое начало пересиливает косность традиций, закрепленных в менталитете, следовательно, менталитет общности и сознание индивида, члена этого общества, образуют единство, но не тождество.

Итак, менталитет – это совокупность принятых и в основном одобряемых обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей. В сознании отдельного его члена менталитет общества представлен в степени, которая зависит от его активной или пассивной позиции в общественной жизни. Являясь – наряду с наукой, искусством, мифологией, религией – одной из форм общественного сознания, менталитет не закреплен в материализованных продуктах, а, если можно так сказать, растворен в атмосфере общества, имеет наднациональный характер. Войдя в структуру индивидуального сознания, он с большим трудом оказывается доступен рефлексии. Обыденное сознание проходит мимо феноменов менталитета, не замечая их, подобно тому как незаметен воздух, пока он при

---

[51] *Понятие о подсознательном уровне психической активности личности введено М.Г. Ярошевским. Различие между этими двумя уровнями (подсознательным и подсознательным) может быть пояснено простым примером. В процессе припоминания какого-либо события субъект воспроизводит усвоенную им прежде информацию. В этом случае она сохраняется на подсознательном уровне. Решая же творческую задачу, личность создает новую информацию, которой прежде не существовало ни в его индивидуальном, ни в социальном опыте. Она осознается уже после того, как добыта (притом не всегда самим субъектом в ее истинном значении). В этом случае работа мысли совершается на надсознательном уровне. К.С. Станиславский, а затем П.В. Симонов говорили о сверхсознании, но в несколько ином смысле.*

перепадах атмосферного давления не приходит в движение. Почему?

Есть основания считать, что здесь действует механизм установки. Причем человек не осознает свою зависимость от установки, сложившейся помимо его воли и действующей на бессознательном уровне. Именно потому менталитет не дает возможности субъекту осуществить рефлексию. Носитель его пребывает в убеждении, что он сам сформировал свои убеждения и взгляды. В этом обстоятельстве заключаются огромные трудности перестройки сознания человека в изменяющемся мире.

Если обратиться к истории общественного сознания в нашей стране, то можно было бы выделить основные составляющие менталитета «советского человека», складывавшиеся на протяжении семидесяти лет после 1917 года, и хотя и подвергшиеся изменениям в последние годы, но далеко еще не исчезнувшие. Они могут получить условные наименования, метафорический характер которых способствует прояснению их сущности и смысла.

Блокадное сознание... Политика, которой придерживалось государство с первых лет своего существования, формировала в сознании советских людей постоянное ощущение опасности, связанной с угрозой нападения внешнего врага. В роли потенциального агрессора в разное время выступали разные страны: Англия, Германия, Соединенные Штаты Америки, Финляндия, Япония, Китай. В некоторых случаях для этих опасений были, разумеется, основания, – об этом, к примеру, свидетельствует нападение гитлеровского «третьего рейха» на СССР в 1941 году. Но даже если реальной угрозы не было, пропагандистские органы раздували страх; перед неизбежной войной, навязанной потенциальным агрессором. Едва ли не до начала 90-х годов в менталитете советского человека сохранялось напряженное ожидание «неспровоцированного нападения» на страну, которая делает, как утверждалось, все возможное в неустанной «борьбе за мир». Страх перед ядерной войной в сознании конкретного человека обеспечивал готовность выдержать и оправдать любые тяготы и лишения во имя спасения детей и себя от надвигающейся угрозы «ядерного уничтожения» (расхожая формула в обыденном сознании: «Лишь бы войны не было»). В настоящее время заметны изменения менталитета. Налицо отход от «блокадного сознания». Все большее число людей осознает, что ожидать неспровоцированного ядерного удара (во всяком случае, со стороны Запада) нет оснований и что реальная миротворческая позиция России повсеместно признана в качестве гаранта, обеспечивающего ненападение ядерных держав друг на друга. Образ внешнего врага все больше и больше тускнеет, «испаряется» из сознания людей.

«Семейная стриптизация»... Уникальной особенностью советского общества являлось обнажение интимного мира семейных взаимоотношений, то, что можно условно назвать «семейной стриптизапией». Поскольку семья рассматривалась как ячейка общества, а советское общество идентифицировалось с государством, то в менталитете советского человека считалось неоспоримым естественным правом государства и его партийного руководства управлять и командовать семьей, как

любой государственной структурой. Советские люди не видели ничего противоестественного в фактах вмешательства официальных инстанций в интимную сферу их жизни. Вероятно, только в социалистическом обществе в случае измены мужа жена считала для себя возможным обратиться в официальные органы с просьбой, а то и требованием вернуть супруга в лоно семьи. При этом считалось вполне допустимым использование стенной печати, заводского радио, разборы на партсобраниях и т. д. Надо полагать, атавизмом семейной стриптизации являются родительские собрания в школах, где классный руководитель публично позорит одних родителей за проступки и недостатки их детей, усиливая унижение похвалами по поводу других учеников, чьи отцы и матери присутствуют здесь же.

По мере становления правового цивилизованного общества мера открытости или закрытости мира семьи, за исключением очевидных криминальных обстоятельств, будет определяться самой семьей, что приведет к существенным сдвигам в сознании ее членов.

Ханжеская десексуализация... Сложившаяся к началу 30-х годов в официальной идеологии концепция «советского нового человека», главной целью которого в каждый момент его жизни остается якобы построение светлого коммунистического будущего, усиливала пуританский характер общественного сознания. Мир интимных чувств человека, уводящий его в сторону от служения общественному идеалу, был изначально враждебен идеологии тоталитарного общества. В наибольшей степени это относилось к сфере сексуальных отношений. Идеологическое табу на протяжении десятков лет накладывалось на все, что было связано с отношениями полов, и в особенности на упоминания о собственно физиологической стороне этих отношений. Изображения и показ обнаженного человеческого тела, за исключением известных классических образцов, подвергались придирчивой цензуре. Педагогическое табу в отношении любых вопросов, относящихся к половой жизни, оставалось законом для школы, даже если это касалось старшеклассников, находящихся на пороге брачного возраста. На этом основании строилась «бесполая педагогика». Ханжеская десексуализация в качестве компонента менталитета «советского человека», как запомнилось многим, была прорекламирована на одном из первых телемостов «СССР – США», когда одна из советских участниц заявила, что в Советском Союзе «секса нет».

Однако после того как в период перестройки были сняты идеологические запреты, в сознании людей – если не всех, то многих – стала проявляться другая крайность как реакция на былое табуирование: терпимое отношение, а то и активное оправдание порнографии, примирительное отношение к проституции. В настоящее время баланс между ханжескими запретами и сексуальной вседозволенностью в сознании людей еще не установился. Это порождает многие трудности, которые не всегда успешно разрешают педагоги, врачи-сексологи и родители.

Следует, однако, помнить, что менталитет «советского человека» не

отрицает существования и других представлений. Если речь идет о России, то всем известны такие качества россиянина, как гостеприимство и хлебосольство, отсутствие национального чванства, наличие обостренной потребности в защите Родины, которая сыграла решающую роль в годы Великой Отечественной войны, и многие другие. Здесь черты менталитета совпадают с приметами национального характера. Можно, конечно, сказать, что это качества скорее общечеловеческие и поэтому выпадают из категории менталитета. Действительно, не исключено, что будут названы народы, имеющие такой же или подобный набор черт, но это не говорит еще об их общечеловеческом характере. Есть основания полагать, что для россиянина, например, нехарактерно то, что обобщенно именуется «немецким счетом» (каждый платит только за себя).

«Советский менталитет» – это форма общественного сознания тоталитарного государства, внедренная в структуру личности его подданных, но менталитет народа всегда в чем-то совпадал, а в чем-то не совпадал с инвариантами мышления и поведения, навязанными и санкционированными сверху.

Теория личности с позиций категориального анализа психологии

Анализируя категориальный строй психологической науки, как следует из изложенного выше, выделяют пять категорий, каждая из которых характеризует одну из сторон предмета психологии: образ, действие, мотив, психосоциальное отношение, личность. Категориальный анализ позволяет увидеть за эмпирико-теоретическими построениями любой психологической системы или частной концепции контуры их категориального аппарата, существование которого может оставаться скрытым для создателей и сторонников этих концепций и систем. Осмысление категориального аппарата науки является одним из условий формирования релевантной методологии исследования. Нет основания полагать, что в истории науки все эти категории строго одновременно стали предметом рефлексии, а также методологически и теоретически организованного изучения. Освоение указанных категорий осуществлялось в определенной последовательности, порождая в поступательном движении научного знания разветвленную систему понятий, концепций, эмпирических исследований и добытых фактов, формируя конкретное содержание отраслей психологии.

Начиная с середины 20-х до середины 60-х годов психология осваивает в теоретическом и эмпирическом планах категории образа, действия и мотивации. Другими словами, в работах многих психологов – Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева получают рассмотрение «психофизиологическая» и «психолого-гносеологическая» проблемы. Это стимулировало психофизиологические исследования и способствовало

углубленному изучению познавательных процессов, их развития и мотивации.

Вместе с тем «психосоциальное отношение» и триада «организм – индивид – личность» до начала 70-х годов фактически не выходят на авансцену психологической науки. Это не значит, что они уже тогда не присутствовали имплицитно в категориальном аппарате науки (подобно тому как в настоящее время не выпадают из категориального строя «действие», «образ», «мотивация»). Происходит если не смена, то трансформация парадигмы психологии, выводящая на первый план категории, которые не получали до сих пор должной теоретической проработки российских психологов.

Причины этой трансформации обусловлены многими обстоятельствами. Прежде всего должен быть назван усиливающийся за последние двадцать лет общий интерес к проблеме человека, человеческих взаимоотношений, что выразилось в интенсивном развитии социологии и социальной психологии, которые в предшествующие годы, по существу, не находили себе места в структуре науки и не располагали возможностями для развития. На I съезде Общества психологов в 1959 году фактически не было докладов по социальной психологии и состоялось всего несколько сообщений по психологии личности, точнее – по проблеме индивидуальных различий, тогда как на VI съезде в 1993 году едва ли не половина симпозиумов была посвящена различным аспектам социальной психологии и психологии личности.

Понимание социальной сущности человека, включенности индивида в исторически возникающую и исторически изменяющуюся систему общественных отношений органически входит в трактовку категории «психосоциальное отношение» и «организм – индивид – личность», образуя их методологическое основание, определяя общие подходы к построению программ научного исследования в области интенсивно развивающейся социальной психологии и психологии личности.

Все сказанное позволяет использовать категории «организм – индивид – личность» и «психосоциальное отношение» для построения общепсихологической теории личности. В этой связи особо важное значение приобретают следующие положения, которые приводятся здесь путем прямого цитирования.

Постулаты теории личности

Первый. «Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы... Биологическое существует в личности в превращенной форме как социальное».

Второй. «Движение деятельности, процесс ее развертывания необходимо ведет к снятию ограничений, первоначально присущих ситуации... в качестве объекта преодоления могут выступать также и потенциальные ограничения деятельности, в данном случае понимаемые как сужение возможностей субъекта в

сфере целеполагания. Ограничения эти побуждают специальную деятельность, направленную на их преодоление. Этим и определяется собственно активность личности».

Третий. «Личность ≠ индивид: это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе... личность есть системное и поэтому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными качествами».

Четвертый. «Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в ансамбле) предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), *опосредствованных* (курсив наш – **А.П., М.Я.**) через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее *через действия с этими вещами* (курсив наш – **А.П., М.Я.**), будет искать разгадку «структуры» личности в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности».

Пятый. «...Личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны». Они заключены в конкретных индивидных свойствах, но к ним несводимы, они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, т. е. смысловые образования личности, связанную систему личностных смыслов, определяющих особую позицию каждого в системе межиндивидных связей, шире – в системе общественных отношений».

Шестой. «Личность индивида выступает в трех аспектах ее психологического понимания: интраиндивидной, интериндивидной и метаиндивидной атрибуции... Лишь в единстве отмеченных аспектов личность раскрывается со стороны своего строения, своей структуры. Она выступает как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец в нем самом – как представителе социального целого».

Седьмой. «... постулат максимизации, т. е. стремления индивида к максимальной персонализации с вытекающими из него теоретическими гипотезами: 1) любое переживание, воспринимаемое индивидом как имеющее ценность в плане обозначения его индивидуальности, актуализирует потребность в персонализации и определяет поиск значимого другого, в котором индивид мог бы обрести идеальную представленность; 2) в любой ситуации общения индивид стремится определить и реализовать те стороны своей индивидуальности, которые в данном конкретном случае доступны персонализации. Невозможность ее

осуществления ведет к поиску новых возможностей в себе самом или предметной деятельности; 3) из двух или более партнеров по общению субъект при прочих равных условиях предпочитает того, кто обеспечивает максимально адекватную персонализацию. Аналогично – предпочтение будет отдано тому, кто может обеспечить максимально долговечную персонализацию... Третьей переменной является интенсивность потребности в персонализации».

Восьмой. «Источником развития и утверждения личности выступает возникающее в системе межиндивидных отношений (в группах того или иного уровня развития)... противоречие между потребностью личности в персонализапии и объективной заинтересованностью данной общности, референтной для индивида, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям функционирования и развития этой общности... личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза (и «социогенеза». – **А.П., М.Я.**), характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована».

Методологические основания теории личности

Таким образом, определены исходные принципиальные позиции для построения общепсихологической теории личности. Уточним, что имеется в виду, когда она обозначается как «общепсихологическая». Речь в данном случае идет не столько о ее общей методологической и онтологической схеме (при всей ее важности), сколько о том, что характеризуемый теоретический конструкт представлен в присущих ему характеристиках и связях, которые выявляются во всех отраслях психологии: не только в так называемой общей психологии, но и в социальной, возрастной, педагогической, юридической, управления, патопсихологии и других, выступая в присущей научной теории программирующей роли по отношению к соответствующей практической сфере (образованию, производству, медицине, правопорядку).

Как и всякая научная теория, теория личности должна отвечать общему методологическому требованию – дать целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности (личности человека), предложить целостную (при ее внутренней дифференцированности) систему знаний, которая содержала бы в себе методы не только объяснения, но и предсказания, возникновения определенных феноменов в определенных условиях и которую характеризовала бы логическая зависимость одних ее сторон от других, принципиальная возможность выведения ее содержания из некоторой совокупности исходных утверждений. Выше в восьми тезисах, имеющих характер авторских реплик, но выполняющих функцию своего рода пролегоменов (предварительных суждений, вводящих в изучение предмета) к

предстоящему теоретическому построению, показана совокупность утверждений (постулатов, допущений, законов и т. д.), образующих исходный базис общепсихологической теории личности. Тем самым оказывается возможным построить теоретическую модель существенных связей, выступающих в определенной психологической реальности – личности человека. Возникновение теории личности не может быть оторвано от ее эмпирической основы, охватывающей множество накопленных в общей, социальной, детской психологии, патопсихологии, психотерапии фактов, добытых экспериментально, но пока еще разрозненных и не обобщенных.

Здесь описана в самом общем виде теоретическая абстракция, обеспечивающая последующее восхождение к конкретному. Только так, на пути от абстрактного к конкретному, можно развивать ее в систему взаимосвязанных концепций, содержание которых включает утверждения с их эмпирическими доказательствами, построить конкретные теоретические конструкции, отправляющиеся от совокупности вводимых общетеоретических принципов. Если же эти концепции (а это, разумеется, отнюдь не все существующие теоретические построения, имеющие хождение в среде психологов как за рубежом, так и в России, а только те, которые отвечают указанным общим принципам) уже включены в научный оборот, то остается найти им место в общей теоретической схеме и тем самым обеспечить логическую зависимость одних элементов теории от других.

Что же представляет собой теория личности, ее наиболее общая модель? Она по существу должна совпадать с определением личности, описывающим ее в системе наиболее существенных связей и зависимостей и отвечающим основным общенаучным методологическим принципам: детерминизма, системности, развития. Тогда теоретическая модель личности должна быть представлена как определяемое активной включенностью в общественные отношения системное качество их субъекта, индивида, имеющее трехзвенную структуру (интра-, интер- и метаиндивидную его репрезентации), развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредствованную.

Рассмотрим, в чем здесь проявляет себя следование общенаучным методологическим принципам.

Принцип детерминизма применительно к психологической теории личности ориентирован не только на идею причинности как совокупности обстоятельств, предшествующих во времени следствию, но и на другие его формы (М.Г. Ярошевский): на системный детерминизм, обнаруживающийся в зависимости отдельных компонентов системы от свойств целого, а также на целевой детерминизм, в соответствии с которым цель как закон определяет процесс достижения результата. Представление об активности личности, ее направленности, которое утвердилось в психологии начиная со второй половины 30-х годов, создает методологические предпосылки для реализации принципа детерминизма на уровне категории «психосоциального отношения». В психологии

были выдвинуты трактовка детерминизма как действия «внешних причин через внутренние условия» (С.Л. Рубинштейн) и трактовка детерминизма как действия «внутреннего через внешнее» (А.Н. Леонтьев). Детерминистический тезис о том, что, изменяя в деятельности реальный мир, субъект изменяется сам, что и объясняет личностные трансформации индивида, оказалось возможным распространить и на область межличностных связей, в которых наиболее полно выявляет себя категория психосоциального отношения. Так же, как индивид в предметной деятельности изменяет окружающий мир и посредством этого изменения изменяет себя, становится личностью, социальная группа в своей совместной социально значимой деятельности конструирует и изменяет систему межличностных отношений и межличностного взаимодействия, становится коллективом. Феномены межличностных отношений отчетливо это обнаруживают. Так, самоопределение в отношении задач групповой деятельности складывается как результат активной деятельности по претворению в жизнь поставленных перед ним целей, т. е. межличностные отношения преобразуются деятельностью, которая направлена вовне на присвоение социально значимого предмета, а не на сами эти межличностные отношения.

С позиции детерминизма развитие личности как системного качества индивида обусловлено социально, хотя сам индивид обладает биологическими предпосылками для своего развития.

Принцип развития в психологической теории личности реализуется в понимании процесса превращения биологических структур индивида в социально обусловленные структуры его личности. Таким образом строится представление о социогенезе личности как результирующей взаимодействия в ней двух противоборствующих тенденций – к сохранению и к изменению развивающихся социальных систем. Развитие личности в онтогенезе определяется наличием и преодолением противоречия между потребностью индивида в персонализации и способностью посредством соответствующей деятельности быть персонализированным в социальной ситуации развития.

Принцип системности (или системный подход) в составе методологической модели теории личности позволяет представить ее в качестве целостности, в которой выявляются разнокачественные и разноуровневые связи, как синтез структурно функциональных и филоонтогенетических представлений. Этим преодолевается тот подход к личности, который обозначен как «коллекционерский ».

Этот принцип не мог быть обнаружен в общих системных представлениях, хотя и не мог быть без них сформулирован. Его следовало открыть в ткани самой психологической реальности. Для этой цели потребовалось: во-первых, преодолеть «птолемеевское» понимание человека в пользу его «коперниканской» трактовки как части социального целого, системы общественных связей; во-вторых, преодолеть гипноз «постулата непосредственности». Это оказалось возможным сделать в условиях системного анализа категорий «психосоциальное

отношение» и «организм – индивид – личность», осуществленного при соприкосновении психологической теории коллектива (стратометрическая концепция) и психологической теории личности. Они должны были пересечься и действительно пересеклись в центральном для той и для другой теории пункте – в выявлении системообразующего принципа, которым оказался принцип деятельностного опосредствования.

Системообразующий принцип – это тот общий, далеко не всегда эксплицированный объяснительный принцип, с помощью которого очерчивается и структурируется теория. Методологическая сущность этого принципа при построении теории личности состоит в том, что отношение одного человека к другому, равно как и отношение развития личности к его результату, мыслится через обращение к третьему объекту – предметной деятельности, которая в наиболее развитой своей форме имеет совместный характер, является следствием объединения людей в труде и общении. При этом, оказываясь исходно опосредствованными содержанием и организацией совместной деятельности, межличностные отношения и качества развивающейся личности в свою очередь воздействуют на ее процесс и результаты: субъект-объект-субъектные связи выступают в единстве с субъект-субъект-объектными как две стороны одной системы.

Принцип деятельностного опосредствования межличностных отношений, личности и ее развития является общим системным принципом построения общепсихологической теории личности, в котором находят реализацию общенаучные методологические принципы детерминизма, развития и системности.

Онтологическая модель личности

От конкретной методологии как системы принципов и способов построения теории личности целесообразно перейти к описанию ее онтологической модели, выделив основные категории анализа объекта теории и показав принципы их соотнесения, понятийный аппарат (рис.6).

Единицами анализа для теории личности могут служить понятия индивид, личность, индивидуальность, активность, деятельность, общение, группа, коллектив, сознание, развитие (биогенез организма, биосоциогенез индивида, онтогенез личности, социогенез личности в историко-эволюционном процессе).

Для построения онтологической модели постулируемой общепсихологической теории с необходимостью должны быть указаны принципы соотнесения основных категорий анализа, используемых для описания и понимания личности как психологической реальности. Наиболее общим принципом соотнесения категорий, входящих в понятийный аппарат теории личности, является признание единства, но не тождества образующих его

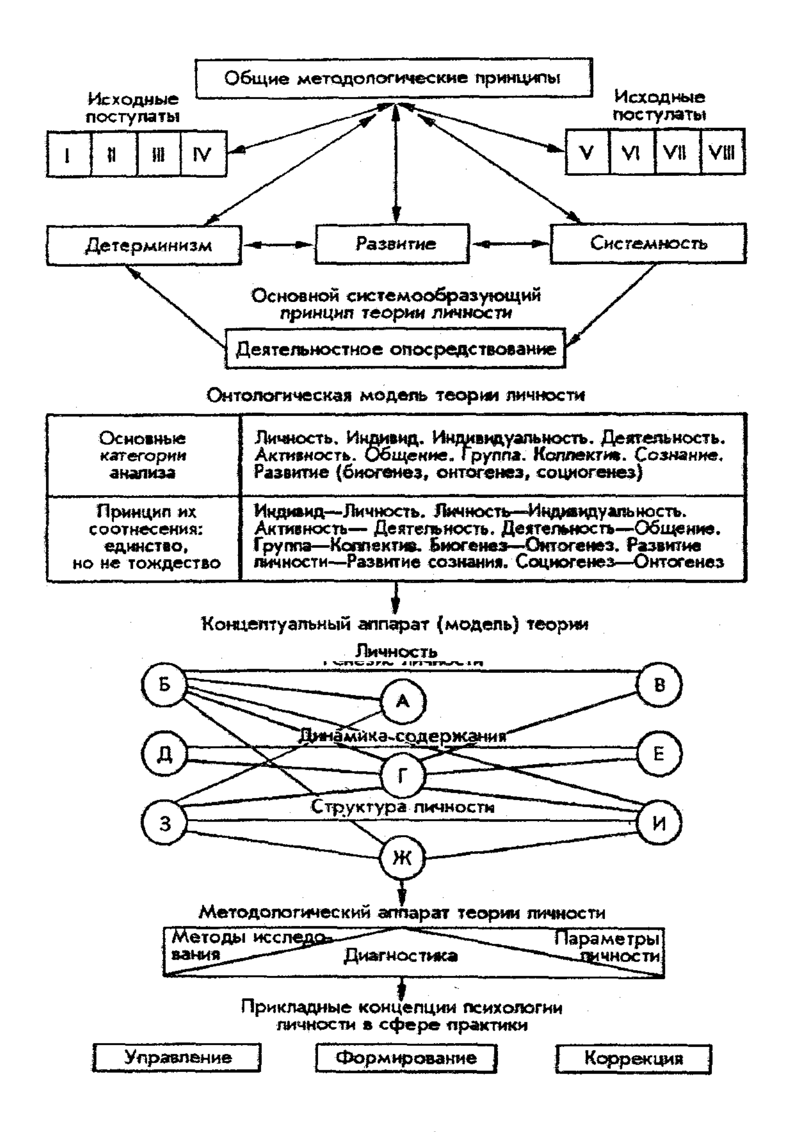

Рис.6

понятийных пар как единиц категориального (здесь микрокатегориального) анализа ее общей конструкции. Так, понятие «индивид», образуя единство с понятием «личность», не может рассматриваться как ему тождественное. Сам факт признания единства, но не тождества этих понятий, а следовательно, стоящих за ними объектов аналитического рассмотрения психологической реальности, порождает задачу не только понять их соотношение как свойства (личности) и носителя этого свойства (индивида), но и поставить ряд принципиальных методологических проблем их взаимоотношений, постулируя, к примеру, идею потребности и способности индивида «быть личностью». Онтологическая расчлененность оборачивается специальной методологической проблемой.

Принцип единства, но не тождества основных категорий анализа относится не только к понятиям индивид и личность, но и к другим составляющим онтологической модели теории личности: личность – индивидуальность,

активность – деятельность, группа – коллектив, биогенез – биосоциогенез, онтогенез – социогенез, развитие личности – развитие сознания.

От методологических и онтологических подходов создания теории следует перейти к выявлению возможностей, заложенных в ее исходных посылках (постулатах), путем восхождения от абстрактного к конкретному и развить систему взаимосвязанных теоретических конструкций (концепций, «теорий среднего уровня»), объединенных и обусловленных рассмотренными методологическими и онтологическим основаниями. Только таким образом можно в рамках выделенных выше исходных тезисов и методологических принципов охватить многообразие эмпирических данных и конкретных методов и методик, относящихся к исследуемому предмету – психологии личности, обобщить совокупность утверждений с их доказательствами.

Следует выделить три аспекта рассмотрения конкретной феноменологии личности, три своего рода онтологические модальности: ее генезис, динамику содержания, структуру, а следовательно, построить (или освоить) концепции, которые, исходя из принципа деятельностного опосредствования, оказались бы в состоянии выяснить закономерности психологии личности, проявляющиеся в этих ее аспектах (модальностях), охватить соответствующий эмпирический материал, вобрав в себя открывающуюся в нем феноменологию, найти и применить валидные методы его получения, на принципиальных основаниях осуществить соотнесение с другими социально-психологическими и персонологическими теориями. Вместе с тем необходимо и возможно, раскрыв логическую зависимость конструируемых концепций друг от друга, представить их в виде единой теоретической системы при всей ее внутренней дифференцированности.

При рассмотрении генезиса личности выделяются три методологически обоснованные задачи: 1) рассмотреть развитие индивида как результат взаимодействия генотипа и социальной среды и тем самым создание предпосылок для становления личности (условно обозначим этот процесс как «биосоциогенез»); 2) исследовать развитие личности человека вследствие деятельностно-опосредствованных взаимоотношений с референтными для нее группами как в условиях относительно стабильных общностей, так и в обстоятельствах включения в различные референтные группы, иерархически расположенные на ступенях онтогенеза, или изменения ее позиции по отношению к этим группам; 3) изучить особенности социогенеза личности и межличностных отношений, обусловленные включенностью в трудовую деятельность в рамках конкретной социально-экономической формации.

Соответственно этим задачам указываются три взаимосвязанные концепции, отвечающие принципам общепсихологической теории личности.

Первая, которая условно может быть обозначена как психогенетическая концепция индивидуальности (научная школа Б.М. Теплова), при исследовании происхождения индивидуальных психологических особенностей человека

выясняет роль генотипа и среды в их формировании, используя главным образом близнецовый метод. Утверждается, что в онтогенезе происходит смена механизмов, которыми реализуются психические функции индивида, а также смена элементарных форм, господствующих на ранних его этапах, социальными формами, опосредствованными общением и деятельностью ребенка. При этом проверяется продуктивная гипотеза, согласно которой со сменой механизмов перестраивается отношение индивидуально-психологических особенностей к генотипу: с возрастанием значения специфически человеческих, социальных по своему происхождению факторов сокращается доля генетической изменчивости в развитии индивидуальных по своему происхождению факторов, в развитии индивидуально-психологических особенностей человека. Являющаяся прямым продолжением нейрофизиологической концепции факторов индивидуально-психологических различий, рассматриваемая концепция по всем позициям должна быть соотнесена с теориями, отводящими наследственности роль фатального фактора, вообще с различными модификациями теории двух факторов.

Своего рода продолжением рассмотрения этого круга идей, если иметь в виду усиление роли системообразующего фактора – деятельностного опосредствования, в формировании личности индивида является концепция развивающейся личности (А.В. Петровский). В ее основе лежит идея трех фаз становления личности в социальной среде (микро- или макросреде) – адаптации, индивидуализации и интеграции, возникновение и протекание которых связаны с наличием социогенной потребности индивида в персонализации и с деятельностно опосредствованными возможностями удовлетворять ее в референтных группах. На основе данной концепции предложена возрастная периодизация развития личности, не совпадающая с существовавшими ранее концепциями психического развития человека.

Третья задача – понимание социогенеза – находит свое воплощение в историко-эволюционном подходе к пониманию личности (А.Г. Асмолов), который в свою очередь базируется на принципе деятельностного опосредствования. Отвечая на вопрос, посредством каких механизмов осуществляется вклад личности в социокультурную историю, предлагаемый подход выделяет в качестве системообразующего основания, обеспечивающего развитие личности и способствующего его конкретно-исторической специфике в той или иной культуре, опосредствующий фактор – совместную предметную деятельность. Таким образом, все три указанные теоретические конструкции связаны между собой и отвечают общему методологическому принципу – деятельностному опосредствованию. То же самое можно сказать и о других характеризуемых ниже концепциях.

При рассмотрении динамики содержания личности вновь могут быть выделены три проблемы, которые задает методология общепсихологической теории личности: 1) что представляет собой содержание личностных

характеристик индивида; 2) стабильно ли это содержание и что обеспечивает его стабильность; 3) за счет какого фактора может произойти и происходит нарушение этой стабильности, динамика содержания личности.

Здесь, в свою очередь, могут быть выделены – одни в большей, другие в меньшей степени продвинутые – концепции, логические связи между которыми легко прослеживаются.

Первая среди них – концепция смысловых образований личности, сформулированная группой учеников А.Н. Леонтьева. Ее центральное звено образует понятие личностного смысла как индивидуализированного отражения действительного отношения личности к тем объектам, ради которых развертывается ее деятельность («значение для меня»), запечатленность в объекте потребностей человека. Личностные смыслы интегрируются в виде связной системы «смысловых образований личности», куда входят мотивы, побуждающие человека к деятельности, реализуемое деятельностью отношение человека к действительности, приобретшей для него ценность (ценностные ориентации). «Я-образ», или «Я-концепция», человека — система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе как «к другому». Центральная характеристика личностных смыслов – их зависимость от места человека в системе «социальной ситуации развития», т. е. от его социальной позиции. И здесь принцип деятельностного опосредствования оказывается системообразующим, объяснительным и конструктивным. Для того, чтобы исследовать и трансформировать смысловые образования, необходимо выйти за рамки этих образований и изменить систему деятельностей, их порождающих.

Две следующие проблемы получили отражение в концепциях, обращенных к «малой динамике» содержания личности, а именно – процессов порождения и трансформации смысловых образований личности в движении деятельности, в которую включен индивид.

Первая – диспозиционно-установочные концепции (этим условным обозначением мы пытаемся охватить теоретические конструкции, которые характеризуют механизмы, используемые личностью для стабилизации движения деятельности). За ней стоят идеи и представления учеников и продолжателей Д.Н. Узнадзе (Ш.А. Надирашвили и другие), диспозиционная концепция личности В.Я. Ядова и др. Используя принцип деятельностного подхода, А.Г. Асмолов разрабатывает гипотезу о иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности, обращаясь к «малой динамике смысловых образований». При этом функции и феноменологические проявления установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют (уровень смысловых, целевых и операциональных установок). Установки различных уровней, стабилизируя движение деятельности, реализуемой личностью, позволяют в изменившихся условиях сохранять ее направленность. В случае

методологической и теоретической интеграции различных представлений о сущности установки диспозиционно-установочная концепция может рассматриваться как часть общепсихологической теории личности, основывающейся на принципе деятельностного опосредствования.

В единстве с представлением об установке как механизме стабилизации деятельности находится концепция надситуативной активности В.А. Петровского. В соответствии с нею в движении деятельности происходят переходы от состояния временной стабильности (в силу сложившихся устойчивых смысловых и целевых установок личности) к взламывающей эту стабильность надситуативной активности субъекта деятельности, выводящей личность на новые уровни решения ее жизненных задач, которые, в свою очередь, возможны в условиях относительной стабильности ее диспозиций.

При рассмотрении структуры личности возникают три проблемы: необходимо характеризовать во взаимосвязи интер-, интра- и метаиндивидную репрезентации личности.

Соответственно могут быть представлены три концепции: концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений, концепция интраиндивидной репрезентации личности и концепция персонализации.

Концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений, обращенная к интериндивидной репрезентации личности, рассматривает межличностные отношения в любой достаточно развитой группе как опосредствованные содержанием и ценностям ми деятельности. Обращение к принципу опосредствования позволяет понять характер групповой интеграции, увидеть многоуровневый (стратометрический) характер межличностных отношений, характеризовать группы высокого уровня развития, где индивид получает наиболее благоприятные возможности для удовлетворения своей потребности быть полноценной личностью и для развития соответствующих способностей. В связи с тем, что взаимоотношения в группе выступают как носители личности ее членов, преодолевается ложная альтернатива понимания межличностных отношений как проявлений либо личности, либо группы: личностное выступает, как групповое, групповое как личностное. Существенным развитием концепции деятельностного опосредствования межличностных отношений является концепция социальной перцепции (Г.М. Андреева).

Метаиндивидная репрезентация личности открыта и отражена в концепции персонализации, описывающей деятельностно опосредствованный процесс, в результате которого субъект получает индивидуальную представленность в жизнедеятельности других людей и может выступить в общественной жизни как личность (В.А. Петровский). Потребность в персонализации выступает как глубинная и не всегда осознанная основа неутилитарных форм общения между людьми (альтруизма, аффилиации, стремления к самоопределению). Определяющей чертой способности индивида к персонализации является возможность производить деяния, т. е. значимые изменения общественного бытия,

за которые он ответствен перед обществом (к ним относится прежде всего перестройка мотивационно-смысловых образований, личностных смыслов других людей).

Шаги к решению проблемы интраиндивидной репрезентации личности осуществил В.С. Мерлин, сформулировав в посмертно изданной книге концепцию интегральной индивидуальности, в которой деятельность выступает как опосредующее звено в связи разноуровневых свойств индивидуальности. В.С. Мерлин стремился исходить из единства стратометрической концепции, концепции персонализации (в терминах В.С. Мерлина – представления о «метаиндивидуальности») и издавна складывавшихся в дифференциальной психологии взглядов на сущность «интраиндивидуальности» человека, за которыми стоят труды Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына и самого В.С. Мерлина. Интегральная индивидуальность рассматривалась им как саморегулируемая и саморазвивающаяся многоуровневая система. В развитие идей В.С. Мерлина Е.А. Климовым разрабатывается концепция индивидуального стиля деятельности личности, которая, как подчеркивал В.С. Мерлин, опосредствует связь метаиндивидуальных и интраиндивидуальных свойств, что детерминируется характеристикой не только индивидуальности, но и коллектива, т. е. интериндивидно.

Наличие внутренней связи между концепциями, которые относятся к выделенным «онтологическим модальностям», было прослежено выше и является очевидным, но столь же очевидны «интермодальные» связи. Представление о потребности и способности личности к персонализации обусловливает понимание механизмов, определяющих переходы в развитии личности от одной фазы к другой; возможности развития личности зависят от уровня развития группы; идея надситуативной активности отзывается в социогенетических представлениях об избыточных неадаптивных моментах, обеспечивающих саморазвитие личности в историко-культурных процессах; основные положения психогенетической концепции порождают некоторые подходы, характерные для концепции интегральной индивидуальности и т. д.

Таким образом, вся концептуальная модель общепсихологической теории личности оказывается определенного рода системой интра- и интермодальных связей, составляющих ее структуру.

Располагая богатым фондом конкретных методов, как уже находящихся в научном обороте, так и создаваемых (метод «отраженной субъектности», методики выявления самоопределения личности, внутригрупповой идентификации, модифицированная методика «личностных конструктов», референтометрия и т. д.), с помощью которых могут быть выявлены важнейшие личностные параметры, психология стоит перед задачей такой их переработки, которая позволила бы построить соответствующие системы психологической диагностики.

Практико-ориентированные приложения теории личности

Задача дальнейшей конкретизации исходных теоретических посылок требует построения совершенно необходимых для практических целей прикладных научных концепций — важнейшего звена общепсихологической теории личности.

В этом плане могут быть выделены три сферы приложения теоретического знания в области психологии личности: управление, формирование и коррекция систем.

В сфере управления процессами, в которые включен человеческий фактор, уже успешно функционирует программно-ролевая концепция научного коллектива (М.Г. Ярошевский). Разрабатываются на основе стратометрической концепции психологические принципы подбора и расстановки кадров, а также социально-психологические концепции деловых игр, складываются представления об учете уровня развития группы при принятии управленческих решений, высвечиваются контуры концепции лидерства и авторитета и т. д.

В сфере формирования личности работают концепции развития личности в многоплановой деятельности, формирования личности и ее познавательных процессов в совместной учебной деятельности, построена концепция возрастной периодизации личности, позволяющая применять дифференцированный подход к развивающейся личности.

В сфере коррекции личностных нарушений функционируют групповая психотерапия, психотерапия творчеством, библиотерапия, эстетикотерапия.

Эвристический характер теории личности

Нельзя представить дело так, что указанные и другие концепции вполне осознанно строятся на базе принципа деятельностного опосредствования. И тем не менее это не является решающим обстоятельством при оценке значимости указанных подходов для решения практических задач и для выявления перспективности этих концепций. Важно, что этот принцип имплицитно там представлен. Следовательно, развитие этих прикладных концепций имеет существенное значение как для решения практических проблем, так и для дальнейшей разработки общепсихологической теории личности.

Общепсихологическая теория личности, как это и должно для теоретического знания, является системой не только утверждений, но и предсказаний по поводу возникновения различных феноменов, переходов от одного утверждения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту. Так, удалось предсказать и получить в дальнейшем экспериментальное подтверждение ряда теоретически обоснованных гипотез: о наличии действенной групповой эмоциональной идентификации в группах; о персонализации

творческого педагога в феноменах отраженной субъектности, проявляющихся у его учеников; о прямой, а не обратной зависимости эффективности обучения от размера учебной группы в условиях коллективообразующей деятельности; о субъект-субъект-объектном характере восприятия объекта в том случае, если субъект персонализирован в воспринимающем субъекте.

* * *

История изучает то, чего уже нет. Поэтому закономерен вопрос: для чего нужна информация об этом тому, кто занимается современной наукой?

На такой вопрос можно ответить очень просто: история – память науки. Человек, лишившийся памяти, становится существом мгновения. Его настоящее безвозвратно исчезает в прошлом и мертво для будущего.

В понятиях, которыми оперирует современная наука, сохраняется их «родословная», знание которой позволяет лучше осмыслить проблему, исследуемую посредством этих понятий, выяснить, как эта проблема возникла, какими способами решалась, какие из этих способов вели к эффективным решениям, а какие оказались бесперспективными.

Благодаря знанию истории ученый подобен человеку, умудренному опытом своих прежних удачных и ошибочных действий. Но в отличие от этого человека он осваивает не собственный малый опыт, а многотрудный опыт прежних поколений искателей истины.

Каждый новый шаг в науке начинается с «истории вопроса». Незнание истории ведет к тавтологии в науке, в частности к тому, что давние представления выдаются за открытия. Но тогда наука засоряется, движется на холостом ходу, не решает своей главной задачи, а именно – производства нового знания. История науки выполняет также интегративную функцию. Она раскрывает связь психологии с другими науками, о чем сказано выше, а также связь между различными отраслями психологии. Особенно это важно в наши дни, когда психология распалась на множество различных направлений.

Чтобы познать человека, выяснить, на что он способен, мы обращаемся к его прошлым поступкам; другого источника сведений о нем не существует. Равным образом узнать, что представляет собой наука, в нашем случае – психологическая наука, на что она способна, можно только из ее истории, из информации о том, что ей удалось прежде сделать. Благодаря рефлексии, обращенной к прошлому, строится образ современной науки.

Вскоре и эта наука станет достоянием истории, одним из былых событий в динамике великого исторического опыта.

Проблемы и замыслы, идеи и исследовательские действия современного психолога – лишь один из моментов общей траектории всемирно-исторического движения научно-психологической мысли. Чем отчетливее предстает перед нами

картина этого движения, тем зорче мы ориентируемся в нынешней ситуации, тем лучше понимаем, откуда идем и какие пути уже были испытаны.

Не зная о своем прошлом или даже отрицая его, научная мысль «вскормлена» им. Изобретая новые концепции, открывая новые факты, она сообразуется – благодаря обращению к научно реконструированной истории – со своими прежними просчетами и успехами.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.

Абульханова К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988.

Басов М.Я. Избр. психолог, произв. М., 1975.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.

Бехтерев В.М. Объективное изучение личности. Пг., 1923.

Блонский П.Л. Избр. психолог, произв. М., 1964.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.

Брушлинский А.В. О субъекте психологии. М., 1995.

Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Л., 1924 – 1929.

Выготский Л.С. Собр. соч.: Т.I. М., 1982; Т. 2. М., 1982.

Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986.

Ждан А.Н. История психологии от античности до наших дней. М., 1989.

Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1960.

Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. М., 1971.

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М., 1994.

Кольцова В.А. Идеологические и научные дискуссии в истории советской психологии. М., 1995.

Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. Л., 1925.

Ланге Н.Н. Психология. М., 1914.

Леонтьев А.Н. Избр. психолог, произв. Т.I., 2. М., 1983.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы. Т.I. М., 1963; Т. 2. М., 1970.

Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. 3-е изд. М.,1986.

Павлов И.Л. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 1, 2. М. – Л., 1951.

Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.

Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.,1982.

Петровский В.А. Личность в психологии. Парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996.

Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1, 2. М., 1989.
Сеченов Я.М. Избр. филос. и психолог, произв. М., 1947.
Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
Ухтомский А.Л. Доминанта. Л., 1966.
Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. T.I, 2. Спб., 1868.
Франк С.Л. Душа человека. М., 1917.
Челпанов Г.И. Мозг и душа. М., 1912.
Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М., 1922.
Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд. М., 1974.
Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. 2-е изд. М., 1974.
Ярошевский М.Г., Анциферова Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.
Ярошевский М.Г. Выготский: в поисках новой психологии. М., 1993.
Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М., 1930.
Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
Джемс У. Психология. Пг., 1922.
Дильтей В. Описательная психология. М., 1920.
Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
Кеннон В. Физиология эмоций. М., 1927.
Коффка К. Основы психического развития. М. – Л., 1934.
Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М. – Л., 1936.
Лешли К. Мозг и интеллект. М. – Л., 1933.
Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М. – Л., 1932.
Титченер Э. Учебник психологии. 2-е изд. СПб, 1914.
Торндайк Э. Процесс учения у человека. М., 1935.
Уотсон Д. Психология как наука о поведении. Одесса, 1925.
Фрейд. З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1989. Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М., 1966.

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛИ (ТОМ 2)

(страницы указаны по печатному изданию)

А

Августин - 134
Авенариус Р. - 30
Алкмеон - 45
Андреева Г.М. - 395
Анохин П.К. - 312, 315
Анаксагор - 102
Аристотель - 7–10, 46, 102, 134, 158
Аснин В.И. - 201
Асмолов А.Г. - 391

Б

Басов М.Я. - 315
Бернар - 141
Белл - 164
Берн Э. - 225
Бехтерев В.М. - 140, 312
Бердяев Н.А. - 311
Бине - 306
Блонский - 315
Блондель Ш. - 212
Болдуин - 92
Брентано - 91, 120, 161
Бэкон Р. - 11

В

Валлон А. - 212
Вернадский В.И. - 32
Введенский А.И. - 311
Вольф Х. - 5, 12
Вундт - 121

Г

Гален - 50
Галлер - 72
Гальтон Ф. - 322
Гексли - 64
Галилей Г. - 111
Гегель - 210, 345
Гельмгольц - 33, 173
Гербарт - 24, 167
Глиссон - 66
Гиппократ - 43, 56
Грот Н.Я. - 311, 314

Д

Давыдов В.В. - 320
Дарвин Ч. - 141, 209
Декарт Р. - 14, 57, 112, 136, 160
Демокрит - 52, 101
Дидро - 229
Дильтей - 91
Джеймс У. - 215, 230
Джемс В. - 4, 302

Ж – З – И

Жане П. - 212
Жинкин Н.И. - 210
Зинченко В.П. - 320
Ибн аль Хайсам - 11, 59, 107

К

Кант И. - 118
Карсавин Л.Б. - 311, 314
Кавелин К. Д. - 311
Кабанис - 73
Келер В. - 125
Конт О. - 210
Корнилов К.Н. - 316
Климов Е.А. - 396

Кондратьев М.Ю. - 223
Кули Ч.- 215, 231
Кюльпе О. - 122, 227

Л

Ламетри - 73
Лазурский - 312, 314
Левин К. - 141
Лесгафт П.Ф. - 312
Лейбниц - 15, 69, 113, 165
Леонтьев А.Н. - 181, 337, 376, 383
Лири Г. - 281
Лоренц К. - 194
Ломброзо - 210
Локк - 73
Лурия А.Р. - 375

М

Маслоу А. - 306
Макаренко А.С. - 255, 278
Мах Э. - 30
Маркс - 110
Мажанди Ф. - 79, 164
Мерлин В.С. - 396
Милль Дж.С. -173
Мид Дж. - 224
Монтескье Ш. - 229
Морено Дж. - 258
Мэи Э. - 306
Мюллер И. - 55, 81, 115

Н

Небылицын В.Д. - 316
Ньютон И. - 21, 71, 169

П

Павлов - 31, 83, 127, 140, 312
Пифагор - 4

Пиаже - 91, 211
Прохазка - 75
Пуркинье - 115
Платон - 4, 104, 132

Р

Радищев А.Н. - 229
Роршах Г. - 331
Рубинштейн С.Л. - 315, 375, 383
Роджерс К. - 306
Руссо Ж.-Ж. - 229

С

Салливан Г. - 215
Сеченов - 31, 81, 138, 312
Соловьев В. - 311
Скиннер - 250
Спенсер Г. - 210
Спиноза Б. - 16, 137
Стронг Э. - 329
Стюарт Дж. - 120

Т

Теплов - 316, 330, 396
Троицкий - 311,314

У

Узнадзе Д.Н. - 314, 393
Ухтомский - 148, 312

Ф

Фехнер - 26
Фейербах Л. - 116
Филокон - 49
Фидлер Ф. - 276, 279
Фома Аквинский - 10
Франк С.Л. - 311

Фрейд З. - 141, 211, 227

Х-Я

Хайман Г. - 215
Холл С. - 79
Хомманс - 273
Чернышевский Н.Г. - 311
Чехов А.П. - 353
Шестов Л.И. - 311, 314
Шпрангер - 91, 208
Эйнштейн А. - 128
Эмпедокл - 12
Юркевич П.- 164
Ядов В.Я. - 393

Предметный указатель
(страницы указаны по печатному изданию)

Антистатусность - 222
Асуггестивный - 236
Аффилиация - 360
Витализм - 141, 364
Гуманистическая психология - 305
Доминанта - 148
Детерминизм - 148, 207
Интериоризация - 176, 350
Интериндивидуальное пространство - 341
Конформность - 235
Локализация мотива - 132
Метафора - 219
Менталитет - 368
Логотерапия - 134
Персонология - 299
Психофизический дуализм - 300
Психофизиология - 322
Рефлекс - 138, 175
Референтность - 218
Репрезентация - 223
Референтные отношения - 292
Редукционизм - 301
Социальная перцепция - 280
Трансакция - 225
Функционализм - 186

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ И
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМЫ....…………..…....... 3

Глава 10
ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА....................……………………………. 3
Глава 11
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ....……………………….. 24

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В
ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ ....………………... 50
Глава 12
КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА ....………………………….. 55
Глава 13
КАТЕГОРИЯ МОТИВА ....…………………………..… 76
Глава 14
КАТЕГОРИЯ ДЕЙСТВИЯ...............................……………………………... 91
Глава 15
КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ ....………………………... 117
Глава 16
КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ ....…………………………...... 208

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ....…………………...…...... 225

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ (ТОМ 2) ....……………………….…..... 227

Петровский А. В., Ярошевский М.Г.
История и теория психологии

Том 2

Художник **О. Бабкин**
Корректор **Н. Передистый**
Оригинал-макет **А. Светличного**

Лицензия ЛР№ 062308 от 24 февраля 1993 г.
Сдано в набор 16. 11. 95.
Подписано в печать 05.01.96
Формат 84х108/32. Бум. тип. №2
Гарнитура школьная. Печать высокая.
Усл. п.л.21,84. Тираж 10000 экз.
Заказ № 31

Издательство «Феникс» 344007,
г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

АО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

Наш адрес:
344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17
Тел. (863 2) 62-44-72, 62-38-11
Факс: 62-55-27